

ВАДИМ

ЗЕЛАНД

ЖРИЦА
ИТФАТ

Annotation

Все смотрят Тафти. Все читают Тафти. Все обсуждают Тафти. Одни кричат: «Мы ненавидим Тафти!» Другие кричат: «Мы хотим Тафти!» Кто же она такая, жрица Итфат, второе имя которой Тафти?

Это не вымышленный персонаж. Она реально существовала, а в определенном смысле существует и сейчас. В книге рассказывается об удивительных приключениях жрицы и ее друзей в метареальности. Но и это не совсем фантастика. Или совсем не фантастика. Не хотите – не верьте, а хотите – проверьте.

Ни волшебную палочку, ни сверхспособности фантастических персонажей нельзя забрать с собой, в свою жизнь. Техники Тафти – можно. Уже многие проверили.

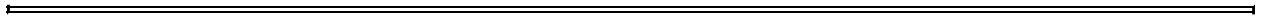
- [Вадим Зеланд](#)
 - [ОСТАНОВКА ВРЕМЕНИ](#)
 - [СИНТЕТИЧЕСКАЯ ДЕВА](#)
 - [ГЛАМРОКИ](#)
 - [МЕРТВАЯ ГОЛОВА](#)
 - [ЛЕТКА-ЕНЬКА](#)
 - [ГОРОД МАНЕКЕНОВ](#)
 - [ВСТРЕЧА](#)
 - [ЗАДНИЕ МЫСЛИ](#)
 - [ВИДЯЩИЕ РЕАЛЬНОСТЬ](#)
 - [ПЕРВОЕ ПОВЕЛЕНИЕ](#)
 - [ЗЕРКАЛО](#)
 - [КРЫШКА МИРА](#)
 - [КОРОЛЕВА БРУНХИЛЬДА](#)
 - [ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО](#)
 - [ВТОРОЕ ИМЯ](#)
 - [ПАРАД СУЩНОСТЕЙ](#)
 - [ЭКСПЕДИЦИЯ КРЫШКИ](#)
 - [БОЛЬНЫЕ ЛЮБОВЬЮ](#)
 - [ЛОХМАТАЯ ЗВЕРЮГА](#)
 - [ПОХИЩЕНИЕ ДИКОЙ ДЕВЫ](#)
 - [ЗВЕРЮГА И ЕГО ЖЕНЩИНА](#)
 - [НАКАЗАННЫЕ ЛЮБОВЬЮ](#)

- [ОСТАНОВКА СНОВИДЕНИЯ](#)
- [НАБЛЮДАТЕЛИ И ПЕРСОНАЖИ](#)
- [ДВИЖОЧЕК-РЫЧАЖОЧЕК](#)
- [ЗАПУСК СНОВИДЕНИЯ](#)
- [КРАСНАЯ КОРОЛЕВИЦА](#)
- [ВЗЛОМ СЦЕНАРИЯ](#)
- [Я ЭТО Я](#)
- [КАЛЕЙДОСКОП РЕАЛЬНОСТИ](#)
- [ИНИЦИАЦИЯ ГЛАМРОКОВ](#)
- [ВОПРОСЫ В СНОВИДЕНИИ](#)
- [ДЕЙСТВО В СНОВИДЕНИИ](#)
- [КОШИСА](#)
- [ВЫ СЕБЯ ЗНАЕТЕ?](#)
- [СЮРРЕАЛЬНОСТЬ](#)
- [СУМАСШЕДШИЙ ПИСАТЕЛЬ](#)
- [МЕТАМОРФОЗЫ](#)
- [ДЕФИЛЕ МАНЕКЕНОВ](#)
- [КАРАМИЛЛА-МАРАВИЛЛА](#)
- [СОН ЗВЕРЮГИ И ПРОБУЖДЕНИЕ](#)
- [НЕНАУЧНАЯ ПРИРОДА](#)
- [ВЛОЖЕННЫЕ РЕАЛЬНОСТИ](#)
- [НАЮКОЁЛОГИ](#)
- [ИЗНАНКА РЕАЛЬНОСТИ](#)
- [КОСИЦА НАМЕРЕНИЯ](#)
- [ГОРОД ХРАМОВ И СТАТУЙ](#)
- [ХОДЯЩИЕ ПОД КРЫШКОЙ](#)
- [ЖИВЫЕ СРЕДИ ЖИВУЩИХ](#)
- [ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)

Вадим Зеланд
Жрица Итфат

ОСТАНОВКА ВРЕМЕНИ

Это случилось очень давно, около 100 миллионов лет назад. Точная дата неизвестна, но она и не имеет значения. Когда речь идет о событиях, отдаленность которых невозможно себе представить, становится неважным, давно это было или недавно.

Глядя на звезды, мы не задумываемся о том, что их свет летел к нам миллионы лет. Звезды – они просто есть – здесь и сейчас. Аналогично с событиями прошлого, даже теми, что затерялись в глубине тысячелетий – они будто бы есть, здесь и сейчас, как только всплывают в памяти или повествовании.

Правда, не совсем здесь. Куда простирается эта самая глубина тысячелетий? Земля и море углубляются вниз. Небо уносится вверх. А в каком направлении уходит время? И откуда оно приходит?

С пространством все ясно: надвигается спереди, остается сзади. Со временем тоже все просто, если о нем не задумываться: что было – ушло, что будет – придет. Но куда ушло то, что было вчера, и откуда придет то, что будет завтра?

Стоит лишь начать разбираться, что же такое время, как оказывается, что все непросто и ничего не ясно. Ведь если нельзя сказать, куда ушло вчера и откуда придет завтра, то может быть, их и вообще нет, а есть только сегодня, сейчас?

Вчера не существует уже. Завтра не существует еще. Выходит, время – это ничто, которое движется в никуда из ниоткуда? Время – условность? Или все-таки физическое явление?

Ладно, будущее как неотъемлемая часть времени – понятие эфемерное. Однако прошлое – вполне реально, и не только потому, что о нем свидетельствуют раскопки. Черепки и останки – это скорее устаревшее настоящее. Под собственно прошлым понимается череда событий. Где же хранятся события?

Пусть это кажется невероятным, но прошлое можно узреть воочию. Звездное небо – наглядное тому подтверждение. Звезды загораются, светятся, гаснут, и мы это видим, как бы давно это ни было. Точно так же, со стороны звезд можно видеть то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Значит, прошлое хранится в луче света, и только?

Оставим все эти загадки на съеденье философам. В мире есть вещи, неподдающиеся объяснению, о которых можно лишь рассказывать. Так вот,

одна из таких вещей случилась – время замерло, и мир остановился.

До того момента все шло как обычно – сменялись династии королей, за одной цивилизацией следовала другая, статуи забытых богов покрывались трещинами и заносились песком... Все сущее когда-то приходило и уходило, но никогда не стояло на месте.

Хотя, кто знает, возможно, что и такое случалось не раз – время останавливалось, и Вселенная замирала в подвешенном состоянии. Ведь если есть причина, по которой время пришло в движение, то может существовать и причина остановки. Подобная пауза могла бы длиться как один миг, так и целую Вечность, поскольку без движения нет и времени.

Итак, в тот самый бесконечный миг небытия, когда ничего не происходило, в одном месте все же происходило нечто.

* * *

Жрица Итфат плелась по бескрайней пустыне, разговаривая сама с собой. Это была весьма экстравагантная особа, непонятно из какой страны, эпохи, и даже какого возраста – может двадцати, а может и сорока лет. Одета в длинное платье до пят из темно-синего, почти черного бархата, с шейным воротничком, усыпанным бриллиантами. На левой руке – перстень с кристаллом такого же темно-синего отблеска. Лицо покрыто устрашающей ритуальной раскраской багрового цвета с белыми пятнышками на скулах. Глаза зеленые, волосы черные, подстрижены в каре. Что можно еще добавить? При всей своей brutальной внешности, она была красива.

Почему она могла двигаться в застывшей реальности, оставалось загадкой, в том числе и для нее самой, поскольку жрица не знала, где находится, и не помнила, как здесь очутилась.

– О боги, властители мира! Верните меня домой! – не причитала, а скорей капризно возмущалась Итфат.

– Где мои служители, мои подданные? Если вы сейчас же не покажетесь, велю вам всем отрубить головы!

Ну, это было сказано, пожалуй, с преувеличением, поскольку жрица вовсе не имела репутацию жестокой и кровожадной правительницы.

– Так. Если это чья-то злая шутка, всем будет очень, очень плохо! – Итфат уже порядком устала, но у нее еще хватало духу вести себя подобно капризной принцессе. В таких-то обстоятельствах! Надо признать, у жрицы было отважное сердце. Кто-то другой, окажись на ее месте, уже бы впал в

истерику или транс.

Тем более что пейзаж был сюрреалистичным и пугающим. Повсюду однообразные песчаные волны до горизонта. В воздухе ни малейшего дуновения. Ни жарко, ни холодно. Небо, на котором не было солнца, светилось желтым сиянием, в то время как песок был, наоборот, голубого цвета.

– Ну-ка ну-ка, живенько-живенько, соображаем, это что, кошмарный ужас или ужасный кошмар? – у Итфат была привычка повторять слова.

– Со мной не может ничего такого приключиться. Это я создаю кошмары и ужасы, от которых все трепещут! Последний раз предупреждаю! Если я немедленно, сию же минуту, не окажусь в своем храме, я начну злиться, а вы знаете, как это страшно! – Итфат в отчаянии упала на колени. – Нет, я наверно сейчас расплачусь.

Тут она вдруг осознала, что едва ли помнит, откуда она и кто такая. В голове путались смутные обрывки воспоминаний, что была она верховной жрицей – правительницей какой-то страны, у нее был храм, служители, ее Наставник, но подробности никак не давались. Жрица не могла вспомнить даже своего имени.

– О боги, скажите мне, кто я!

После этих слов внезапно из пустоты возник шепот, который принялся носиться из стороны в сторону, подобно ветру:

– Итфат, Итфат! Жрица Итфат! Жрица, жрица!

– Странно, это вроде как мое имя, но будто бы и не мое, – пробормотала жрица, озираясь в поисках источника голоса. – Кто здесь?

– Преддверие, преддверие! – откликнулся шепот.

– Преддверие чего?

– Времени, времени!

– Где ты, покажись!

Но шепот так же внезапно стих и больше не откликался.

– Так... – вздохнула Итфат, не дождавшись ответа. – Похоже, это какой-то кошмарный сон. Либо я сейчас же просыпаюсь, либо сойду с ума. Больше не выдержу.

Тут у нее всплыло воспоминание о том, чему ее учил Наставник. Чтобы вернуться из сновидения в явь, нужно осознать, кто ты такая, кем на самом деле являешься.

– Я – это не я, – провозгласила жрица. – Я – это я!

Но заклинание не помогло. Ничего не происходило.

– Но кто же я?

А что могло произойти, если она так и не вспомнила себя отчетливо; и

даже имя, которое назвал шепот, казалось ей, как бы, и не совсем ее именем. И что значит, не совсем?

– Ну, что будем делать, Итфат? – спросила себя жрица. – Ладно, меня зовут Итфат, меня зовут Итфат. Что дальше? Идти куда-либо бесполезно, повсюду один песок, и ничего кроме песка до самого горизонта. Погоди-погоди. Что там еще говорил Наставник?

Новое воспоминание пробудило в ней надежду. Надо проснуться во сне, и тогда можно будет управлять самым сновидением. Для этого требуется внимательно посмотреть на то, что тебя окружает, и вдуматься, все ли в порядке, или что-то не так, и что именно. Увидеть реальность.

– Нет, вокруг меня и со мной все не так! Все не в порядке! И что тут можно видеть, кроме песка. Кстати, почему он голубой? – Итфат уселась и принялась пересыпать его с руки на руку.

– Песок – это не песок. Песок – это песок! – приговаривала она, пытаясь увидеть необычную суть обычных вещей, как учил Наставник. – Что в нем необычного, кроме цвета? Он состоит из песчинок и сыплется, как и положено песку.

В то же мгновение песок перед жрицей начал вздыматься, сворачиваясь в огромную воронку и устремляясь к небу. Зрелище было ужасающим, и жрица с криком кинулась бежать прочь от воронки, но все было тщетно – куда бы она ни бежала, песчаный вихрь все время оказывался перед ней. А в туфлях, в которые была обута Итфат, особо не побегаешь. Споткнувшись, она упала.

Безумное отчаяние уже почти овладело жрицей, но она снова собралась с духом и немного успокоилась, благо что воронка не причиняла ей никакого вреда.

– Ладно-ладно, я уже напугана так, что дальше некуда. Если дальше некуда, уже хорошо, уже лучше. Но мне это надоело. Мой страх теперь отдельно – и я отдельно. Я не хочу больше с ним быть. Я уйду, а страх оставляю в своих туфлях. Они здесь все равно ни к чему. Прочь, прочь от меня! – она скинула туфли и зашвырнула их прямо в воронку.

– Все, я ушла, а страх свой оставила!

Туфли исчезли в вихре, но тот завертелся еще сильнее, теперь уже с нарастающим гулом. Дела плохи, подумала Итфат, надо было предпринимать что-то более действенное, иначе добром все это не кончится.

– Ну же, Итфат-Итфат, жрица-жрица, тебе надо увидеть эту чертову реальность, понять, что это такое, или тебе крышка. Это не просто песок, это не просто вихрь. Что это? Соображай, уже быстро-быстро, уже скорей-

скорей!

И тут ее осенило.

– Песочные часы! – воскликнула она. – Это песочные часы! Я вижу тебя, ты, дьявольская реальность!

В тот же миг вращение вихря остановилось, гул сменился стеклянным перезвоном, и гигантская воронка осыпалась наземь. Песок приобрел свой естественный желтый цвет, а небо засияло голубизной. Лишь солнце все еще отсутствовало на небосклоне.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ДЕВА

В это же время, но в другую эпоху и в другом месте...

Объяснение, почему такое возможно – «в это же время, но в другую эпоху» – оставим на потом. Движение в пространстве и времени не всегда происходит линейно, то есть, в пределах видимости и понимания. И если что-то лежит за пределами нашего понимания, то это вовсе не значит, что такого не может быть.

Для того чтобы переместиться из той точки пространства и времени, где мы оставили жрицу Итфат, в новое место действия, наблюдателю потребовалось бы совершить довольно замысловатое путешествие.

Представьте, вы улетаєте в небо, фигурка Итфат на песке превращается в точку, Земля удаляется и становится все больше похожа на географическую карту, а вас уносит все выше, и вот уже голубизна неба сменяется чернотой космоса.

Теперь вы летите в черной пустоте, но вокруг не темно, потому что звезды, и Земля еще видна как удаляющийся голубой шарик. Но вскоре и Земля превращается в точку, отчего движение перестает быть вообще заметным. На какое-то мгновение вы зависаете в этом положении, когда кругом звезды в черноте, и ничего кроме звезд.

Затем одна звезда вдруг разворачивается в трубу, вас затягивает в светящийся тоннель и несет через него, бесконечно долго, но невероятно стремительно.

Наконец, скорость замедляется, вас выталкивает из трубы, и вы опять зависаете в черном пространстве со звездами. Одна из них начинает увеличиваться, и вы понимаете, что не висите, а движетесь.

И вот уже звезда превращается в шарик, который постепенно разрастается перед вами в голубую планету – это снова Земля, но в другой эпохе. Вы входите в атмосферу, чернота вокруг сменяется голубизной, вы тонете в облаках, какое-то время плывете в сером тумане, а затем снова погружаетесь во тьму, потому что солнце уже зашло.

Внизу огни ночного города, и вы планируете вниз, все ближе к огням. Пролетаете автострады с движущимися машинами, площади с гуляющими людьми, реки, мосты, светящиеся кварталы, дома, и наконец, влетаете в какое-то окно.

Теперь можно спокойно сказать, что в это же время, но в другую эпоху и в другом месте, а именно, в одном театре, шли киносъемки мюзикла

«Отпетый клоун».

Почему клоун, и что значит отпетый? Отпетый в церкви, потому что умерший? Или может отпетый в смысле неистовый, законченный, неисправимый? Похоже, съемочная команда и сама этого толком не понимала, потому что все еще находилась в так называемом творческом поиске.

Зрительный зал был погружен в полумрак. На креслах лежали оставленные вещи и верхняя одежда. Несколько человек сидели в зале, кто-то дремал, а кто-то глядел на освещенную сцену, где сновали люди, занятые всякими приготовлениями. Сцена представляла собой трансформер в виде полуцилиндра, на полу и стенках которого проецировались изображения и световые эффекты.

Посреди сцены стоял режиссер, эмоциональный парень, и страшно ругался.

– Это никуда не годится. Вы все никуда не ходите! Мы снимаем мюзикл или похороны? Пошли вон, дураки! Все пошли вон, и возвращайтесь другими!

Что он хотел этим сказать, и какими другими они должны были вернуться, режиссер объяснять не стал. Но участники съемочной группы – пестрая толпа, разодетая в пух и прах – и не спрашивали, разбежались кто куда.

– Так, где моя дива? Только она меня вдохновляет. Приведите мне диву! Макс, она там долго еще? – обратился он к оператору. – Сходи узнай.

Тот сбегал за кулисы и быстро вернулся. Макс, заикающийся молодой человек, по своему обыкновению долго готовился, перед тем как сказать какую-либо фразу:

– Виктор, мы... мы-ы...

– Что, мы? Кто такие мы, или кто мы такие – сложный философский вопрос. Короче!

– Матильда опять капризничает, – наконец выдал Макс.

– Так давайте ее сюда! – страшным голосом прокричал Виктор (так звали режиссера).

– Викто-ор! – из-за кулис донесся женский голос. – Я вот она, я здесь!

Вслед за голосом появилась она сама. Эксцентричная, как было понятно с первого взгляда, особа. Одета в темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на высоченной платформе, со включенными волосами светло-голубого цвета. Голубая блондинка, можно сказать.

– Иди сюда, Тиличка, моя ляля, моя цаца! – направился к ней Виктор, разводя руки широким жестом. – Ну-ка повернись. Вот мы какие,

красивые! – и тут же, резко меняя тон. – Чего приперлась! До сих пор не накрашена! Пошла вон, в гримерку, живо!

– Я не хочу, это все очень долго-предолго-о-о! – у Матильды была манера тянуть гласные. – У нас же ведь только репетиция!

– Репетиция это или съемки, решаю я. Прочь с моих глаз!

– Хочу конфету! Ты обещал принести мне вишню в шоколаде.

– Какая по... – попытался вступить в разговор Макс. – По-о...

– Ты говоришь, какая у меня красивая что? Договаривай скорей!

– Какая пошлость – вишня в шоколаде! – договорил Макс.

– А я хочу-у-у!

– Дива, ты знаешь правило: кто не делает дубль, тот не получает лакомство, – сказал Виктор. – Сделаешь – получишь. Все, пошла вон! Нет, стой, давай еще раз отрепетируем твой поклон.

Матильда отошла в сторону и изобразила жеманный реверанс.

– Ой, как вульгарно! – закричал Виктор. – Ну-ка давай заново, как тебя учили, руки на грудь и... Да не на груди, а на грудь, и душевно, с достоинством! Весело, а не фиглярно! Ну что ты будешь с ней делать! Все, убирайся прочь, уродина, или я прибью тебя!

Дива развернулась на своих платформах и приготовилась убежать.

– Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!

Матильда снова развернулась и замерла в ожидании.

– Твоими устами иногда глаголет сама истина. Сейчас серьезно, что нам лучше танцевать в этом дубле, стрит или хаус?

– Надо твист. Твист надо, – ответила дива.

– Что-что-что? Почему?

– Да потому что все эти ваши go-go и прочие RnB – полный отстойняк.

– Что-что-что? Почему отстойняк, это же современные танцы?

– Потому что это все надоело! Надоело это все потому что!

– Да, очень доходчиво объясняешь. А почему твист? Вообще ретро.

– Новое – хорошо забытое старое. Из того, что хорошо забыто, можно сделать новую моду.

– Это мы... м-мы... Это мысль, – выдал Макс.

– Согласен, надо попробовать, – сказал Виктор. – Ладно, иди гримируйся, будь умничкой.

– Я и так умничка! – Матильда вприпрыжку побежала за сцену.

Виктор подозвал костюмершу, что-то прошептал ей на ухо, и та удалилась.

– Так, а теперь все бездарности, умственно отсталые и неполноценные собрались, посмотрели на себя и быстро пришли в состояние гениальности.

Давайте-давайте, я уже прям вижу, как вы начинаете светиться. Макс, и остальные склеротики и склеротички! Нам надо решать, какая музыка и эффекты. Время, время! Времени нет! Когда будет готова Матильда, мне сообщить.

На сцене вновь закрутилась беготня и приготовления. Спустя некоторое время, которого как всегда «было и не было», Виктор, наконец, объявил:

– Так, все готово! Макс, где Матильда? А, вот она, вся такая радостная, бежит, цветет.

Представшее зрелище впечатляло. Вдобавок к голубым волосам, ее лицо покрывал густой синий грим, а глаза были разукрашены так, что дива и впрямь была дивой.

– Ну-ка иди, иди сюда, моя ляля! Повернись-ка.

Виктор знаком подозвал костюмершу, у той в руках был огромный розовый бант, какие когда-то носили сзади на старомодных платьях.

– Сейчас-сейчас, мы тебя нарядим!

Матильда, едва завидев бант, запрыгала и замахала руками:

– Нет, нет, ты с ума сошел!

– Да ты не понимаешь! Смотри, какой он! Розовый, красивый, большой! – приговаривал Виктор, любуясь своим изобретением. – Под цвет твоих туфель, все как надо!

– Я не стану такое носить, такую безвкусицу!

– Но мы же танцуем твист, вот и будет чем вертеть!

– Какой ужас! Я что тебе, кукла?

– Конечно! Ты моя живая игрушка!

– Стой спокойно, – костюмерша, не обращая внимания на стенания дивы, крепила ей бант, как раз над любезным местом.

Окружающие, собравшись, принялись ее успокаивать:

– Да ладно, Матильда, тебе в самом деле идет!

– Интересно смотрится!

– Классно выглядишь!

– Шикарно!

Наконец, диву кое-как уговорили.

– Тиличка, ляля, ты очень, очень красива! – продолжал убеждать ее Виктор.

– Очень-преочень?

– Да, да! А еще ты у нас умничка!

– Что такое-е-е, что еще от меня надо-о-о?

– У нас малюсенькая проблемочка, никак не можем выбрать

спецэффекты на полу и на стенах, все что-то не то. У тебя есть какая-нибудь идея, этакая?

Несмотря на то, что дива производила впечатление особы легкомысленной, у нее и вправду был неординарный склад ума, и на многие вещи она смотрела по-своему, не так, как все остальные. Возможно, на свою беду.

– Ну и не надо спецэффектов. Давай просто пол зеркальный, и стены зеркальные сделаем. И вся наша танцевальная группа в них будет отражаться...

– И твой бантик тоже!

– Перестань, я не это хотела сказать. Может быть, если все зеркальное, тогда что-нибудь интересное получится?

– Ладно, давай попробуем.

– Макс, запускай трансформер, всю сцену делаем зеркальной.

– В... в-все, что ли?

– Да, и пол, и стены. Так, внимание, по местам, – Виктор обратился к остальным. – Готовы? Жонглеры, акробаты, пошли! Музыка пошла! Камеры, поехали!

Тут прежде беспорядочная и пестрая толпа вдруг собралась, преобразилась и начала двигаться слаженно и стильно, будто все было тысячу раз отрепетировано. И конечно же дива, в самом центре всего действия, очаровательно вертела своим бантиком.

Ла-ла, лалалала-ла, лалалала-ла, лалала.

Ты никогда не бывал

В нашем городе светлом,

Над вечерней рекой

Не мечтал до зари.

С друзьями ты не бродил

По широким проспектам,

Значит, ты не видал

Лучший город Земли.

Ту-туду-туду-ду!

Песня плывет, сердце поет,

Эти слова – о тебе, Москва...^[1]

В этот момент все зеркала как-то одновременно сверкнули, и Матильду, видимо, оказавшуюся в фокусе, озарила яркая вспышка света. Она еще продолжала двигаться в такт музыке, в то время как со всех сторон ее окутал зеленый туман. Матильда оторопело остановилась. Туман быстро рассеялся, но все пространство тут же заполнил мираж из голубого песка и

желтого неба. У Матильды в глазах помутнело. Она стояла одна в мираже, который медленно плыл прямо через нее. Музыка все еще доносилась откуда-то издалека. Затем и мираж растворился, а вместо него вокруг Матильды начали проявляться какие-то серые фигуры, шевелящиеся будто в танце. В том самом танце, как только что на сцене. Фигуры были одеты в серые бесформенные балахоны, с неясными, размытыми лицами. Музыка смолкла и сменилась стеклянным перезвоном. Фигуры замерли и в замешательстве уставились на Матильду. Матильда в ужасе смотрела на них.

* * *

Очнувшись от оцепенения, серые фигуры кинулись на бедняжку с криками:

– Синтетическая дева! Синтетическая дева!

– Съедем ее! Съедем!

У Матильды подкосились ноги, и она упала в обморок еще прежде, чем фигуры успели на нее наброситься.

ГЛАМРОКИ

Матильда очнулась привязанной спиной к столбу. Точнее, она была даже не привязана, а крепко примотана к нему сыромятными ремнями так, что ноги не касались земли. Вокруг столба вереницей ходили оборванцы в серых балахонах с капюшонами и бормотали какую-то мантру:

– Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Время от времени они останавливались, поворачивались в центр круга и выкрикивали:

– Синтетическая дева! Съедем ее! – а затем снова принимались водить свой зловещий хоровод.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана.

Местность была пустынной и каменистой. Недалеко от столба был разведен большой костер, а поодаль виднелись какие-то примитивные постройки. Небо светилось тусклым серым сиянием, но без солнца. Общая картина была совершенно бесцветной, как в черно-белом кино. На этом фоне живописная фигурка Матильды смотрелась пришлицей из другого мира. Напомним, что у нее были голубые волосы, синее лицо, темно-зеленый комбинезон, розовые туфли с платформой и такого же цвета бант на поясице.

Несчастливая дива пребывала в шоковом состоянии. Она не понимала, где находится и что с ней происходит. Даже выдавшая виды жрица Итфат в такой ситуации наверно бы сникла. Что уж говорить о бедняжке, привыкшей к изнеженному комфорту и всеобщему обожанию. В других обстоятельствах она могла бы пожаловаться в свойственной ей манере: «Все стало очень-преочень плохо-о-о!» Но сейчас было не до капризов. Почему-то одна лишь мысль крутилась у нее в голове, да и та была странной: «Мой бантик теперь помнется». Очень-преочень странная такая мысль, при всем, что с ней случилось и что, похоже, ее ожидало.

Между тем дикари, вдоволь находившись по кругу и набормотавшись, принялись спорить меж собой о том, как дальше поступить с пленницей. Одни кричали:

– Зажаѣм ее! – другие же:

– Нет, сваѣм!

По какой-то причине, они то ли не умели, то ли не хотели выговаривать букву «р», потому что даже не картавили, а как-то ее

проглатывали. Однако это не делало их речь комичной, а скорее производило жутковатое впечатление.

Так они еще долго препирались в толпе, пока не разделились на две группки, которые стали друг на друга орать:

– Зажаьим!

– Сваьим!

Ссора, в конечном итоге, переросла в беспорядочную драку.

Дикари (или неведомо кем они там являлись, поскольку лица у всех были одинаковые, серые, бесполые и безжизненные, будто восковые) дрались не на жизнь, а на смерть. Оружия не было, но в ход шли попавшиеся под руку камни. Вскоре они уже не стояли на ногах, а валялись в пыли, разрывая в клочья свои балахоны. Как оказалось, волосы на их головах отсутствовали.

Матильда с ужасом смотрела на всю эту дикую свару и понимала, что даже если они друг друга перебьют, у нее самой шансов никаких нет – связанная, она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Ей хотелось закричать, но в горле стоял ком, да и что толку, помощи ждать было неоткуда. И это был не сон.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта безумная вакханалия, как вдруг откуда-то донесся очень сильный и низкий трубный звук. Серые вахлаки словно очнулись, нехотя поднялись и, пошатываясь, выстроились в вереницу вокруг столба. Грязные и оборванные, они по новой принялись топтаться в хороводе с бормотанием своих то ли заклинаний, то ли мантр.

Спустя некоторое время они как по команде остановились, повернулись в центр круга и злобно выкрикнули разом, будто сговорившись:

– Сваьим ее!

И тотчас бешено забежали. Одни бросали дрова в разгоравшийся огонь костра, другие волокли невесть откуда взявшийся здоровенный котел. Третьи подскочили к Матильде, высунули языки и, глядя на нее, с мычанием замотали головами. Намотавшись и намычавшись, они закричали:

– Синтетическая дева!

Все остальные дружно подхватили:

– Съедем ее! Съедем!

Затем, мыча и скалясь и высовывая языки, они отвязали свою жертву и потащили в сторону костра.

Картина была поистине сюрреалистичной, потому что в реальности не могло случиться ничего подобного. Девушка с кукольной внешностью, с

розовым бантиком... И такое грязное злодейство с ней... Нет, все это было слишком нереально. И все же, это происходило.

Но тут к Матильде, еще недавно полуживой от страха, неожиданно вернулось самообладание, как это бывает у обреченного на смерть, когда терять больше нечего, и когда хуже просто некуда. Собрав все силы, Матильда закричала:

– Пошли вон, дураки! Не трогайте мой бант!

Этот крик у нее вырвался самопроизвольно, она не отдавала себе отчета, почему выкрикнула именно такие фразы, и почему беспокоилась о таком, казалось бы, пустяке, находясь у последней черты. Единственное, что она почувствовала, это отчаянное желание, чтобы ее немедленно оставили в покое. А еще она заметила, что желание это сопровождалось каким-то необычайно томительным ощущением за спиной. Возникло ли данное ощущение от того, что у нее сзади находился бант, или от чего-то другого, но Матильда вдруг отчетливо осознала, что ощущение дает ей какую-то необъяснимую власть над серыми отродьями.

Те остановились как вкопанные и вытаращились на нее в полном изумлении. Матильда вырвалась из их лап и даже кого-то оттолкнула. Интуиция ей подсказывала, что бежать уж точно не следует, а потому она замерла в ожидании. «Что угодно, только не убегать», – подумала дива, ощущая себя готовой ко всему, и вновь испытывая характерное томление за спиной.

– Уйдите от меня прочь, уроды!

Уроды и в самом деле тут же попятились назад, издавая удивленные возгласы:

– Она сказала букву?

– Ей можно?

– Она мана?

– У нее ошó?

– Она может сказать букву!

Серые сгруппировались вместе и начали о чем-то перешептываться, поглядывая на диву, которая изо всех сил старалась изображать гордое достоинство. Затем они обступили Матильду, с опаской держась поодаль. Один вышел вперед и спросил:

– Кто ты?

Матильда поняла, что прямая угроза миновала, по крайней мере, пока, и ответила уже спокойней:

– Я гламурная дива-а-а! А вы кто такие, уроды?

И тут же осеклась – она словно забыла, где находится, и что эти самые

уроды, которых наверно не стоило оскорблять, ее только что чуть не сварили заживо. А вопрос, где она находилась – это был очень большой вопрос. Но те, видимо, не обратив внимания, снова завопили свое:

– Синтетическая дева!

– Она может сказать букву!

– Почему вы называете меня синтетической девой? – спросила Матильда.

Те молча переглянулись. Похоже, вопрос их привел в замешательство.

– Мы не знаем.

– Так, ладно. Кто вы такие, спрашиваю?

– Мы гламъоки! – наперебой загалдели серые. – Мы читаем бьедни!

Нам нельзя читать букву! Абу! Абу!

– Понятно, – сказала Матильда. – Вы гламрôки, и вы читаете бредни.

– Ошо! Ошо! – загомонили те. – Она может назвать нас! Она может!

Судя по всему, на дикарей производил очень сильное впечатление тот факт, что неизвестная пришелица могла свободно произносить букву «р», и что с ней при этом ничего ужасного не случилось. Серые опять принялись совещаться между собой, после чего один из них выступил вперед и спросил:

– Ты мана?

– Я Матильда. Понятно вам? – сказала дива.

– Мана-тида! Мана-тида! – закричали гламроки. Ответ Матильды опять привел их в состояние чрезвычайного возбуждения.

– А почему вы не произносите букву? – спросила она.

– Нам нельзя! Нельзя! Это абу! – заголосили те. – Будет къаш!

– Но ведь я же говорю букву, и никакого краша со мной не происходит.

– Ты мана! Мана-тида!

– Вот видите! А вы хотели меня сварить и съесть. А вы знаете, что бы было, если бы вы это сделали? – Матильда уже начинала вживаться в отведенную ей роль. – Случился бы полный краш!

Оборванцы, услышав такие слова, подняли вой, очевидно, преисполненный благоговейного трепета.

– А кто вас научил читать эти ваши бредни? И зачем они вам нужны?

– Гламоък научил! Мана-гламоък! Там! Там! – серые принялись оживленно жестикулировать, указывая руками куда-то в сторону построек.

– Мы должны читать бьедни, и тогда нам будет ошо. Нельзя читать букву. Нельзя дъаться. Нельзя поедать дъуг дъуга. Абу! Надо читать бьедни.

– Так, а меня вам поедать можно?

– Нельзя наших. Ты не наша.

– Нет, я ваша! – быстро сообразила Матильда. В таких обстоятельствах будешь соображать. – Я ваша мана!

Не успели гламроки отреагировать на ее слова, как издалека опять раздался тот самый трубный звук. По всей видимости, звук служил для них каким-то сигналом, потому что дикари переполошились и закричали:

– Священный хлевьюн! Надо отвести ее в священный хлевьюн!

– Что еще за хлевьюн такой? – спросила у них Матильда.

– Там гламоэк! Мана-гламоэк! Мы покажем! Идем!

Матильду охватило сильное беспокойство. Если гламóрк – их предводитель, тогда у него могло быть свое мнение по поводу того, кто здесь мана, а кто нет. И тогда процедура варки и последующего поедания синтетической девы могла возобновиться с не меньшим аппетитом.

Но у нее не было выбора. Она не имела ни малейшего представления, куда ей податься. Поэтому, ничего не оставалось, как идти с ними. Итак, вся процессия двинулась в сторону построек.

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Гламроки шли молча, обступив Матильду плотной толпой, но держась от нее на расстоянии. Это было весьма странное зрелище. Серые фигуры с восковыми лицами, и среди них голубая блондинка с розовым бантиком. Какое-то фантазмагоричное шествие куклы в окружении манекенов.

Однако про Матильду нельзя было сказать, что она Барби. Бывают люди симпатичные, а бывают красивые. Это как разница между формой и содержанием. Матильда была из тех, о которых говорят: «В ней что-то есть».

Но главное, что ее выделяло из общей картины, – не столько цветной силуэт на фоне «черно-белого кино», сколько присутствие жизни. Все остальное, включая серые фигуры, было не то чтобы мертвым, а обезжизненным, если можно так выразиться. Потусторонний мир наверно так и выглядит – он не отличный от нашего – он другой, потому что «по ту сторону». Вот только, по ту сторону чего?

Вопрос пока оставим открытым. Матильду сейчас волновала не физика явления. В ее голове крутились тревожные мысли о том, что будет дальше. В силу какой-то роковой случайности, она оказалась в чужом мире. Как отсюда выбраться – непонятно. На что надеяться – неизвестно. Чего ждать от зловещих спутников? Страшно подумать.

На лицах гламроков была написана мрачная решимость выяснить для себя какую-то вещь, которая могла стоить ей жизни. Они пока не трогали Матильду, но с подозрением на нее поглядывали. Один из тех, что шел спереди, обернулся, высунул язык и, видимо по привычке, выкрикнул: «Синтетическая дева!». Но тут же получил подзатыльник. Дева оставалась неприкасаемой до окончательного выяснения, кем она на самом деле являлась – «маной», или просто съедобной девой.

Положение Матильды усугублялось тем, что ей уже хотелось в туалет. «Хорошо еще, что хоть по маленькому», – подумала она. Но вот вопрос – как это сделать? Интересно, какого они пола? Внешне никаких половых признаков у гламроков не наблюдалось. И тут ее осенила ужасная мысль. Ведь они ее могут не только съесть, но и надругаться вволю, да еще неведомо как.

Она торопливо семенила на своих платформах, то и дело спотыкаясь о камни. Бедняжка все бы отдала, лишь бы оказаться в своем мире. «Я больше не буду капризничать, – думала она. – Я буду во всем послушной. Я

больше никогда не сниму свой чудесный бантик. Я что угодно сделаю, только верните меня обратно».

Вспомнив про бант, она вновь испытала то самое, странно томительное ощущение за спиной. Оно как будто придавало ей силу, и непонятно почему, но вызывало такое чувство, будто сама Матильда имела возможность управлять происходящим. Словно в ее распоряжении был выбор – чему быть, а чему не бывать.

Она вдруг осознала свою отдельность от всего, что ее окружало и что происходило с ней. Вот она сама, а вот окружающая реальность. Она сама по себе – и реальность так же. Матильда вдруг поняла – не умом, а всем своим существом, – что оказалась как будто в книге. И ей приходится блуждать там по страницам, подчиняясь навязанному сюжету.

Или даже, скорей, как в кинофильме. Если погружаешься в эту реальность, если покоряешься, соглашаешься, смиряешься с происходящим, тогда ничего не остается, как играть отведенную тебе роль. А если нет? Если ты – отдельно, и кино отдельно от тебя?

«Разве это моя реальность? – подумала Матильда. – Нет, это не моя реальность. Здесь что-то не так. Подобное часто бывает во сне. Да, это не сон, но черт возьми, какая разница? Со мной все будет хорошо. Что бы там ни было, не знаю как, но все будет хорошо. У меня нет другого выхода. А какой еще может быть выход? Я так решила, и точка».

Сразу вслед за этой мыслью в окружающей среде произошло нечто. Матильда к своему удивлению заметила, как от неба до земли быстро промелькнула косая черная полоса, будто неведомая сила перевернула страницу реальности. Серые, похоже, не обратили внимания и продолжали свое мрачное шествие как ни в чем не бывало. Зато у Матильды на душе сразу стало легче, к ней почему-то вернулась уверенность, что теперь все действительно будет хорошо.

Тем временем они уже подошли к постройкам. Это был не то город, не то селение, а нечто странное. Повсюду незатейливые квадратные домики с гладкими серыми стенами из незнакомого материала. Домики перемежались с такими же квадратными, но пустыми углублениями. И повсюду лестницы со ступеньками. Одни вели на крыши домов, другие в ямы, третьи просто бессмысленно заворачивались и уходили в никуда. Все это причудливое переплетение кубических построек и углублений, вместе с множеством лестниц, создавало совершенно абсурдную картину.

Извилистым путем, переходя с лестницы на лестницу, они вышли на единственное наверно открытое пространство – площадь, посреди которой возвышалось не менее странное сооружение. Оно представляло собой

черный монолит, овальный по периметру и обнесенный выступающими колоннами, которые плавно изгибались кверху, образуя ребристый купол.

Судя по всему, это и был тот самый «священный хлевыюн», хотя своим зловещим видом он скорее напоминал инопланетный корабль. Гламроки не могли сами построить такое сооружение, как и весь город наверно.

В тот момент, когда наша процессия приблизилась к монолиту, от него изошел поразительно мощный трубный звук низкого тембра, который заполонил все пространство. Гламроки засуетились и поспешили внутрь. Матильда со смешанным чувством любопытства и страха последовала за ними.

Сооружение внутри оказалось таким же, как и снаружи. Выступающие по стенам колонны плавно переходили в высокий свод. Откуда-то из ниш возле пола струилось зеленое свечение. Пол был зеркально гладким и черным. Помещение было пустым, с единственным элементом в центре. То был, по всей видимости, алтарь или постамент прямоугольной формы из того же материала, что и пол. На постаменте располагалась вросшая в него голова, такая же лысая и серая, как у гламроков.

Голова корчилась в гримасах, не издавая ни звука. Гламроки обступили алтарь, втолкнув Матильду внутрь круга, упали на колени, и с поднятыми руками принялись восклицать:

– Гламоък! Мана-гламоък!

Голова, не переставая гримасничать, заговорила низким басом:

– Надо читать бредни. Нельзя читать букву. Я мана. Я могу. Вам нельзя.

Мана-веда, мана-сана, мана-уна, мана-мана.

Мана-ома, ата-мана, мана-оха, мана-дана.

Гламроки послушно бормотали мантру, повторяя вслед за головой.

– Мана-ога, маха-мана, мана-оша, мана-шана, – продолжал гламорк (очевидно, это и был он). – Надо читать бредни, и вам будет ошо. Нельзя делать то, что нельзя. Будет краш!

Дикари закрыли лица ладонями и застонали:

– Абу! Абу!

– Кто здесь мана? – спросила голова. – Кому вы должны делать сажé?

– Гламоък! Мана-гламоък! – откликнулись те и принялись возить себя физиономиями об пол, нещадно сминая носы.

– Славьте меня! – резко выкрикнул гламорк и, сопровождая свои слова страшными гримасами, завел монотонное бубнение. – О-а-у-хомм, о-а-у-хомм.

– О-а-у-хомм! О-а-у-хомм! – подхватили гламроки.

Так они еще некоторое время бубнили вслед за головой, но постепенно замолкли и устали на Матильду. Та стояла в растерянности, не зная, что делать. Видимо, от нее чего-то ждали. Необходимо было срочно что-то предпринять. Желательно что-нибудь экстраординарное, как правильно сообразила она, поскольку под влиянием гламорка ее авторитет стремительно падал.

Ей уже нестерпимо хотелось в туалет. Матильда так и не поняла, что это за голова, живая ли она, и если да, то почему была вросшей в монолит. Та все продолжала бубнить и гримасничать. На какой-то миг Матильде показалось, что в голове присутствует что-то механическое – одни и те же ее движения повторялись с периодичностью.

Итак, терять было нечего. Либо сейчас, либо никогда. Если немедленно, сию же минуту она не возьмет ситуацию в свои руки, ей конец. Матильда, не долго думая, взобралась на алтарь, расстегнула молнию комбинезона в потаенном месте, присела, и начала справлять нужду прямо на говорящую голову.

Гламроки так и обомлели, глядя на нее. На их лицах, казалось бы лишенных мимики, проявился неопиcуемый ужас. Они заворожено смотрели на все это зрелище, не издавая ни звука. Завершив свое святотатство, дива встала и спокойно застегнулась. В тот же момент голова вдруг заискрила, задергалась, и с угасающим мычанием заглохла, окаменевши в плачевной гримасе.

Матильда все поняла. Стоя на постаменте, она обвела дикарей торжествующим взглядом. Их гламорк был повержен. Выдержав паузу, дива задала им уже прозвучавший сакраментальный вопрос:

– Кто здесь мана?

– Мана-тида! Мана-тида! – отмерли гламроки. – Ты наша новая мана!

Они тут же упали на колени и принялись возиться мордами об пол. Матильда слезла с алтаря и приказала им:

– Перестаньте! Встаньте! Встаньте же наконец, говорю я вам!

Гламроки поднялись, и держась на почтительном расстоянии, окружили Матильду. Дива уже окончательно пришла в себя и спросила:

– Ну, что будем делать?

– Читать бьедни! Читать бьедни! – загомонили серые. Мертвая голова их, похоже, больше не интересовала, они с благоговением воззрились на свою новую ману, готовые следовать любому ее приказу.

Матильда на минуту задумалась. Она только что избежала страшной участи, выкрутившись из безвыходного, как ей казалось, положения. Ничего подобного она в своей жизни не испытывала, и конечно от себя не

ожидала, что на такое способна. Но события развивались столь стремительно, что у нее не хватало времени успевать удивляться, или теперь уже радоваться.

По-прежнему оставалась масса неразрешенных вопросов: чем была эта голова, что за сооружение, что за город, кем и зачем все это построено, что это был за мир, наконец, в котором она оказалась? Кем бы ни были те таинственные зодчие, но уж точно не сами гламроки. Голова, судя по всему, была электромеханической, и служила средством обуздания этого примитивного народца. Сейчас она вышла из строя, однако источник энергии все еще действовал, поскольку монолит продолжал светиться зеленым сиянием.

Но главное: что теперь надлежало делать Матильде? Если народ примитивный, то мало ли что ему взбредет на ум. Значит, надо занять их умы, хотя бы чем-то вроде ритуалов, иначе они опять могут выйти из повиновения. Поразмыслив, умничка Матильда (а она несомненно была умничкой) решила для начала наладить с ними контакт.

ЛЕТКА-ЕНЬКА

– Слушайте, а почему бы вам не научиться произносить букву? – спросила Матильда.

– Нам нельзя! – ответили гламроки. – Будет кьаш!

– А я говорю, что никакого краша не будет. Я ваша новая мана, я разрешаю. Понятно вам?

Гламроки замялись в нерешительности.

– Нам нельзя! Абу!

– Нет можно! Скажите так: мы гламроки.

Те еще долго переглядывались и перешептывались между собой, не решаясь на такой отчаянный шаг. Наконец, один из них выступил вперед и произнес:

– Мы глам-ооки.

– Мы глам-ооки! – подхватили остальные, уже не проглатывая букву, а пытаясь что-то выговорить. Однако у них пока плохо получалось.

– Повторяйте за мной: крокодилы!

– Коокодилы! Коокодилы!

– Чебурашки!

– Чебуаашки! Чебуаашки!

– Барабашки!

– Баабашки! Баабашки! – усердно старались гламроки.

– Давайте-давайте, у вас получится! Ну-ка еще раз: ленинградский рок-н-ролл!

При этих словах гламроки оживились и принялись стараться еще усерднее. Вряд ли они понимали, что говорят, но слова им явно пришлись по душе. И тут произошло чудо. У них получилось!

– Ленинградский! Ленинградский! – с энтузиазмом закричали они. – Ленинградский рок-н-ролл!

– Вот видите! – обрадовалась Матильда. – Вы молодцы! Повторяйте за мной:

Пускай сегодня мелкий дождь идет с утррра,

Но мы с тобой опять танцуем как вчеррра.

От Москвы до Ленингрррада, и обррратно до Москвы,

Пляшут линии, огрррады и мосты.^[2]

Гламроки были явно способными учениками. Они без труда повторяли незнакомые им слова. Но для них было неважно, что слова незнакомые –

им очень нравилось, что теперь и они тоже могут, и никакого краша не происходит.

– Аба! Аба! – в восторге кричали они. – Мы гламроки! Мы читаем бредни! И мы читаем букву!

От открывшихся перед ними новых возможностей, дикари пришли в состояние крайнего возбуждения, и Матильда подумала, что их следует уговорить, а то они уже разошлись не на шутку.

– Стойте, стойте! Послушайте меня! – ей едва удалось их перекричать. – Скажите, зачем вы читаете эти свои бредни?

Гламроки немного успокоились, и один из них ответил:

– Мы должны читать бредни, – и тут же опять завелся. – Аба! Я читаю букву!

По-видимому, возглас «аба» у них служил способом выражения восторга. Но Матильда прервала энтузиаста:

– Да, я поняла, вы читаете бредни. Но какой в них смысл?

Вопрос озадачил гламрока.

– Что такое смысл? – спросил он, и не дождавшись ответа, добавил. – Смысл не надо. Надо ошо!

Матильде стало ясно, что отучить их от глупой привычки не удастся, да и не стоит наверно. Немного подумав, она обратилась к ним со словами:

– Так, значит, смысла вам не надо. Тогда я расскажу вам новую, волшебную бредню. Если будете читать ее постоянно, непрерывно, вам будет не просто ошо, а хо-ро-шо. Это больше. Это лучше.

Гламроки, похоже, были заинтригованы. Матильда собралась с мыслями, и начала говорить речитативом, не решаясь пока огорошивать их мелодией песни.

– Слушайте:

Мама-миа, хир а го эген,

Ма-ма, ха кэн а резист ю.

Мама-миа, даз ит шо эген,

Ма-ма, даст ха мач а мист ю.

Ес ав бин брокенхаре,

Блю син зе дэй ви паре.

Вай-вай, дид а эва лет ю го. ^[3]

Гламроки слушали как замороженные, и после того как Матильда закончила, еще несколько мгновений молчали. А затем разразились восторженными возгласами:

– Мана-миа! Мана-миа! У нас есть новая бредня! Хо-ро-шо! Это больше! Это лучше! Аба! Аба!

– Да, это Абба, – сказала Матильда. – Ну успокойтесь вы! Слушайте, давайте я вам повторю, чтобы вы заучили!

– Мана-миа! Мы помним! – отозвались гламроки, и тут же нестройным хором повторили все слово в слово, заменяя лишь «мама» на привычное им «мана». Как видно, их разум не был обременен излишней информацией, а потому любые слова и фразы они запоминали и воспроизводили с легкостью.

– Ну вы даете! – удивилась Матильда. – Ладно, пойдемте отсюда, здесь душно. Пойдемте!

Гламроки послушались и гурьбой высыпали вслед за Матильдой наружу. Но и там не могли уговориться. Переполненные впечатлениями, они выстроились по своему обычаю в вереницу и принялись топтаться, бормоча новую бредню:

– Мана-миа, хир а го эген...

Теперь они уже уверенно выговаривали букву, но веселая песенка в их исполнении превратилась в мрачный речитатив, как получается у солдат, когда они механически запевают надоевшую строевую песню.

– Ма-на, даст ха мач а мист ю...

Матильда, глядя на все это топтание и бормотание, подумала: «Нет, это опять какое-то исступление. Так не пойдет. Надо их зарядить чем-то более позитивным».

– Так, слушайте все сюда! – скомандовала Матильда. – Стойте как стоите. Сейчас мы разучим новую бредню. Это не просто бредня, а пелка-танцевалка. Это еще больше! Еще лучше! Вам будет хо-ро-шо! Хватайтесь друг за дружку и повторяйте все движения и слова за мной.

Гламроки удивились, но послушались. Она стала впереди всей вереницы, положила руки стоящего за ней себе на пояс, пригрозив ему, «Не трогай мой бант!», и начала петь, отплясывая когда-то модный танец:

Как-то ночью по пустой дороге
Грустный со свидания я шел опять.
Верьте – не верьте, почему-то ноги
Сами стали этот танец танцевать.
Снова к милой привела дорожка,
Снова оказался у ее дверей.
Стукнул в окошко, подождал немножко.
Слушай, дорогая, выходи скорей.
Раз-два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать.
Славная милая смешная енька

Нас приглашает танцевать.^[4]

Гламроки сперва нестройно и невпопад, но затем все дружнее и веселее принялись повторять все за ней. Оказалось, что они способны воспроизводить даже мелодию песни. Для них это было нечто новое, но было видно, что пелка-танцевалка им ужасно нравится.

Если кто-то видел, как танцуют летку-еньку, подпрыгивая вперед-назад и дрыгая смешно ногами, тот может представить, каким это было умопомрачительным зрелищем в исполнении гламроков. Наша дива знала, насколько старый добрый танец был опошлен современными гламурными дивами. Но она была не такой вульгарной, как ее «коллеги по цеху». Матильда ценила все настоящее, а потому пела и плясала так, как это делали в старое доброе время, которое она любила, как тот же твист.

Гламроки быстро усвоили мелодию и слова, и уже дружно подпевали ей, с удовольствием прыгая и выкидывая ноги из-под своих балахонов. Их впервые охватило доселе незнакомое им чувство радости – чувство, которое они верно никогда еще не испытывали.

Раз-два, туфли надень-ка,

Как тебе не стыдно спать.

Славная милая смешная енька

Нас приглашает танцевать.

Наконец, наплясавшись вволю, они все собрались вокруг Матильды, и будучи в полном восторге, принялись ее восхвалять на свой манер:

– Мана-тида-енька! Мана-тида-енька! Нас приглашает танцевать!

Так бы они кричали еще долго, но Матильда замахала на них руками:

– Все, хватит! Я устала, мне надо отдохнуть.

Гламроки, будто проникшись пониманием, подхватили ее на руки и понесли в сторону построек, не переставая восклицать:

– Мана-тида! Мана-тида-енька! Ты наша мана!

Они внесли ее в ближайший домик, бережно усадили на что-то вроде лежанки и удалились, почтительно пятясь назад. Лежанка была завалена сеном. Кроме того, там были еще стол и стул, а также нечто наподобие туалета. В остальном помещение было пустым и сугубо аскетичным. С круглыми высоко посаженными окнами на каждой стене и с одной дверью. Все из того же незнакомого гладкого материала, которым были отделаны все постройки. Несмотря на примитивность, жилище было достаточно технологичным, за исключением сена, невесть откуда взявшегося в этой пустыне.

Матильда с облегчением вздохнула. Наконец, ее оставили в покое. Однако ненадолго. Вскоре дверь отворилась, и в дом вошел гламрок (не

постучавшись конечно, какие уж там манеры), зато с подношением. Матильда только сейчас почувствовала, насколько была голодна. Гламрок поставил на стол поднос с миской, чашкой и ложкой.

– Что это? – спросила Матильда.

– Еда! – лаконично ответил тот.

В чашке была вода, в миске что-то вроде фасоли. Запах вроде тоже был неплохой. Матильда осторожно попробовала. Блюдо оказалось довольно вкусным, как ни странно.

– Откуда это у вас? – осведомилась она.

– Хлевыюн дает. Еды много!

«Сволочи, – подумала Матильда. – Почему же вы хотели меня съесть, если у вас и так жратвы дохрена». Но вслух ничего не сказала. Гламрок был немногословен, а она не имела ни малейшего желания вдаваться в расспросы, и тот удалился, пятясь задом и затворив за собою дверь. Наконец-то, и похоже окончательно, церемонии на сегодня были завершены.

Матильда быстро поела, забралась на лежанку и зарылась в сено. Постель была не ахти какая, но в таких обстоятельствах рассчитывать на удобства не приходилось. Несчастная настолько устала от впечатлений и событий прошедшего дня, что не могла ни уснуть, ни расплакаться. Да, все закончилось удачно. Гламурная дива стала богиней гламроков. Но что дальше? Что она будет здесь делать? Зачем ей все это?

Матильду охватила глубокая печаль. Неужели ей не суждено вернуться обратно? Неужели больше никогда и ничего не будет, из того что было? Что было и осталось в том, беззаботном прошлом, что не ценилось тогда, и что может быть теперь утеряно безвозвратно. И никто никогда не уложит ее в чистую постельку, не поцелует в лобик, не назовет ласково «Тиличка, ляля». Ей вспомнилось, как это делала ее мама. Каково ей сейчас? Наверно беспокоится? А остальные ищут ее, куда она пропала?

С этими грустными мыслями Матильда, уже вконец обессилив, уснула.

ГОРОД МАНЕКЕНОВ

Жрица Итфат ошалело озиралась по сторонам. Ее было трудно чем-либо удивить, но произошедшее с ней и окружающей действительностью не вписывалось ни в какие рамки. После того как песочные часы, или чем это являлось, перевернулись и осыпались, реальность успокоилась. Небо стало голубым, а песок желтым, однако солнце так и не появилось. «Откуда же свет?» – подумала жрица.

– Улетели-улетели мои туфельки, – продолжала она разговаривать сама с собой. – Ладно-ладно, будем считать, что я за свой страх расплатилась. Но если и дальше так пойдет, мне скоро нечем будет расплачиваться.

У Итфат только и оставалось, что ее шикарное платье из темно-синего бархата с бриллиантовым воротничком, да еще перстень с кристаллом на левой руке.

– Больше ты ничего от меня не дождешься, ты, полоумная реальность! Если ты свихнулась, так это не значит, что и я тоже должна. Тебе больше не удастся меня запугать. Отдавай мои туфли! Слышишь?

Между тем, вслед за опрокидыванием песочных часов к пейзажу добавилась новая деталь. Вдалеке стали проглядываться очертания какого-то города.

– Ну вот, Итфат, жрица-жрица, теперь тебе есть куда идти. Уже идем! Уже скорей! Пора кончать с этой бессмыслицей. Только бы не мираж.

Она отряхнула платье от песка и зашагала в сторону наметившейся цели. Песок скрипел под ее босыми ногами, будто стеклянный, хотя на ощупь был мягким. Жрица обратила внимание, что ступает по нему как по вате. Но еще больше ее озадачило другое, не менее странное явление. Ей казалось, что она не сама идет, а пейзаж движется навстречу, в то время как она лишь переставляет ноги. К тому же цель приближалась с какой-то неестественной быстротой.

– Это еще что за фокусы? – возмутилась Итфат. – Ты хочешь меня удивить, или опять испугать? – сказала она, обращаясь к реальности. – Так не бывает! А чего не бывает, того и бояться не стоит. Не страшно не страшно! Совсем-совсем! Поняла?

Реальность тем временем продолжала быстро меняться, словно игнорируя восклицания жрицы. Уже через несколько минут небо посерело, песчаные волны перешли в каменистую пустошь, а очертания города выросли на глазах. Итфат почему-то не чувствовала камней, они ей не

мешали, как ни странно, с ее босыми ногами. Но она уже устала чему-либо удивляться.

Жрица вошла в город, если таковым можно было назвать абстрактное нагромождение кубических построек и углублений, с бесконечным переплетением лестниц повсюду, куда бы ни падал взор. Вокруг стояла мертвая тишина, изредка прерываемая объемными звуками падающих капель, как будто невидимая гигантская клепсидра отмеряла промежутки времени.

– Ти-хий ужас. Это просто ти-хонь-кий, такой, у-жас, – повторяла Итфат, блуждая в лабиринте расположений и конструкций. – Час от часу не легче. Неужели кошмары еще только начинаются?

– Эй, есть тут кто-нибудь?! – крикнула она, и тут же объемное эхо разнесло ее возглас многократным «будь-будь-будь».

– Т-с-с, – опешила жрица, переходя на шепот. – Нет, если ужас тихий, то и вести себя надо тихонечко.

Она осторожно открыла дверь одного дома и заглянула внутрь. Там никого не оказалось. Из обстановки были только стол, стул и лежанка. Больше ничего. Аналогичная картина повторялась в каждом из домов, куда заглядывала Итфат. Она их обследовала один за другим, но нигде не было ни души.

Тогда она отважилась взобраться на высокую лестницу, чтобы осмотреться. Как выяснилось, лестница никуда не вела, а после нескольких поворотов зависала в воздухе. Итфат не стала подниматься до самого верха, потому что от высоты у нее уже начала кружиться голова. Остановившись где-то посередине, она огляделась по сторонам. Невдалеке меж одинаковых крыш возвышалось черное строение.

Спустившись с лестницы, Итфат решила двинуться в том направлении, насколько это было возможно в причудливом лабиринте. Так, от дома к дому, от лестницы к лестнице, она брела, внимательно смотря себе под ноги, чтобы куда-нибудь не угодить, как вдруг чуть не столкнулась с серой фигурой.

От неожиданности жрица отпрянула назад, ее сердце заколотилось. Фигура стояла неподвижно, замерев в такой позе, будто собиралась сделать шаг. Это был не то человек, не то статуя, облеченная в бесформенный балахон с капюшоном, скрывавшим лицо. Переведя дух, Итфат обошла фигуру вокруг и заглянула под капюшон.

Стеклянные глаза горели в тени, глядя в никуда. Ей показалось, что в них присутствовали признаки жизни, однако все остальное лицо было мертвенно-серым и застывшим в бесстрастном выражении. Итфат позвала

тихонько:

– Эй!

Фигура не шелохнулась. Тогда жрица осторожно потрогала балахон, он был сшит из какого-то грубого материала; провела пальцами по руке, она ощущалась как восковая; коснулась щеки... И тут произошло нечто противоестественное – пальцы жрицы свободно проникли сквозь кожу лица, будто оно было нематериальным.

Решив проверить свою догадку, Итфат попробовала провести рукой через тело фигуры, и рука снова прошла насквозь. В полном изумлении, жрица попятилась, и вдруг увидела, что проваливается в находившуюся позади лестницу, словно та состояла из воздуха.

В панике, жрица начала шарахаться из стороны в сторону, проходя сквозь стены и лестницы как фантом. Она уже не понимала, что здесь было нематериальным – все что ее окружало, или она сама. Это было уж слишком. Реальность продолжала плести какую-то свою зловещую сеть иллюзий, и жрица в этой игре, похоже, проигрывала.

Наконец, Итфат немного успокоилась и принялась исследовать новые свойства, то ли свои, то ли реальности.

– Чудесно-расчудесно! Я умерла! Или нет, я сошла с ума! А что лучше: я умерла или сошла с ума? Или нет, что хуже?

Она ощупала стену. Та казалась твердой и гладкой, однако стоило подать руку вперед, и она проходила, будто стены не существовало.

– Реальность, кто из нас прозрачная, ты или я?

Но определить с ответом не получалось, иллюзия была полной. Или может, то была не иллюзия?

Итфат заметила, что на площадке, где по-прежнему стояла серая статуя, был оборудован источник с небольшим каменным бассейном. Вода в нем лилась, и одновременно не лилась. Струя неподвижно застыла в воздухе, будто в стоп-кадре. Жрица подошла к источнику и потрогала воду. Вода на ощупь была водою, однако зачерпнуть ее не удавалось. Итфат попыталась напиться, но вскоре поняла, что из этого тоже ничего не выйдет.

И тут она разглядела, что струя на самом деле не была неподвижной, а все же текла медленно, еле заметно. Жрицу осенила смутная догадка. Она подбежала к статуе и снова ее осмотрела. Та стояла уже в чуть другой позе, занеся ногу на полшага вперед.

– Так, – жрица принялась ходить взад-вперед. – Здесь что-то неладное со временем творится.

Невидимая клепсидра, словно в подтверждение ее мыслей,

продолжала отмерять мертвую тишину редкими, но громкими каплями.

– Тихий-претихий у-жас! – повторяла Итфат. – Я окончательно сошла с ума, или еще не окончательно?

Она уже забыла, в каком направлении хотела двигаться, и ей пришлось снова забраться на лестницу, чтобы осмотреться. Черное сооружение виднелось неподалеку, но добраться до него через лабиринт было непросто. Жрица пошла по извилистым улочкам, стараясь не терять ориентировки. По дороге она встретила еще одну статую, потом еще и еще. Они все были одинаковые, только замершие в разных промежуточных позах. Одни стояли в полшага, другие сидели, третьи застыли в наклоне.

– Ну хоть кто-нибудь может мне объяснить, что здесь творится? – негодовала Итфат. – Ну хоть кто-нибудь!

Тут она вспомнила, что в песчаной пустыне у нее уже был некий «собеседник».

– Эй, Преддверие, ты здесь?

После ее слов из тишины вдруг поднялся шепот, который начал носиться из стороны в сторону, как ветер:

– Я везде и повсюду, везде и повсюду...

– Ой, ты и вправду здесь, – Итфат обрадовалась, что хоть кто-то живой объявился. – Я уж не спрашиваю, где ты и кто ты. Но можешь мне сказать, где я и что все это такое?

– Метареальность, – шепот перестал носиться, но исходил будто со всех сторон одновременно.

– Какая-то метареальность?

– Прототип реальности.

– О боги, ты можешь выразиться яснее? Что такое прототип?

– Это то, откуда все начинается, откуда все зарождается, откуда все берется.

– Что это за город?

– Модель того, что могло бы быть.

– А что за люди здесь застывшие?

– Это не люди, а манекены – модели людей.

– Почему все замедленное? Что я здесь делаю? Почему прохожу сквозь стены?

– Слишком много вопросов. Исчезаю.

– Постой-постой, скажи только, как мне вернуться обратно?

– Узнаешь, узнаешь, узнаешь... – шепот удался и стих.

Как видно, Преддверие не было расположено к долгой беседе. Итфат еще пыталась до него докричаться, но безуспешно. На ее зов откликалось

только эхо. Диалог с Преддверием оставил после себя больше загадок, чем ответов. И жрице ничего не осталось, как двинуться дальше.

Она еще долго блуждала по извилинам лабиринта, время от времени натываясь на «манекены», пока наконец не вышла на небольшую площадку. И вот там ей открылось зрелище, от которого у Итфат холодок прошел по спине. Посреди площадки в воздухе висела фигура, облеченная в темно-синее платье, такое же, как у нее самой. Итфат обратила внимание, что во всем сером окружении только они двое были цветными.

Фигура висела в неестественной позе: босые ноги отведены назад и вбок, руки кверху, голова запрокинута, черные волосы веером. Жрица, затаив дыхание, подобралась к фигуре сзади, обошла кругом и глянула в лицо. От того, что она увидела, ее пробрала сильная дрожь. Это была она сама.

С диким криком Итфат кинулась прочь. Объемное эхо многократно усилило и повторило ее крик. Наверное в жизни она еще никогда так не кричала и не испытывала такого животного страха, как сейчас. Хотя казалось бы, встретиться со своим манекеном было не намного страшнее, чем со всем тем, что она уже повидала здесь. Но жрице такое зрелище представилось уж чересчур inferнальным.

Однако и убежать ей не удалось. Она прилагала все усилия, но была будто скована параличом и едва двигала ногами, оставаясь на том же месте. Затем какая-то неведомая сила подхватила ее, подняла в воздух, и описывая круги по спирали, резко втиснула в висящую фигуру.

Через мгновение тело Итфат, уже будучи одним телом, рухнуло на землю. Какое-то время жрица лежала без движения, но наконец очнулась, встряхнула головой и осмотрела себя. Все было на месте. И она была одна. В этот момент откуда-то сверху рядом с ней брякнулись ее туфли.

– Ой, мои туфельки! – слабым голосом простонала жрица.

Она все никак не могла прийти в себя. Итфат на коленях подползла к туфлям, уселась, надела их и встала с непривычной тяжестью во всем теле. Похоже, ее тело вновь обрело свою материальную форму.

Она подошла к дому и попыталась просунуть руку сквозь стену. Не удалось. Стена была твердой и не пускала. Итфат вздохнула облегченно. По крайней мере, одна проблема была решена. «Слава богам, я это снова я», – подумала Итфат и уже бодрым шагом направилась к черной постройке, которая теперь виднелась за крышами. Каблуки уверенно и четко цокали по каменистой почве.

Наконец, она вышла на площадь, посреди которой возвышался огромный черный монолит.

– Ого, это что же за такое? – удивилась жрица, – Храм Верховного Создателя и то меньше!

Она подошла к сооружению, и тут перед ее взором открылась не менее странная картина. Рядом с монолитом на камне сидела девица с голубыми волосами, синим лицом, да с розовым бантом за спиной.

Девица сидела не шелохнувшись, подобно серым статуям, от которых, однако, разительно отличалась – не только обликом и цветом, но вдобавок присутствием жизни. Итфат обошла ее несколько раз, оглядывая со всех сторон. Вроде живая, а вроде и нет. Сидит себе и не пошевелинется. То ли манекен, то ли что-то несусветное. Девица и впрямь смотрелась весьма экзотично.

Итфат отошла в сторону и резко обернулась. Ей показалось, что девица моргнула. Или лишь показалось? Итфат снова приблизилась и принялась внимательно вглядываться в ее лицо. Та оставалась неподвижной. Тогда жрица сделала вид, что собирается уходить, и отправилась с площади в сторону построек.

Оказавшись вне поля зрения девицы, она сняла туфли, взяла их в руки и быстро обежала монолит с другой стороны. Осторожно выглянув из-за колонны, она увидела, что девица уже стоит и озирается по сторонам. Итфат тихонько подкралась к ней сзади и громко крикнула:

– Хей!

Матильда (конечно, это была она) от неожиданности аж подпрыгнула и тоже закричала.

Они некоторое время стояли молча и смотрели друг на дружку. Наконец, Итфат заговорила первой:

– Ты что это за пантомиму здесь изображаешь?

– Ничего. Просто, я тебя испугалась очень.

– Почему ты меня боишься?

– А чего ты такая красная?

– А ты чего такая синяя?

Они опять замолчали.

– Ты кто? – спросила Итфат.

– Я дива, – ответила Матильда.

– Да уж, чудо-чудное, диво-дивное, – с иронией в голосе заметила Итфат.

– А ты кто? – спросила дива.

– Я жрица. А звать тебя как?

– Матильда. Можно просто **Тили**.

– Ах, как трогательно. Тили-бом, тили-бом, разгорелся кошкин дом.

– Чего ты меня передразниваешь? – обиделась Матильда. – Я, можно сказать, впервые встретила живую душу, и та надо мной издевается. Ты даже не представляешь, чего я здесь натерпелась!

– Прости, – ответила жрица. – Я сама не знаю, что сейчас сказала. Это у меня нервный срыв какой-то. Я Итфат. И я тоже много чего здесь натерпелась.

Они поглядели друг на дружку, будто почувствовав одно и то же. А затем, не сговариваясь, обнялись и расплакались.

ВСТРЕЧА

– Ой, сейчас краска потечет! – спохватилась Матильда.

Они сразу перестали плакать, заморгали и принялись махать руками возле глаз. Увидев, что делают одно и то же, рассмеялись. У женщин так нередко случается – то они плачут, то вдруг смеются, без причин и прелюдий. А у таких экстраординарных, какими являлись дива и жрица, вообще все бывает непредсказуемо, поскольку они и сами не знают, что в следующий момент сотворят.

– Посмотри на меня, – сказала Итфат, – все расплылось, да?

– Нет, совсем нет, – ответила Матильда, – а у меня?

– Тоже нет. Странно.

Они потрогали друг дружку, а потом сами себя, опять выполняя одни и те же действия, как близняшки, хотя отличались разительно.

– Грим совершенно не мажется, – удивилась Матильда.

– Здесь невероятные вещи творятся, – сказала Итфат.

– Да уж, более чем. А что у тебя за раскраска такая устрашающая?

– Ритуальная. А у тебя?

– Театральная.

– Какая-какая?

– Ну, это долго объяснять. Знаешь, я тебя как увидела, подумала, сама Смерть за мной явилась.

– А-ха-ха! А я такую, как ты, вообще никогда не видала.

– Представь себе, я тоже никогда не видала такую, как я.

Они опять рассмеялись и принялись друг дружку оглядывать и трогать, будто повстречались на вечеринке, и будто ничего не случилось, и больше нечем было заняться и не о чем беспокоиться, кроме как вот обсуждать свою внешность, да хихикать. Но, наверно, это было нервное, после всего ими пережитого. А еще наверно, потому что обе были рады, что теперь не одиноки.

– Посмотри, не помялся ли мой бантик? – спросила Матильда и повернулась спиной, словно стояла в примерочной.

– Да нет, он в порядке. Твой бантик – это нечто.

– О да! А я сначала капризничала и так не хотела его! А он, кажется, мне кое в чем помог.

– В чем же?

– Еще точно не поняла, потом расскажу.

– А мое платье – оно почему-то совсем не испачкалось.
– Да, удивительно, – сказала Матильда.
– Здесь, похоже, ничто не мнется и не пачкается, – сказала Итфат.
– И косметика не плывет. А может, нам пойти смыть ее?
– Это вряд ли удастся. Я здешней водой даже напиться не смогла.
– А, это видимо после того, как все остановилось.
– После того как? А что было до?
– Ой, я ничего не знаю, ничего не понимаю. Я даже не знаю где я и как здесь очутилась. А ты знаешь?
– Нет, со мной все то же самое.

В этот момент в реальности стали происходить какие-то изменения, как будто в напоминание подружкам, что пора бы подумать о вещах существенных. Невидимая клепсидра, до сих пор отмерявшая равные промежутки тишины, начала ускоряться. Звук падающих капель повторялся все быстрее, пока не раздался треск, как от лопнувшего стекла, отчего жрица и дива аж пригнулись. Вслед за этим клепсидра стихла, а небо раскололось на две полусферы.

По одну сторону в воздухе наблюдалось колышущееся марево, а по другую небосклон был разлинован светящимися меридианами, уходящими к горизонту.

– Надо валить отсюда! – воскликнула Матильда.
– Что такое «валить»? – спросила Итфат.
– Надо бежать! Бежать надо!
– А куда? Кругом пустыня.
– Что-то изменилось. Что-то происходит. Видишь, небо какое? Надо рвать когти!
– Какие-какие когти?
– Фáти, ты с луны упала? Ты будто не все слова понимаешь... О боже, я не спросила, а ты откуда вообще?
– Я... ну, оттуда, откуда я. Но не с луны точно. Как ты меня назвала?
– Фáти. Так можно?
– По-моему, меня так еще никто не называл, но... звучит очень знакомо... странно.

– Ладно, потом, сейчас некогда! Побежали!
– Нет, стой, Тили, иди сюда! – крикнула ей вдогонку Итфат.
Матильда остановилась как вкопанная, развернулась на своих платформах и застыла в удивлении. Слова жрицы ей напомнили то, что она уже не раз слышала: «Нет, стой, Тиличка, ляля, иди сюда!»
– Что такое? – спросила Матильда. С некоторых пор у нее куда-то

исчезла привычка тянуть гласные. Здешняя реальность не особо располагала к гламурррным замашкам.

– Почему ты решила, что надо бежать? – спросила Итфат. – Может, там будет еще того хуже!

– Хуже того, что со мной было, уже не будет. Меня тут чуть не съели.

– А я чуть не умерла. Точнее, я умерла, а потом как бы отмерла. Но ведь мы живы!

– Ты же видишь, что-то происходит! Здесь, если что-то и происходит, то ничего хорошего!

– Ладно, тогда куда бежим, налево или направо? Там что-то колышется, а там какие-то линии.

– Хороший вопрос. Давай лучше туда, где ничего не колыхается.

Дива и жрица побежали в ту сторону, где сходились меридианы. Теперь в городском лабиринте было легко держать направление, глядя на небо. По дороге они еще успевали переговариваться.

– Фати, скажи, а почему ты назвала себя жрицей?

– Потому что я и есть жрица.

– В смысле, настоящая, взаправдашняя?

– А какая же?

– Но ведь в нашей стране нет никаких жриц.

– Я не из твоей страны, а ты не из моей, иначе бы ты меня знала, а я тебя.

– А почему мы разговариваем на одном языке? Ой, какая же я ослица! Гламроки тоже говорили на моем языке почему-то!

– Гламроки?

– Да, это они хотели меня съесть. А потом я стала их богиней. А потом они все замерли почему-то. Вон, один из них, видишь!

На пути им попалась серая статуя.

– Вот эти манекены? И ты стала их богиней? Как?

– Потом расскажу. Давай пока пешком пройдемся, на моих платформах не очень-то побегаешь.

– В моих туфельках тоже. Только я не поняла, ты сказала, они говорили на твоём языке?

– Ну да.

– На каком твоём? Мы с тобой на моем языке разговариваем.

– Нет, я на своем говорю.

– И я на своем.

Они с удивлением посмотрели друг на дружку.

– Понятно. Но непонятно, – сказала Матильда.

– Да, непонятно. Но понятно, – сказала Итфат, – это наверно из того ряда чудес, что одежда не мнется, не пачкается, и краска не течет.

– Здесь вообще одни сплошные чудеса, только не чудесные, а чудовищные! – подытожила Матильда.

Тем временем, они выбрались на окраину города. Пустынный пейзаж сильно изменился. По земле и по небу теперь тянулись флуоресцентные зеленые линии, уходящие вдаль. Изгибаясь, они образовывали форму туннеля, в конце которого виднелось черное пятно.

– Фати, мне страшно, – сказала Матильда.

– Мы можем туда и не ходить, – ответила Итфат.

– А если там выход из этого мира?

– А если тот мир будет еще страшнее?

– Но ведь нам надо как-то выбираться отсюда!

– Тогда пойдем.

– Мы только быстренько глянем, что там, и если что, мигом обратно.

– Ладно-ладно, быстренько-быстренько!

Дива и жрица взяли за руки и отправились навстречу неизвестности. По мере их продвижения вперед, земля и небо сужались, а туннель становился все темнее, только линии светились в полумраке. Но их переход длился недолго. Достигнув самой узкой и темной точки, воронка туннеля начала расширяться, и наконец развернулась в широкое пространство. Представшая картина в очередной раз повергла наших героинь в изумление.

Земля с небом поменялись местами. Итфат и Матильда стояли на пустоте, уходящей неведомо как глубоко вниз, а над их головами висел все тот же город гламроков, только перевернутый. Но и это было еще не все.

– Итфат, где ты? – закричала Матильда.

– Матильда! Я тебя не вижу! Я опять вижу себя!

– Я тоже себя вижу! Итфат, ты где?

– А ты где?

Так они кричали, стоя бок о бок, но все время крутились и оглядывались по сторонам. В конце концов они повернулись друг к другу и принялись смотреться, как в зеркало, делая разные движения руками, головой, ногами.

– Фати, я боюсь! – опять закричала Матильда. – Я вижу себя, но это не зеркало!

– Тили, это ты, что ли?! – воскликнула Итфат, глядя то ли на свое отражение, то ли на двойника.

– Это ты? Это ты мне отвечаешь?

– Тили, ты стала, как я?

– Нет, нет, это невозможно! Я это ты?

Теперь они осмотрели сами себя и в один голос ахнули. Итфат была в теле Матильды, а Матильда в теле Итфат.

– Ты оказалась права! – сказала Матильда. – Здесь стало совсем-пресовсем, очень-преочень плохо-о-о!

– Бежим-бежим назад! Пока он не закрылся! – крикнула Итфат, и они, взявшись за руки, кинулись обратно в туннель.

ЗАДНИЕ МЫСЛИ

Выбежав с «изнанки» на «лицевую» сторону реальности, дива и жрица с облегчением удостоверились, что все стало на свои места. Делать нечего, они опять направились в сторону площади.

– Нет, это издевательство какое-то! – причитала Матильда. – Тут куда ни кинь, всюду клин.

– Всюду что? – спросила Итфат. – Я еще не совсем понимаю твои выражения.

– Плохи наши дела, говорю.

– Это боги чем-то разгневаны. Или нам испытание послали.

– Ты еще скажи, что их надо умиловить, твоих богов, принести жертву!

– Нет, так поступают примитивные народы. У нас принято стремиться к совершенству богов, чтобы достичь их уровня, чтобы самим повелевать реальностью, подобно богам.

– Фати, так повели этой реальности, чтобы вернула нас домой!

– Я пока не могу. У меня что-то с памятью случилось, прошлое как в тумане.

– А у меня настоящее будто непрекращающийся кошмарный сон.

Порядком уставшие, они наконец возвратились к месту своей встречи, к монолиту на площади.

– Ну что, пойдем испытывать судьбу на другую сторону, где все колышется? – предложила Итфат.

– Нет уж, с меня хватит! Надо отдохнуть и хоть что-то съесть, – сказала Матильда.

– А здесь есть где можно что-то съесть?

– Ты голодная, да, Фати? Я еще не знаю как, но гламорки говорили, хлевыон еду дает.

– Какой хлевыон?

– Ну вот этот мегалит, они его так называли. Пойдем, поглядим.

Они вошли внутрь и осмотрелись.

– Ой, куда-то голова исчезла! – воскликнула Матильда.

– Голова?

– Здесь была голова на постаменте, гламорк, их божество типа, а теперь ее нет!

Алтарь и в самом деле куда-то исчез, а на его месте стоял цилиндр

высотой около трех метров и метра полтора в диаметре, из материала, похожего на тонированное стекло. Дива и жрица обошли цилиндр вокруг, потрогали его руками, он был гладкий и цельный, без малейших деталей.

– Смотри, в нем ничего не отражается, – сказала Итфат.

– И через стенки ничего не видеть, – сказала Матильда.

– Интересно, что это и зачем?

– Давай все остальное здесь исследуем.

Они обошли все внутреннее пространство, но ничего примечательного не обнаружили. Вдоль стен стояли наполовину выступающие колонны, которые изгибались кверху и переходили в высокий свод. Откуда-то снизу из ниш струился зеленый свет. И ни единой детали, напоминающей хоть какое-либо устройство или панель управления.

– Так ты говоришь, здесь может быть еда? – спросила Итфат.

– Ну мне так сообщили, что отсюда, – ответила Матильда.

Они опять подошли к цилиндру.

– По-моему, эта штука должна выполнять какие-то функции, – сказала Матильда. – Надо только понять, как с ней обращаться. Должна же быть хоть какая-то кнопка.

– Что такое кнопка? – спросила Итфат.

– Это такая штучка, на которую нажимаешь, и что-то происходит, например, еда появляется.

– Разве такое бывает?

– Да, в моем мире есть такие автоматы, только там еще денежку положить надо, а потом кнопку нажать, и будет еда или вода.

– Тили, мне не совсем понятно, о чем ты говоришь, но здесь вроде как нет этой самой кнопки.

– Да, нет. И что будем делать?

– Насколько я знаю, для того чтобы получить что-то, не всегда требуется делать что-то.

– Что ты имеешь в виду?

– Например, ты не можешь ничего сделать, чтобы пошел дождь или выглянуло солнце. И ты не можешь заставить дождь пойти или солнце выглянуть. Но если очень сильно захочешь, они могут сами захотеть того же.

– Ух ты! – Матильда уставилась на жрицу в полном изумлении. – Никогда не слышала ничего подобного! Но в твоих словах есть что-то такое... Постой! У меня здесь уже кое-что получалось!

Дива поправила сзади свой бант и принялась что-то шептать и ходить взад-вперед.

– Что ты делаешь? – спросила ее Итфат.

– Нет, ничего не выходит. Ай!

В это мгновение в цилиндре что-то загудело, из него выдвинулся сегмент, на сегменте лежала какая-то коробка.

– Нет, я не верю! – воскликнула Матильда.

Она открыла коробку, там были конфеты. Матильда взяла одну и попробовала. И тут же запрыгала и завизжала как ненормальная.

– Тили! Ты сошла с ума! – испугалась за нее Итфат.

Но Матильда продолжала скакать и визжать. Затем она схватила коробку и подскочила к жрице с криком:

– Фати-и-и-и! Это вишня в шоколаде! Попробуй!

– Что-что? – та взяла конфету, съела и расплылась в улыбке. – Как тебе это удалось? Что ты сделала?

– Я ничего не сделала, как ты и говорила! Я захотела! Это мой бантик! Это мой бантик!

– Погоди-погоди, при чем тут твой бант? Да успокойся ты наконец!

– У меня за спиной бывает какое-то странное ощущение, – Матильда принялась рассказывать, отчаянно жестикулируя. – У меня здесь пару раз такое случалось, я вспоминала про бант, а потом чего-то сильно хотела, и тут это ощущение, а затем происходило то, чего я хотела!

– Что именно ты чувствовала?

– Какое-то томление, как будто сзади за лопатками что-то есть, что-то такое...

– Хей! Я знаю, что это! – теперь уже Итфат пришла в возбужденное состояние, но тут же засомневалась. – Или нет... Я точно знаю, что знаю! Но что-то смутное, не могу припомнить...

– Скажи, скажи что ты знаешь об этом! – Матильда была вся в нетерпении.

– Реальность повелевается мыслью, которая возникает где-то позади, ненароком, как бы задней мыслью. Если чего-то желаешь совершенно нестерпимо, неистово, тогда надо сделать так, чтобы желание стало задней мыслью. Что-то в этом роде.

– Пока не совсем понятно, – сказала Матильда. – Но что это вообще такое, там, за спиной?

– Я очень смутно помню, – сказала Итфат. – Говорю же, у меня память отшибло. Все мое прошлое как во сне. Только обрывки.

– Фатичка, ты должна вспомнить! От этого, быть может, наша жизнь зависит. Ты понимаешь?

– Я постараюсь. Но лучше ты расскажи, что ты сделала? У тебя же

получилось!

– Я обратила внимание на свой бантик, поймала это ощущение за спиной и представила коробку конфет.

– И все?

– Все. А ты у себя за спиной что-нибудь чувствуешь?

Итфат вскинула голову, о чем-то задумалась и сказала:

– Нет. Но мне кажется, я когда-то это умела и использовала. А сейчас почему-то не получается.

– Ладно, я уверена, ты вспомнишь, и у тебя получится. Главное, эта штуковина работает. Я еще раз попробую. Чего ты хочешь?

– Пить хочу.

Матильда снова потрогала свой бант, что-то там поколдовала про себя, и чудо опять свершилось. Цилиндр загудел, и из него выдвинулся плоский сегмент, на котором стояло два стакана воды.

– Ты сама прямо как жрица! – сказала Итфат.

Они взяли стаканы и попили воды, глядя друг на дружку светящимися от радости глазами.

– Классно! Вода такая вкусная! – сказала Матильда.

Они поставили стаканы.

– Интересно, как эти столики убираются? – Матильда коснулась края сегмента, и тот задвинулся обратно вместе со стаканами, которые прошли сквозь стенку цилиндра, будто ее и не было. Потом она так же задвинула и другой сегмент.

– Я уже ничему не удивляюсь, – сказала Итфат.

– Здесь инопланетные технологии, похоже. Обалдеть!

– Тили, ты опять какие-то непонятные слова произносишь.

– Ла-ла-ла! Неважно! Нам теперь надо поесть. Какое твое любимое блюдо?

– Фламиди.

– А это слово уже мне незнакомо. Что это?

– Ну, такая рыбка запеченная.

– Я тоже люблю рыбку. Не могу гарантировать в точности твое блюдо, но что-нибудь сейчас изобразим.

Матильда недолго поколдовала, и тут из цилиндра начали выдвигаться один за другим сегменты со всевозможными блюдами.

– Чудеса, да и только! И это все ты задумала? – удивилась Итфат, хотя обещала не удивляться.

– Это шведский стол!

– Какой-какой?

– Неважно. Вот, еще кое-что забыла.

После ее слов появился еще один сегмент со столовыми приборами. А вслед за этим неожиданно, прямо из пола выросли стол и два стула, чуть не сбив жрицу и диву с ног.

– Ой, а это уже не я! – воскликнула Матильда.

– Кажется, на этот раз я, – сказала Итфат. – У меня промелькнула мысль, что не хватает только стола и стульев.

– Ух ты! Задняя мысль? Вот видишь, и у тебя получилось!

– Случайно.

– Здесь вроде не только эта колонна работает, но и пол еще.

– Наверно, нам следует быть поосторожнее со своими мыслями.

– Тебе надо обязательно вспомнить, что это там за спиной, и как с ним обращаться.

– Ладно-ладно. По-моему, все легко получается только в этом храме. В реальности все не так просто.

– Вот и вспоминай, Фатичка. Давай будем кормиться!

Они набросились на еду и принялись рассказывать друг дружке о своих злоключениях. Когда дива поведала жрице, каким образом ей удалось укротить гламроков, Итфат вскочила и начала кружиться и хохотать безудержно, а вместе с ней и Матильда. Сейчас новоиспеченные подруги беззаботно болтали, и это были самые счастливые минуты с тех пор, как они оказались в этом странном и пугающем мире. На данный момент и пока, для них все сложилось не так уж и плохо. Главное, теперь они были не одиноки, а вместе. Но о том, что им еще предстояло пережить, знал только этот мир.

ВИДЯЩИЕ РЕАЛЬНОСТЬ

– Ну вот, мы и покормились, – сказала Матильда. – Славно. Еще чего-нибудь хочешь, Фати?

– Нет, все было очень вкусно, – ответила Итфат. – Никогда такого не ела. Что бы я без тебя делала?

– А я тут одна без тебя вообще бы свихнулась. Я уже была на грани.

– Давай, что ли, уберем эти столики. А стол и стулья пусть остаются.

– Давай, – Матильда поочередно коснулась краев сегментов, и те задвинулись в цилиндр вместе с содержимым. – Классный автомат. Теперь не пропадем.

Они еще некоторое время непринужденно болтали, будто сидели в кафе, а вовсе не в заповедье времени и пространства, в котором оказались неведомо как.

– Фати, расскажи, из какой ты страны? – спросила Матильда.

– Из страны богов, – ответила Итфат.

– И что вы делаете со своими богами?

– Славим их.

– А они что делают?

– Правят.

– Понятно.

– А ты из какой страны? – спросила Итфат.

– Я? О, из страны дураков, – ответила Матильда.

– И что вы с ними делаете?

– Мы? У нас нет деления на «дураков» и «нас».

– Так вы там все дураки, что ли?

– Конечно!

– А мы еще только стремимся приблизиться к нашим богам.

– У нас наоборот, одни дураки кричат другим: «Пошли вон, дураки!»

А другие им отвечают: «Нет, это вы пошли вон!»

– Правда, что ли? – спросила Итфат.

– Да ладно, я пошутила, – ответила Матильда. – Из какой я страны...

Как бы тебе объяснить. Ну, например, из страны грибов.

– И что вы с ними делаете?

– Собираем. Потом варим, жарим, сушим, маринуем. Потом едим.

– А еще что делаете?

– Еще пляшем, поем. Так и живем.

– Странные вы.

– Просто, когда есть много о чем рассказать, не знаешь, что сказать. Они недолго помолчали, думая о своем.

– Фати, ты скучаешь по дому? – спросила Матильда.

– Да, – с грустью ответила Итфат. – А ты?

– Я тоже. Ты веришь, что мы сможем вернуться?

– Думаю да. Должен же быть какой-то выход.

– А меня знаешь, что беспокоит, – сказала Матильда, – если ты вернешься к себе, а я к себе, ведь мы тогда уже не будем вместе.

– Да, получается, мы можем быть либо дома, либо вместе, – сказала Итфат.

– Но я уже не представляю, как смогу с тобой расстаться.

– И я тоже.

– А ты не хотела бы к нам? У нас неплохо.

– Не знаю. А ты к нам?

– Также не знаю. Я только знаю, что не хочу быть без тебя.

– Тогда нам нужно для себя решить, что лучше: быть вместе, или быть дома, – рассудила Итфат.

– Вот не люблю я такие дилеммы! – воскликнула Матильда. – Вот почему всегда надо выбирать то или другое, а не все?

– Тили-Тили, нам пока даже нечего выбирать.

– Просто, я ненавижу положения, которые вынуждают!

– Как вынуждают?

– Вынуждают и принуждают и заставляют! Это как принуждение есть молочный суп. Меня в детстве заставляли его есть. А я ненавижу молочный суп! Почему я должна его есть? Или вот когда люди любят, или нужны друг другу, или хотят быть вместе, почему они должны расставаться? Не может быть никаких причин, чтобы расставаться! А у нас знаешь, какие драмы разыгрываются на этой почве? Уж они так любят, так не могут друг без друга, так страдают, но вот, обстоятельства вынуждают, и они расстаются. И тогда такая трагедия! А я в подобных случаях всегда себя спрашиваю: ну какого черта, ну не хотите вы расставаться, ну так плюньте на все и не расставайтесь! Потому что все это – молочный суп! Потому что вы вовсе не обязаны давиться молочным супом!

– Тили-Тили! Успокойся. Ну что ты так разошлась? – Итфат провела рукой по ее включенной головке, поправила ей бантик, и в тот же момент все внутреннее пространство мегалита заполнилось объемным изображением наподобие голограммы.

В воздухе висели, сменяя друг друга, прозрачные картины: детская

площадка, детки играют, воспитательница их зовет, они собираются в стайку, топают друженько в садик, раздеваются в шкафчики, заходят в зал, рассаживаются у столиков, накрытых к обеду.

За одним столиком сидит девочка с розовым бантиком на макушке и возит ложкой в тарелке.

– Опять вареное молоко! Какая противная пенка! Я не хочу-у-у!

– Девочка Матильдочка молча кушает супчик и не капризничает, – говорит ей воспитательница.

– А я не капризничая, я просто не хочу!

– Если девочка будет кушать молочный супчик, вырастет большой и красивой. А если не будет...

– А я и так большая и красивая, вот!

– Ты должна все съесть, иначе не получишь сладкого.

– А я обойдусь и без сла-а-а-дкого-о-о!

– Смотри, все дети кушают, а ты что, особенная?

– Да, я особенная!

– Ну-ка ешь сейчас же, или пойдешь в угол!

Девочка перестала возить ложкой в тарелке, повернулась и посмотрела на свою воспитательницу. Было заметно, что она как-то вся преобразилась, будто проснулась. Детским голосом, но по-взрослому спокойным тоном, она сказала:

– Вы мной манипулируете. Вы не имеете права меня заставлять. А я не обязана есть, если не хочу.

Воспитательница так и обомлела. Простояв полминуты с раскрытым ртом, она, наконец, тоже будто очнулась:

– Маленькая девочка не может так разговаривать! Ты откуда такие слова знаешь? Тебя кто научил? Мне придется поговорить с твоей мамой! – в полном замешательстве, или скорее в панике, воспитательница кинулась прочь из столовой.

– А сейчас я позову заведующую! – крикнула она за дверью.

Картинка постепенно растаяла в воздухе. Итфат и Матильда на все это смотрели как замороженные. Дива пришла в себя первой:

– Фати, ведь это была я! Это мои воспоминания!

– Я так и поняла, – отозвалась жрица.

– Это потрясающе!словно кино, нет, словно видео из прошлого!

– Что такое кино и видео?

– Примерно то, что мы сейчас видели, живые картинки. Картинки того, что было или могло бы быть.

– Что было или могло бы быть? – переспросила Итфат.

– Ну да. Например, видео – это когда отсняли, ну, запечатлели на камеру то, что реально происходило. А кино – это когда изобразили, ну, сыграли то, что могло бы происходить, и отсняли. А потом это отснятое показывают и смотрят. А почему ты спрашиваешь?

– Так, припомнила, что-то знакомое, чему меня учили.

– Что именно, Фати? Давай выкладывай, здесь все важно!

– Меня учили: что было, что есть, и что могло бы быть – это все одно и то же.

– В каком смысле?

– Это все вещи одного порядка.

– Фати, теперь уже ты как-то сложно изъясняешься. Я не понимаю.

– Если выражаться твоим языком, тогда то, что было, что есть, и что могло бы быть – это все кино. Потому что это все изначально отснято. Сначала отснято, а лишь потом происходит или может происходить. Понимаешь?

– Как это сначала отснято? Кем? – изумилась Матильда.

– Не знаю. Не могу все припомнить. Знаю только, что вот эти вещи – что было, что есть, и что могло бы быть – все это существует одновременно.

– Как это одновременно? Что ты такое говоришь?

– Представь, существует модель, и существует реализация этой модели – реальность. То, что было или могло бы быть – модели прошлого или будущего. А то, что есть – это реальность. Модели и их воплощения могут существовать одновременно.

– Хела! Никогда не задумывалась над такими вопросами, – сказала Матильда. – Но все равно, непонятно.

– Помнишь, я тебе говорила о моем невидимом собеседнике, Преддверии Времени?

– И что?

– Так вот, Преддверие сказало, что этот мир – метареальность, прототип реальности. А эти серые люди – не люди, а манекены, модели людей.

– Модели-не-модели, а меня реально чуть не съели!

– Тили, я здесь тоже реально видела свой манекен, и обрела свое тело, только когда вошла в него!

– Все, у меня уже голова кругом идет! – воскликнула Матильда. – Лучше ответь, что из всего этого следует? Как нам использовать эту модель-не-модель?

– Тили, прости, я опять вынуждена повторить, что ничего толком не

помню.

– Эх, Итфат, жрица-жрица, ты одна сплошная загадка, а я одно сплошное недоразумение! И что нам с нами, с такими, делать?

– Матильда, скажи мне, ты видишь реальность? – спросила Итфат.

– Что ты имеешь в виду?

– Та девочка, вернее ты, когда была еще девочкой, рассуждала так, будто видела суть вещей, суть происходящего. В моей стране видящие реальность считаются просветленными.

– И что это им дает?

– Видящие освобождаются от череды событий.

– Как это?

– Обстоятельства перестают над ними властвовать. Как-то так.

– А обычные люди?

– Обычные не видят реальность. Они просто живут в ней.

– Как рыбки в аквариуме?

– Да, как рыбки. Просто живут, как живется, и все.

– Хелала! Я начинаю кое-что понимать! – обрадовалась Матильда. – Точнее, пока не понимать, а чувствовать какое-то понимание.

– Да, «чувствовать понимание», это именно то, что со мной сейчас происходит.

– Но чувствовать мало. Нам надо понять. Вот когда ты вспомнишь, тогда мы поймем!

– Вот и помоги мне. Скажи. Здесь – что ты видела, как ты видела эту реальность?

– Ага, что-то такое было! Когда меня «вели на заклатие», я отчетливо осознала, что со мной такого не может происходить, что это не моя реальность!

– И что дальше?

– Я ощутила себя отдельной от этой реальности, как будто я в книгу или в кино попала.

– И потом?

– Потом я твердо для себя решила, что со мной все будет хорошо. Не знаю как, но будет хорошо, и все тут. Абсолютно твердо решила. И после этого я увидела, как от неба до земли промелькнула косая черная полоса, будто страница книги перевернулась. И там, на следующей странице, все действительно окончилось благополучно.

– Знаешь что, – сказала Итфат, – давай испытаем, сможет ли этот мегалит перемещать нас по страницам реальности. Если твои воспоминания вызвали картинку прошлого, тогда что будет, если ты

задумаешь свое настоящее?

– Боюсь, еще одна картинка, – сказала Матильда, – но надо попробовать.

– Используй то ощущение, за спиной. И задумывай не просто картинку саму по себе, а нас внутри нее. Как будто мы в твоём кино.

– Тогда давай обнимемся, чтобы не разлететься в разные стороны. Я не хочу тебя потерять.

Дива и жрица обнялись, постояли некоторое время молча, затем Матильда что-то пробормотала, и тут произошло нечто такое, чего они никак не могли предвидеть. Их фигуры сначала расплющило в горизонтальную плоскость, затем в вертикальную, потом вся эта двумерная проекция наклонилась и распалась на ряд плоскостей-фрагментов, которые повисли в воздухе. В каждом из фрагментов были запечатаны плоские силуэты обнявшейся пары. Все трансформации сопровождались металлическим жужжанием, после чего наступила мертвая тишина.

ПЕРВОЕ ПОВЕЛЕНИЕ

– Фати! – раздался голос Матильды.

Это был не совсем ее голос, а словно его металлически-цифровая копия. Плоскости с проекциями обнявшей пары тут же завибрировали и отозвались такими же металлическими отзвуками эха, но не протяжными, как бывает в горах, а короткими резкими импульсами:

– Ти, – Ти, – Ти, – Ти.

– Матильда! – откликнулся голос Итфат, и тоже раскатился отрывками эха:

– Льда, – льда, – льда, – льда.

– Фати, мы зависли! – вновь закричала Матильда.

– Исли, – исли, – исли, – исли.

– Ах-ха-ха-ха! – ни с того ни с сего рассмеялась Итфат.

– Ахаха, – ахаха, – ахаха, – ахаха – подхватило эхо.

Картина повисших проекций, вместе с нереалистичными голосами, была настолько зловещей, что смех с ней едва ли вязался. Можно было подумать, жрица сошла с ума.

– Фати, ты меня пугаешь! – крикнула Матильда

– Аешь, – аешь, – аешь, – аешь.

– Отклей нас!

– Лейнас, – лейнас, – лейнас, – лейнас, – почему Итфат употребила такой термин, было тоже непонятно и странно.

– Я не могу пошевелиться!

– Иться, – иться, – иться, – иться.

– Весело!

– Есело, – есело, – есело, – есело, – продолжала в том же духе Итфат. – Вспомни про бантик!

– Нтик, – нтик, – нтик, – нтик.

На последних отзвуках эха, проекции вдруг схлопнулись вместе, и дива со жрицей свалились на пол, уже в своем первоизданном виде.

– Прямо жуть! Жуть прямо! – воскликнула Матильда, поднимаясь на ноги.

– Есело, – есело, – есело, – есело, – Итфат задержалась, как механическая кукла, а затем внезапно смолкла и застыла.

Матильда, потеряв дар речи, уставилась на нее. Но жрица вдруг отмерла, взглянула на испуганную диву, и рассмеялась.

– Фати, прекрати меня пугать! – закричала Матильда. – Нашла время шутить шутки! Мы едва живы остались!

– У-ля-ля! – Итфат встряхнула головой, поморгала, попрыгала, словно проверяя, все ли на месте.

– Ладно-ладно, Тили! – она потрогала уже готовую обидеться диву. – Главное, мы это снова мы, и мы вместе!

– Как ты можешь еще веселиться? – негодовала Матильда. – У нас ничего не получилось, и мы чуть не застряли где-то. А если бы мы застряли навсегда? Неужели тебе не было страшно?

– Наоборот, если становится очень страшно, пусть лучше будет очень весело.

– Фати, ты меня удивляешь. У тебя проявляются качества, о которых я не знаю.

– Я и сама о них не знаю, – сказала Итфат. – Я себя забыла, а теперь вспоминаю.

– Как это, ты себя забыла?

– Во мне что-то есть. Есть что-то, чего я не знаю, но чувствую.

– Чувствуешь то, чего не знаешь! Шикарное чувство. Мне бы так. Я вот о себе все знаю.

– Ты не права. Не знаешь. Никто не может все о себе знать.

– Хела! Фати, ты иногда выдаешь такие мысли, от которых в жар бросает.

– А что я такого сказала?

– Вот ты сказала, а мне теперь думай, чего я о себе не знаю.

– Я ведь тоже от себя такого не ожидала, что рассмеюсь, вместо того чтобы испугаться. Это вышло сначала спонтанно, а потом намеренно, – сказала Итфат.

– Как это, сначала спонтанно, а потом намеренно? – спросила Матильда.

– Это когда подчиняешься первому порыву, который идет откуда-то из глубины твоего Я, минуя мыслительный центр.

– Минуя, говоришь, мыслительный центр?

– Когда что-то идет из тебя, как безмолвное повеление, без слов и объяснений. И когда не успеваешь сообразить, что это и почему, а просто повинуюешься. И лишь потом понимаешь, что повеление было верным.

– Интересно. У меня тоже бывает нечто подобное, – сказала Матильда.

– Ты тоже следуешь первому повелению? – спросила Итфат.

– Да, иногда.

– Вот и я, сначала последовала, а потом поняла, что повеление

подсказывает мне способ выйти из оцепенения. А заодно и тебе напомнить про бантик, чтобы ты нас вернула обратно так же, как мы там оказались, уж не знаю где это там.

– Выходит, ты спектакль здесь разыграла? – удивилась Матильда.

– Ага-ага, – сказала Итфат. – Что такое спектакль?

– Кино, которое играют, но не снимают.

– Почему-почему не снимают?

– Чтобы было как в жизни, по-настоящему.

– А кино разве не настоящее?

– Ну, кино это как бы копия спектакля.

– А спектакль, это копия жизни?

– Да, в некотором роде. Фати, ты опять что-то пытаешься вспомнить?

– Странно, получается цепочка: жизнь, спектакль, кино, – сказала Итфат. – А я припоминаю, меня учили, что все наоборот: сначала создается замысел, потом по замыслу крутится действие, а потом уже действие воплощается в жизнь. Все наоборот!

– Какой замысел, кем создается? – спросила Матильда.

– Помнишь, о чем мы говорили: что было, что есть, и что могло бы быть – это все кино. Сначала отснято, потом происходит.

– А! Модели-не-модели.

– Кино – это модель, а жизнь, то есть реальность – воплощение модели. Мы сейчас находимся в кино.

– В модели реальности?

– Да, или в метареальности, по словам Преддверия.

– И нам надо выбраться в реальность, в жизнь.

– Верно.

– Но как?

– Пока не знаю, – сказала Итфат. – Интуитивно чувствую, что требуется каким-то образом пройти обратную цепочку: кино, спектакль, жизнь.

– Звучит слишком абстрактно, – сказала Матильда. – Нам бы что-нибудь конкретное предпринять.

– Но видишь, Тили, идея перемещения по страницам реальности не сработала.

– Да, почему-то одним лишь усилием воли не получается, даже в мегалите. Надо что-то другое. Что-то другое надо.

– А о чем тебе говорит твое первое повеление?

– Есть один вариант, который мы еще не испробовали.

Они переглянулись.

– Я угадала? – спросила Итфат.

ЗЕРКАЛО

– Осталась еще другая сторона, – сказала Матильда.

– Где все колышется? – спросила Итфат.

– Да, надо попробовать. Попробовать надо.

– Хоть и страшно?

– Здесь все что ни случается, все страшно!

И тут, будто в подтверждение сказанного, в мегалите запустились какие-то движения и звуки.

– Опять что-то начинается! – воскликнула Матильда.

– Тили, не забывай, поосторожнее с мыслями, – сказала Итфат.

– Куда же мне девать свои мысли? Я же не могу ни о чем не думать и ничего не говорить!

– Есть просто мысли, а есть установки. Мысленные установки оказывают влияние на реальность.

– Какие такие установки?

– Это когда выносишь вердикт, что реальность такая и такая.

– Вердикт? А что я особенного сказала-а-а-а?! – не успела Матильда договорить, как пол пришел в круговое движение.

Вернее, было не совсем понятно, что вращается: пол относительно стен, или стены относительно пола. Дива и жрица инстинктивно ринулись к выходу, но дверной проем оказался загорожен черной стеной. Движение сопровождалось зловещим тиканьем, как будто внутри мегалита работал часовой механизм: чики-чики-чики-така, чики-чики-чики-така.

Наряду с обратным вращением пола и стен, с каждым ударом главного такта перемещались еще и колонны, двигаясь рывками, подобно стрелкам кварцевых часов. Цилиндр в центре зала оставался недвижим, но ухватиться за него было невозможно, так что дива со жрицей держались друг за дружку, не зная, куда себя деть. Внезапно все прекратилось и замерло.

Первой пришла в себя Итфат.

– Я насчитала двенадцать ударов, – сказала она.

– У тебя еще хватило хладнокровия считать! – воскликнула Матильда. – Я чуть не описалась!

– Ах-ха-ха, Тили! – рассмеялась жрица. – Это бы вряд ли сейчас помогло!

– Тебе все смешно! Как ты так можешь?

– Ладно-ладно, давай посмотрим, не открылась ли дверь.

Они направились к выходу. Дверной проем и в самом деле был свободен. Подруги выбрались наружу, и тут же обе вскрикнули от неожиданности. В окружающей среде что-то изменилось. Все было по-прежнему и на месте, но соотношение длительности движения и времени стало иным. Дива и жрица двигались как в замедленной съемке, и только их голоса звучали в нормальном темпе.

– Фати, что происходит?! – закричала Матильда.

– Не знаю, мы словно под водой находимся, – отозвалась Итфат.

– Боже, когда все это закончится!

– Тили-Тили! Не унывай. Как ты говоришь, надо валить отсюда? Валить отсюда надо!

– Надо-надо! Уже скорей-скорей! Я тоже как ты говорить стала.

– Тогда побежали-побежали!

И они побежали, если это можно так назвать, поскольку двигались как акванавты. Небо было все так же разделено на две полусферы. Одна половина была разлинована светящимися меридианами, а на другой наблюдалось колышущееся море, куда и направились дива со жрицей. Какие еще опасности могли их там подстергать, они не ведали, но в любом случае требовалось что-то предпринять.

Выбираться из города пришлось долго. Когда, наконец, им это удалось, перед ними открылась удивительная картина. Там, где прежде была пустыня, теперь плескалось настоящее море, с волнами, шумом прибоя, и даже с травой и пальмами на берегу. Однако растительность начиналась как-то странно вдруг, с резкой границы.

– Хелала! Фати! Как здорово! Море! – закричала Матильда.

– погоди радоваться, может это мираж, – высказала предположение Итфат. – Видишь, как все колеблется.

Картина и впрямь будто плыла в потоках горячего воздуха. Но Матильда была вся в нетерпении.

– Я хочу туда! Скорее уже! Уже скорее-е-е!

Они старались с удвоенной энергией, но шевелились все так же медленно, едва приближаясь к цели. А передвигать ноги становилось все труднее, словно какая-то сила держала и не пускала вперед.

В конечном итоге они встали, будучи не в состоянии ни сдвинуться с места, ни даже пошевелиться. Зависла пауза. Через несколько мгновений откуда-то принёсся нарастающий звук спущенной тетивы, и в тот же момент обеих старательниц, как натянутой резинкой, отбросило назад. В полной растерянности они уселись на песок. Зазывающее море с пальмами

как было, так и осталось вне досягаемости.

– Это форменное издевательство! – возмутилась Матильда.

– Да, реальность иногда бывает склонна к садизму, – сказала Итфат.

– Что будем делать?

– Надо найти способ туда добраться.

– А что нас может не пускать? И почему?

– Насколько я помню, – сказала Итфат, – мой Наставник учил меня, что если творится что-то неладное, надо увидеть реальность и себя в ней. Вот ты, Тили, что и как видишь?

– Я вижу море и хочу туда! А что тут еще можно видеть?

– Вот именно! Тебе этого слишком хочется.

– Слишком очень хочется? Очень слишком? А тебе разве не хочется?

– Да, но излишнее хотение напрягает реальность, и она начинает сопротивляться.

– Ух ты, это я еще в школе проходила: действие рождает противодействие. И что же ты предлагаешь, перестать хотеть? Но как я это могу?

– Часто бывает достаточно всего лишь опомниться и отдать себе отчет, каким образом ты напрягаешь реальность. Надо увидеть не только реальность, но и себя в ней. А ты себя не видишь.

– Да как я ее напрягаю? Я в жизни много чего хотела, но никогда такого не было, чтобы меня прям на поводке держали.

– Не забывай, мы в метареальности, а здесь, похоже, все гипертрофировано.

– Ладно, вот я буду себе твердить: я не хочу, я не хочу. Но разве я от этого перестану хотеть?

– Если отказаться от желания нельзя, тогда можно притвориться, обмануть реальность.

– Притвориться? Это я могу, – Матильда на минуту задумалась. – А давай сделаем вот что: пойдем задом наперед.

– Ах-ха-ха! Тили-Тили! Это настолько глупо, что может сработать. Ты умничка!

– Да, это глупо, но попробовать стоит.

Они поднялись на ноги и, хихикая, зашагали к морю спиной вперед. И тут случилось невероятное. Сопротивление среды прекратилось, и они уже двигались с обычной скоростью.

– Фати! – воскликнула Матильда. – Сработало! Мы идем!

– Да! Уже быстро-быстро!

– Но как это вышло? Разве можно обмануть реальность? Ведь я не

перестала хотеть!

– Желание не только тормозит реальность, оно еще влечет за собой неправильные поступки. А если ты притворяешься и начинаешь действовать так, будто желания нет, реальность тебя отпускает.

– Хелала, хелала, вот теперь я поняла!

– Тише ты, Тили! Не спугни реальность.

– Это еще кто кого здесь пугает!

– Идем-идем, не оглядываемся.

Так дива и жрица шли задом наперед, пока не уткнулись спиной в какую-то преграду. Удивленные, они повернулись и принялись ощупывать невидимую стену. С этой стороны лежала песчаная пустыня, а с той резко начиналась растительность, и до моря было уже рукой подать, но пройти невозможно. И тут они заметили, что отражаются в стене как в зеркале. Только силуэты отражений с той стороны казались едва различимыми, будто призрачными. Морской пейзаж тоже виделся неясно в колышущейся дымке. Но шум прибоя слышался довольно отчетливо и совсем рядом.

– Фати, ну что за наказание! Нас опять не пускают!

– Я поняла, – сказала Итфат. – Это зеркало мира: с той стороны действительность, а с этой ее прототип – метареальность.

– Выходит, мы оказались по ту сторону действительности?

– Да, уже давно могли бы догадаться.

– Но что это вообще за зеркало такое?

– Я вспомнила, оно разграничивает два аспекта реальности: действительный и мнимый.

– Что значит мнимый?

– Помнишь, мы это обсуждали: здесь кино, там жизнь. Здесь то, что было или могло бы быть, а там то, что есть. Здесь образ, там отражение. Сначала отснято, потом реализуется. Сейчас мы в кино. Со стороны образов. Зеркало, только наоборот, понимаешь?

– Значит, мы тоже мнимые?

– Нет, это мы с той стороны стали мнимыми. Видишь, как мы там отражаемся? Просто, наши образы и отражения поменялись местами. Мы из материальной действительности перескочили в пространство образов.

– Но ведь здесь тоже все материальное! – возразила Матильда. – И меня гламроки собирались съесть как вполне материальную деву. Хотя, они меня почему-то синтетической обзывали...

– А разве ты во сне не ощущаешь все как материальное?

– Ну так то во сне! Там все лишь кажется.

– Нет, не кажется. Посуди сама, может ли твой разум выдумать все те

причуды, которые случаются в сновидении? А все те миры, где ты летаешь, когда видишь сон, думаешь, они лишь в твоей голове?

– Ну, нет, наверное. Не знаю. Не задумывалась.

– Так вот, здесь ты и летаешь. Точнее, твое внимание летает здесь, в метареальности. Пространство образов и пространство сновидений – это одно и то же.

– Но мы же не спим сейчас? – спросила Матильда. – Или спим?

– К сожалению, это не сон, – ответила Итфат. – Здесь не только наше внимание, но и наши тела. Ты, кстати, сразу оказалась в своем теле?

– Да уж, я это почувствовала, меня так связали, что все конечности затекли.

– А я не сразу. Помнишь, я тебе рассказывала, сначала проходила сквозь стены, и лишь потом нашла свой манекен.

– Вот бы нам сейчас протиснуться сквозь эту стену! А так, ни туда пройти, ни из себя выйти.

– Да, нам надо как-то осуществить, либо то, либо другое.

– Ух, Фати, я просто в шоке от всего этого. Что нам теперь делать?

КРЫШКА МИРА

Пока у Итфат и Матильды случилась заминка с зеркалом, в это же время, но в другом месте, крутилось другое кино.

* * *

Адя Зеленый проснулся от лая соседской собачки. «Странно, – подумал он. – Вроде, соседский дом сжег еще на прошлой неделе, собачку скормил рыбам... Может, показалось? А может это сон? Надо пойти проветрить свой гениальный ум».

Адя долго искал тапки, называл их изворотливыми ублюдками, грозился выбросить сразу как найдет. Тапки боялись и не показывались. Пришлось идти босиком, поскольку другой обуви у Ади не имелось.

Тропинка, по своему обыкновению, вела через лес к морю. Деревья опасливо уклоняли ветки с дороги, поскольку знали, что с Адей лучше не связываться. Настроение у него, как всегда, было зломрачным.

Свернув с тропинки, Адя вышел на опушку леса, где находился Пень Познания. Адя нередко навевался сюда, дабы почерпнуть мудрости жизни. Другого места, где почерпывать мудрость, он не знал. Но и этого вполне хватало.

Короче, Пень Познания стоял посреди поляны. В Пне было дупло. В дупле сидела Белка. Адя сунул свой нос в дупло. Белка отвесила Аде щелчок – хороший, с оттяжкой. Получив щелчок по носу, Адя констатировал: «Итак, жизнь – премерзкая штука. Всякий раз убеждаюсь».

Он вернулся на тропинку и двинулся к берегу моря, приговаривая: «Ладно же, покажу я вам всем. Попляшете вы у меня. Попоеете». Что он этим хотел сказать, неизвестно. Однако намерение у него было отнюдь не благостным.

На берегу, как очевидно, был берег, море и чайки. Чайки, завидев Адю, неодобрительно закричали. Адя, по привычке, поднял было камень, но потом передумал, пробормотав: «Не-е-е-т, нельзя поддаваться на профанации... или как их там, про... про... Ай, ладно. Координация профанаций – вот принцип, которому надо следовать».

Довольный всей глубиной мысли, которая пришла ему в голову, он решил прогуляться вдоль берега. Море пыталось достать Адю и таким

образом разозлить его. Но он не поддавался: «Координация профанаций, хе-хе... Вашу мать!» – Адя споткнулся о большую корягу.

«А вот и профанатор подходящий», – сказал Адя, подняв дубину, и зашагал дальше.

Тем временем, ему навстречу выбежала чем-то встревоженная Желтая Подлодка.

– Ой, Адя Зеленый! – от неожиданности воскликнула она.

– Я-то зеленый, категориально. А ты чего такая вся желтая и неконкретная? – ответил он, ничуть не смутившись.

– А ты разве не знаешь?! Наш мир накрыли крышкой!

– Какой крышкой, кто накрыл, зачем? Ты свихнулась?

– Да посмотри же вверх, дубина!

Адя задрал голову, и вправду – там, где положено быть бездонному небу, нависала какая-то тяжелая темная поверхность.

– Оранжевая Корова первой заметила, – лопотала Подлодка. – Она сказала, летать стало невозможно! Я так взволнована, так взволнована, я вся чешусь! Что с нами будет?! Что все это значит?!

– Это значит, ваш Оранжевый Праздник закончился, и сейчас наступает диппёрпалный кирдец, хе-хе.

– Но как же теперь быть?! Что нам делать?

Адя почесал дубиной затылок, и говорит:

– Я знаю, это все мамотники, это они во всем виноваты, обнаглели, гады.

Подлодка еще больше встревожилась, забегала, засуежилась:

– Ой, кто такие? Они злые? Они ужасные? Они нас съедят?

– Да, либо они нас, либо мы их. Я как раз собирался на охоту. Мамотников надо сначала проваливать, а затем гасить, и ты мне в этом поможешь.

– Ой нет, я не могу, я боюсь!

– А хочешь, чтобы крышка тебя совсем придавила?

– Нет, нет, не хочешь!

– Тогда пошли. И перестань прыгать и скакать вокруг меня.

– Ладно, мы идем спасать мир!

Они свернули с береговой полосы и углубились в лесную чащу. Подлодка все приставала с расспросами:

– А какой он, мамотник? Он дикий? Он страшный?

– Да, он хитер и коварен.

– Мы поймаем его?

– Да.

– Охота на мамотника трудна и опасна!

– Да.

– Но мы спасем мир! А куда мы идем?

– Можешь помолчать хоть минуту?

Так шли они, шли, и наконец пришли. Под раскидистым деревом была кем-то вырыта глубокая яма.

– Что это? – спросила Подлодка.

– Ловушка. Мамотник будет бежать, провалится, и мы его схватим.

– Ух ты, как здорово!

– Надо прикрыть ее ветками и листьями.

Они быстро замаскировали яму, уселись в засаде и принялись ждать. Ждали они ждали, но никто так и не собирался бежать мимо и проваливаться в яму.

– И сколько же нам так сидеть? – спросила Подлодка.

– Да, нужно как-то приманить мамотника, – ответил Адя.

– А что его может привлечь?

– Побольше шума, побольше эмоций.

– Что же ты сразу не сказал, дубина. Давай заберемся на дерево и поднимем шум.

– Ладно, давай.

Вскарабкались они на дерево, и ну горланить песню на весь лес:

Над границей тучи ходят хмуро,

Край суровый тишиной объят.

У высоких берегов Амура

Часовые Родины стоят.^[5]

Пели они пели, потом другую песню запели:

I want your love and

I want your revenge.

You and me could write a bad romance.

О-о-о-о-о!

I want your love and

All your lovers' revenge.

You and me could write a bad romance.^[6]

И потом еще разные прочие песни пели, но никто так и не появился.

– А тебе не кажется ли, что кто-то из нас идиот? Или, похоже, мы оба? – сказала Подлодка.

– Эмоций маловато. Ну ничего, сейчас мы это исправим.

Тут Адя схватил якорь Подлодки, зацепил его за ветвь, а ее саму

спихнул вниз. Подлодка повисла над ямой.

– Что ты делаешь! Злобный, коварный Адя! Сейчас же отцепи меня!

– Вот, так, теперь дело пойдет, – с удовлетворением отметил Адя, спустился с дерева и затаился в кустах.

– Спасите! Помогите! – кричала, болтаясь на якорной цепи, Подлодка. – Адя, я убью тебя, сволочь!

Вдруг, над ямой промелькнула чья-то тень, раздался треск веток, и... кто-то оказался в ловушке.

КОРОЛЕВА БРУНХИЛЬДА

Королева Брунхильда собирала морковку на своем огороде, складывая ее в подол платья, и распевала:

Я королева, а-ля-ля,
Я королева, а-ля-ля!
А вы, мои морковки,
Вы мои подданные!
Идите уже ко мне,
Мои морковки, а-ля-ля!

Лохматая Зверюга, тем временем, сидел, спрятавшись в ботве, и наблюдал за королевой. У Лохматой Зверюги было такое имя, потому что он и был лохматою зверюгою, а еще потому, что когда он воровал морковку с огорода, королева пускалась за ним в погоню и кричала ему вслед: «Ах ты зверюга лохматая!»

Вообще-то, Зверюге морковка была не нужна, просто он влюбился в королеву и старался всякими способами привлечь ее внимание. А это было непросто. К тому же, Брунхильда была воинственной особой. Ходили легенды, что завоевать ее сердце сможет лишь тот, кто одержит над ней верх в поединке. Но мало кто на это отваживался, поскольку мечом она владела в совершенстве.

Вот и Зверюга тоже очень боялся Брунхильду и не знал, как подступить к ней. Пробовал он дразнить ее, обзывать, исподтишка дергать за юбку, угрожать даже – все тщетно. Брунхильда ему твердила одно:

- Ты, Лохматая Зверюга, должен сразиться со мной.
- А если я тебя победю, – спрашивал Зверюга, – ты меня полюбишь?
- Нет, – отвечала королева.
- Вот видишь! Тогда зачем?

Зверюга почему-то надеялся, что когда-нибудь он разозлит королеву так, что она за ним погонится, поймает его, поколотит, и влюбится вдруг. Не зря же говорят, «бьет, значит любит».

Так вот, выждал Зверюга удобный момент, когда королева нагнулась к земле, и кинул в нее морковкой, угодив прямо в любезное мягкое место.

– Ах ты зверюга лохматая! – королева в ярости вытряхнула из подола своих подданных и погналась за лишенцем. А тот уже всюду улепетывал в сторону леса и верещал:

– Брунхильда, я утащу тебя в свою пещеру!

Но погоня длилась недолго. Лохматой Зверюге не посчастливилось, он с треском провалился в какую-то яму. Очевидно, это была та самая ловушка, которую подстроили Адя Зеленый и Желтая Подлодка.

Ну, тут началось. Адя подскочил к яме с дубиной:

– А, попался, зловредный мамотник! Сейчас я буду тебя гасить!

Подлодка, болтаясь на дереве, пищала:

– Поймали, поймали! Колоссально! Адя, зараза зеленая, сними меня сейчас же! Как ты будешь без меня спасать мир?!

С лесной округи на шум собрались звери и птицы. Все с любопытством заглядывали в яму. Там сидело лохматое существо с грустными глазами, которое, казалось, потеряло дар речи от неожиданности и удивления.

Адя жестом призвал всех угомониться:

– Дамы и господа, прошу внимания! Итак, наступает торжественный момент. Наш мир накрыли крышкой, но это еще не конец. Мы не унываем и не сдаемся. Друзья и соратники! Сейчас нам как никогда требуется тесно сплотить наши ряды в борьбе за неотъемлемое право быть свободными и осознанными индивидами в системе, которая, так сказать, довлеет над нами своею крышкой, лишает нас самого ценного – свободы выбора, суть которой состоит в том, что каждый осознанный индивид вправе решать, быть ли ему под крышкой, или над ней, вариться ли ему в супе общечеловеческих заблуждений и низменных страстей, или же воспарить над серой массой невежества и мрака, подобно чайке, которая свободно реет над свалкой, обозревая с высоты своего полета всю суть мироздания, осознавая всю иллюзорность и бренность, так сказать, всего сущего, обретая ясное понимание того, что наверху есть верх, а внизу есть низ, и достигая тем самым состояния высшего просветления и прозрения в том, что иначе, или, другими словами, наоборот, быть просто не может, потому что внизу не бывает верха, а вверху низа, ибо таков неизменный порядок вещей, и...

Тут с неба, или точнее оттуда, где оно должно было быть, на землю шлепнулась Оранжевая Корова.

– Ух, летать совсем невозможно стало. Короче, Адя...

– Вот я и говорю, – продолжил он, – вопрос состоит в том, что... Да перестаньте меня перебивать! Совсем запутали! Слезай уже, наконец! Раскачиваешься тут, ход мыслей нарушаешь! – Адя забрался на дерево и отцепил Подлодку.

– Никогда не прощу тебе этого! – сказала она. – Ты меня использовал!

– Ладно уже. А как бы мы еще поймали мамотника?

– А кто это у нас такой хорошенький, пушистенький? – поинтересовалась Корова.

– Я тебе не хорошенький и не пушистенький! – отозвался, наконец, пленник из ямы. – Я Лохматая Зверюга! Меня все боятся!

– Да-а-а? – ласково ответила Корова. – А можно мне тебя лизнуть? Давай, выбирайся оттуда, я тебе помогу.

– Никто ниоткуда не будет выбираться, и никто никому не будет помогать, – возразил Адя. – В настоящее время имеет место быть исторический момент, а ты, Корова, нарушаешь весь его торжественный, так сказать, пафос, и совершаешь проникновение в дела, стоящие вне рамок твоей потенции.

– Компетенции, ты хотел сказать?

– Что я хотел сказать, то мне достопочтенно известно, не перебивай. Итак, имею честь позволить себе продолжить. В глубине так называемой ямы мы наблюдаем возможность лицезреть воплощение всего мирового зла. Это и есть тот самый пресловутый, одиозный и зловещий мамотник, об изощренной жестокости и коварстве которого я вас неоднократно информировал. Вопрос состоит в следующем...

Тут Аде в очередной раз пришлось прервать свою проникновенную речь, потому что окружающие вдруг зашептались, переглядываясь:

– Королева! Королева здесь!

На поляну выбежала Брунхильда и, с изумлением оглядевшись по сторонам, остановила свой взгляд на Зверюге.

– Попался?

– Это мы его поймали! – залопотала Подлодка. – Я притворилась, что нечаянно повисла на дереве, стала звать на помощь, кричать, а он бежит, такой лохматый, а я сделала вид, что испугалась, а он на меня как набросится, а я над ямой, а он туда... и бух! Колоссально!

– Тут дело важности чрезвычайной, Ваше величество, – вступил в разговор Адя. – Наш мир опасности подвержен. Угроза тучами сгустилась, над нашими главами, и увы. Несут ее изгои человечности, их имя – мамотники, и вот, один из вражьей стаи, пред Вашим взором и у Ваших ног, повержен. Дозвольте ж допросить его со всем пристрастием надменным, дабы поведал он, как и зачем, посмели крышкою наш мир накрыть.

– Адя, я конечно ценю твое красноречие, – сказала Брунхильда, – только хватит уже языком трепать, доставайте Зверюгу из ямы.

– Как, я что-то не клеиваюсь, какая-токая зверюга? Мамотник – моя добыча, и я не позволю...

– А куда красноречие делось? Это никакой не мамотник, это Лохматая Зверюга, он мой. Корова, помоги ему выбраться.

Зверюгу, наконец, подняли на поверхность. Он весь сиял.

– Моя королева! Ты впервые назвала меня «мой Зверюга»! Я так счастлив!

– Если ты еще скажешь хоть слово, я своими же руками закопаю тебя в этой яме!

– Но позвольте! – возмутился Адя. – Это просто какой-то деспотизм! Вы что, подвергаете сомнению мою теорию? Это неслыханно! Да вы просто пребываете во тьме невежества! Моя теория незыблема!

– Ладно, Адя, успокойся, явно ведь видно, здесь что-то не так, – заметила Подлodka.

– Нет, я этого так не оставлю! Выражаю решительный протест!

– Лучше давайте подумаем, что нам теперь делать, – предложила Корова.

– Да, да, давайте! – заговорили звери, птицы и все, кто был на поляне.

– Что это за крышка такая?

– Как она там оказалась?

– Чем она нам грозит?

– Как нам от нее избавиться?

– Слушайте все! – взяла слово Брунхильда. – Для того чтобы узнать, что это за крышка, нужно отправиться к ее краю и посмотреть, что там.

– Да, да! Правильно! Наша мудрая королева! – подхватили все остальные. – Надо снарядить экспедицию!

– Не могу не согласиться с тем, что это конструктивное предложение, – сказал Адя. – Но вопрос состоит в следующем...

– Да отстань ты со своими вопросами!

– Дайте сказать. Вопрос в том, кто поведет экспедицию. Ни для кого не секрет, что в трудные времена всегда находились герои, чьи отважные сердца, подобно факелу Данко, освещали путь всем остальным, ведя их во мраке от темного вчера к светлому завтра, и которые...

– Хватит, хватит, Адя, короче!

– Короче, я готов пожертвовать собой, взяв эту скромную миссию, так сказать, на свои плечи...

– Нет, нет, не хотим! – загомонили все вокруг. – Ты и так нас чуть не ввел в заблуждение!

– Вы совершаете большую ошибку, подвергая сомнению верифицируемость моей кандидатуры. Еще пожалеете. Вот изберу себя президентом, первым же указом отменю колбасу, тогда узнаете...

– Нет, нет, не надо!

– Чего не надо? Колбасы не надо?

– Нет, тебя, президентом не надо!

Всеобщий спор прекратила Брунхильда:

– Слушайте, никто никого не поведет, мы просто пойдем все вместе – я, Зверюга, Корова, Подлодка и Адя.

Никто не стал возражать. Даже Адя лишь проворчал: «Ладно уж, со мной не пропадете». На том они порешили и, недолго собираясь, отправились в путь.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО

Дива и жрица в растерянности стояли возле зеркала, трогали невидимую поверхность, пробовали пройтись вдоль нее в ту и другую сторону, однако везде было одно и то же, непроходимая стена простиралась до необозримых пределов.

– Матильда, что тебе известно о зеркалах? – спросила Итфат.

– То, что известно всем: зеркало отражает все, что перед ним, – ответила Матильда.

– А еще?

– В отражении левое становится правым, а правое левым.

– А еще?

– Лаха! Еще то, что сквозь зеркало невозможно пройти! И мы здесь застряли!

– Но мы же как-то попали сюда. А что такое лаха?

– То же что и хела, только наоборот, когда все плохо и хочется выругаться.

После этих слов небо затянуло тучами, и на море начался шторм.

– Тили, ты видишь, зеркало реагирует! – воскликнула Итфат.

– Да, но какой нам от этого прок? – отозвалась Матильда.

– А вот такой вот такой! Мы находимся со стороны образов, а там отражения. Похоже, зеркало может воспроизводить наши мысли!

– У меня только одна мысль, как бы нам оказаться с той стороны.

– Вот и представь, что мы там. Давай обнимемся, а ты включай свой бантик, или точнее то ощущение, что у тебя за спиной.

– Ладно, давай. Ух, только бы хуже не стало, чем сейчас.

– Тили-Тили! Не допускай негативных мыслей, сосредоточься на том, что мы там, на той стороне.

Дива и жрица обнялись, чтоб не разделиться в случае чего, и замерли, глядя на зеркало. И тут потусторонний пейзаж начал меняться. Трава и пальмы растворились в воздухе, а морские волны постепенно превратились в песчаные. Они так и накатывали песком на песчаный же берег, пока не разгладились и не утихли. С той стороны, как и с этой, уже лежала бескрайняя пустыня, а вдали проявился все тот же город гламроков. Теперь подружки видели в зеркале свои четкие отражения. Картины по обе стороны полностью совпали.

– Ну вот, что и требовалось доказать, – сказала Матильда. – Мы всего

лишь отразились, но никуда не делись.

– Да, мы там, но мы здесь, – сказала Итфат. – Зеркало не проведешь.

– Что заказали, то и получили. Ну нет, я на этом не успокоюсь! Возьмемся за руки и двинемся вперед, представляя, что проходим сквозь зеркало.

– Ладно, попробуем.

Так они и сделали, но, как и следовало ожидать, всего лишь стукнулись лбами в стену.

– Нет, не получается, – сказала Итфат.

– Еще одна попытка, – не унималась Матильда. – Пойдем задом наперед, один раз ведь уже сработало.

Но нет, и это не помогло. Подруги уселись и принялись бесцельно пересыпать песок руками и кидать его в зеркало. Песок отскакивал и отражался как обычно в обычном зеркале.

– Ну, Итфат, жрица-жрица, какие будут идеи? – спросила Матильда.

– С этим зеркалом все не так просто, – ответила жрица. – Это же зеркало мира, с ним надо как-то по-другому. Давай вспомним, как мы здесь оказались.

– Я играла в спектакле, который одновременно снимался, и там еще были зеркала кругом...

– Вот! Помнишь цепочку: жизнь, спектакль, кино. По этой цепочке ты попала в кино.

– А ты? Что ты помнишь?

– Очень смутно, почти ничего. Но судя по тому, что на мне ритуальная раскраска, мы как раз исполняли ритуал, а это почти то же самое, что у вас спектакль.

– Так, значит, и ты была в спектакле. Но ведь вы не занимались киносъемкой? А зеркала у вас были?

– Нет, не снимали, и зеркал не было.

– Тогда почему же ты здесь?

– Мы свои ритуалы посвящаем богам, они на нас смотрят.

– И где же они сидят? В зрительном зале?

– Тили, их нет в нашем мире, они пребывают в метареальности, и смотрят как раз с этой стороны зеркала, где мы сейчас.

– Тогда все сходится: и спектакль был, и зеркало, и эти ваши боги смотрели на вас, как в кино.

– Да, а сейчас нам надо пройти обратную цепочку: из кино попасть в спектакль, а затем в жизнь.

– Но как ты себе это представляешь? Нам что здесь, драму разыграть?

– Нет, интуиция мне подсказывает, что от нас требуется каким-то образом ожить в самой кинокартине.

– Это как если бы герои фильма ожили и сошли с экрана в зрительный зал?

– Что-то вроде того.

– Но ведь мы и так живые!

– Видимо, не совсем так. Что-то надо еще предпринять.

Они снова погрузились в раздумья. А потусторонний пейзаж тем временем начал трансформироваться к прежнему виду. Трава, пальмы и море, как ни в чем не бывало, опять зазывали к себе.

– О боже, да у этого зеркала прямо экранная заставка такая, издевательская, – сказала Матильда. – Ни дать ни взять, турагентство – приходите к нам, прибегайте к нам, приползайте к нам, мы вас в рай отправим!

– Тили, мне пришла идея, – сказала Итфат. – Я не знаю, кто там у вас обещает в рай отправить, но давай попробуем глянуть, что происходит сейчас в нашей реальности. Может, зеркало покажет?

– Фатичка, давай! Нам терять нечего.

– Начнем с тебя.

– Ладно.

– Как обычно, фиксируешь внимание на картине, которую хочешь увидеть, и не забываешь про бантик.

– Я посмотреть хочу, что там делается в нашем театре.

Матильда сосредоточилась, что-то пробормотала, и в тот же миг в зеркале, как на экране, вспыхнула яркая картина. На сцене, залитой светом софитов, вальяжно и медленно двигались пары, одетые по моде эпохи Возрождения. Женщины в роскошных белых платьях с широкими юбками. Мужчины тоже в белых шелковых камзолах и трико в обтяжку. На головах парики, у женщин высокие и светлые, у мужчин темные, завитые в кудри. Лица всех были скрыты масками с золотой росписью.

Звучала клавесинная музыка. По всей видимости, танцевали менуэт. Пары то сходились, то расходились. Мужчины отвешивали грациозные поклоны, женщины приседали в изящных реверансах, с распушенными веерами в руках. Движения танца были просты и сдержанны, с одним лишь нюансом: почему-то никто не поворачивался к залу спиной.

Судя по всему, спектакль не только играли, но и снимали, поскольку повсюду располагались видеокамеры. Подле сцены стоял режиссер и дирижировал всем действием, отдавая какие-то команды актерам, операторам, осветителям. Картина была настолько реалистична и близка,

что Матильда инстинктивно принялась стучать в зеркало и кричать:

– Викто-ор! Я вот она, я здесь!

Призрачное отражение дивы металось с той стороны, повторяя ее движения. Но, похоже, никто ничего не видел и не слышал. Матильда, сообразив, что по ту сторону присутствует лишь своим мимолетным отражением, начала двигаться так, чтобы приблизиться к Виктору. Она попыталась посредством своего двойника схватить его и потрясти, но ничего не вышло – там она была лишь никем не замечаемым и неосязаемым призраком.

– Тили, – Итфат положила руку ей на плечо, – ну не расстраивайся ты, ведь следовало ожидать, что так оно и будет.

– Нет, я не могу, я сейчас с ума сойду! Ты себе не представляешь, что со мной творится! – Матильда прижалась к Итфат, готовая расплакаться. Та гладила ее по включенной головке и успокаивала, как могла.

Сцена была декорирована как бальный зал, с богатыми стульями по стенам. По бокам ее были оборудованы открытые всеобщему обозрению туалеты, слева женский, справа мужской, без кабинок, но с нескромными зеркалами, вероятно предназначенными для столь же нескромного обзора.

Между тем, на сцене появилась центральная фигура – дива, отличавшаяся от остальной публики великолепным платьем из темно-зеленого бархата, с большим розовым бантом на поясице, и голубыми волосами. Лицо было без маски, но покрыто густым синим гримом, с нарочито вульгарным макияжем глаз. Дива гордо вышагивала, делая широкие движения руками, будто разгребая толпу, которая почтительно расступалась в две шеренги с поклонами и реверансами.

Матильда, завидев сие явление, не смогла сдержать слез.

– Да, недолго горевали! – сказала она с нескрываемой обидой в голосе. Слезы уже вовсю катились по ее щекам. – И замену быстро нашли! А где такой же бант как у меня выискали?

– Тили, Тили, ну перестань, – успокаивала ее Итфат. – Ты же знаешь, другой такой как ты в целом мире не сыщешь! Это же убогая пародия на тебя!

– Фати, не трудись, я все прекрасно вижу. Ты же и сама видишь, как у них все шикарно! Что там я, со своим плевым комбинезончиком и жалким твистом!

– Тили, Тили, ты не должна так о себе говорить. Я знаю, чего ты стоишь, – Итфат прижала ее к груди. – Ты самая красивая и самая незаменимая! Тебя невозможно заменить. Это тебе говорю я, жрица Итфат! Я много чего и кого повидала, поверь мне.

Матильда уже перестала всхлипывать, но уткнулась в грудь жрицы и не хотела больше смотреть. Итфат обняла ее и принялась легонько покачивать туда-сюда.

– Тили, ну все, успокойся, мы что-нибудь придумаем. Мы обязательно вернемся, я тебе обещаю.

Матильда притихла и не говорила ни слова.

– Смотри, там уже что-то новое начинается.

Вдруг ни с того ни с сего клавишин сменила клубная музыка, и публика начала танцевать техно. Только движения оставались все такими же неторопливыми, в парадоксальном сочетании вальяжной классики и клубной раскрепощенности. Шеренги в танце двинулись навстречу, пока пары не прижались вплотную друг к другу. Мужчины и женщины поменялись масками, затем повернулись спиной к залу и отправились к своим туалетам. Оказалось, что женские платья сзади приоткрыты, а фалды мужских камзолов распахнуты так, что все прелести предстали обнаженными, если не считать стрингов, надетых у обоих полов. Причем мужское достоинство у одного пола как-то неестественно крупно выделялось под обтягивающим трико.

Итфат не могла не обратить на это внимания.

– О-хо-хо, Тили! Какие у вас мужчины, однако!

– Не обольщайся, – ответила уже немного воспрянувшая духом Матильда, – это у них защитные накладки надеты, в любом спортивном магазине найти можно.

Тем временем, представители обоих полов разошлись по своим туалетам, в которых свет стал приглушенным, а музыка заиграла ритм-энд-блюз. На сцене осталась одна лишь дива. Она уже танцевала в нормальном ритме, не забывая показывать и свои прелести, включая обнаженную спину, то ли в распахнутом, то ли попросту и тотально открытом сзади платье.

Матильда не вытерпела:

– Красуля, прикройся бантиком! Тебе там нечем похвастаться!

– Ах-ха-ха, Тили, она тебя не слышит! – развеселилась Итфат.

– Она у меня еще попляшет, вот увидишь. Зеркало, значит, на мысленные установки реагирует? Посмотрим.

Матильда теперь во все глаза следила за происходящим действием. А там творилось нечто такое, чего целомудренному взору лучше бы и не зреть. Хотя бы в целях сохранения этой самой целомудренности.

В полумраке мужского туалета наблюдалось коллективное движение в такт музыке. Тела переплетались, извивались, менялись парами, наклонялись и снова распрямлялись, как в безумном танце. Некоторые

срывали с себя камзолы, но полностью не обнажались. Видимо, в спектакле все-таки существовали определенные границы. Хотя, и нужды в раздевании не было, возбужденное воображение зрителя без труда могло дорисовать все, что для глаз оставалось невидимым.

Мужская оргия сопровождалась сдавленными стонами. Однако на женской половине слышались уже поистине жутчайшие крики, от которых в груди холодело, и похоже, темперамент там бушевал, не зная никаких границ и стеснений. Организаторы спектакля, желая оставить хоть какие-то рамки, предусмотрительно включили слабое освещение. Но и в полумраке, благодаря белым одеяниям, многое было видно. Еще недавно такие томные, а теперь совсем обезумевшие дамы терзали друг дружку, валялись по полу, старались забраться руками под платья и в декольте, и в общем вытворяли такое, что описать словами довольно проблематично.

Была ли это постановочная игра, или происходило взаправду, понять было невозможно. Да, впрочем, какая разница. «Вся жизнь – игра», как сказал классик, а от игры до жизни – рукой подать. Матильда смотрела на все это спокойно, словно выжидая чего-то, а Итфат, казалось, не знала, как реагировать, и лишь издавала невнятные звуки типа «хх-мм», прикрывая ладонями рот.

Наконец, прозвучал гонг, и оргия внезапно прекратилась. Теперь уже заиграл медленный блюз, и представители обоих полов начали снова неторопливо и томно выходить с «поля брани» на сцену. Вид у всех был потрепанный. Кто-то потерял парик, у кого-то одежда была разорвана, кто-то оказался полуобнаженным. Только маски на лицах оставались нетронутыми.

Пары выстроились в шеренги друг напротив друга и начали сближаться. Столкнувшись (уже мужчины с женщинами), они отвели руки назад в стороны и принялись тереться телами, совершая качающиеся и поступательные движения, и глядя друг на друга в масках.

Итфат, видимо, не выдержав, спросила:

– Так вот какие у вас спектакли?

– Нет, далеко не всегда и не все. Не подумай ничего такого, мы просто попали. Ну, иногда, показывают, такой вид искусства, своеобразный.

– А это все по-настоящему, или игра?

– Здесь игра. Но в некоторых театрах и не такое увидишь, бывает и в натуре.

– А почему они не снимут маски?

– Потому что в подобные моменты не каждый сможет смотреть друг другу в лицо или в глаза. Там можно ад увидеть.

– Да, я понимаю, о чем речь.
– Что ты имеешь в виду, Фати?
– Потом как-нибудь расскажу.
– Да ладно, в общем-то, все это маргинальный андеграунд. Искусства здесь мало.

– А по мне, так ничего, понравилось, – хихикнула Итфат. – Люблю экспрессию.

– Смотри дальше, что сейчас будет, – Матильда к чему-то приготовилась.

Сине-зеленая дива тем временем продолжала свое дефиле вокруг прижимающихся и качающихся пар, которые двигались в ритме откровенной блюзовой композиции. Вдруг дива банально споткнулась и как-то неловко подкосила ногу на каблуке. В ее платье что-то треснуло, и бант отвалился. Подавшись назад, она запуталась каблуками в лентах и грохнулась на пол, задрав ноги кверху. Весь торжественный пафос действия мгновенно улетучился. Актеры на сцене замерли в растерянности, а режиссер пришел в ярость.

Матильда же прыгала, хлопала в ладоши и хохотала так, как никогда еще наверно. Итфат, с напускной серьезностью, но еле сдерживая смех, сказала ей:

– Эх, Тили-Тили! Нехорошо так поступать. И не стыдно тебе?

– Ну вот ни капельки не стыдно! – кричала довольная Матильда. – Я же обещала, что эта красуля у меня попляшет! Мой бантик при мне! При мне мой бантик! – приговаривала она, продолжая кружиться и скакать.

– Ну ладно-ладно, Тили, хватит уже! Смотри, твой Виктор совсем разбушевался.

Режиссер метался по сцене, размахивая руками, и кричал:

– Пошли вон, дураки! Все пошли вон!

Труппа разбежалась, кто куда, а Виктор уселся на край сцены, обхватив голову, и застонал:

– Где ты, моя Тиличка, моя ляля!

Матильда, слышав эти слова, от смеха снова перешла к плачу и рыданиям.

– Ну что мне с тобой делать, горе ты мое, радость ты моя, – сказала Итфат. – Вот видишь, о тебе помнят, по тебе тоскуют.

Картина театра постепенно растаяла, а зеркало вернулось к своей обычной морской заставке. Подруги сели на песок, обнявшись, и задумались каждая о своем.

ВТОРОЕ ИМЯ

– Ну что, Тили, ты немножечко приуныла? – спросила Итфат.

– Не немножечко. Множечко, – ответила Матильда. – Так странно и ужасно, мой мир так близко, стоит руку протянуть, а не можешь. Теперь там все не со мной и без меня.

– Не грусти. Я же тебе обещала, что мы вернемся?

– Фати, Фатичка, я очень, очень хочу тебе верить, но что ты можешь, если сама едва помнишь, как обращаться с этой реальностью?

– Не забывай, я все-таки жрица, а жрицы не теряют свой дар просто так и безвозвратно. И у тебя тоже кое-что есть.

– Мой бантик?

– Бантик лишь помог тебе почувствовать то, что у тебя всегда было с тобой. Некий рычажок, движок за спиной, которым ты можешь двигать реальность.

– Да, но мы пока толком не понимаем, что это такое. Мне и удалось всего-то шлепнуть ту девицу, да и то с той стороны зеркала. А вот на ту сторону рычажок-движок пройти не дает.

– Не только это у тебя имеется, – сказала Итфат. – Я еще не знаю, что в тебе есть, но есть точно. Ты и сама заявила, что ты особенная.

– Когда это? – спросила Матильда.

– Разве забыла, ту девочку, с молочным супчиком?

– А, ну, детская бравада...

– Нет, не просто бравада. Ты особенная, так и есть. Вот скажи мне, что ты видишь? Как ты сейчас видишь реальность?

– Ой, Фати, я вижу, что мы рыбки в аквариуме, а за стеклом открытое море, в которое нам никак не перебраться.

– Нет, здесь не аквариум. Море и с той стороны, и с этой, одинаковое, понимаешь?

– Как это одинаковое?

– Не могу объяснить, просто знаю, что и там, и здесь, одинаково. В каком-то зеркальном смысле. А нам требуется отразиться наоборот.

– Ты, как обычно, говоришь загадками, Фати.

– Мне надо кое-что вспомнить.

– А нельзя ли об этом спросить, ну, у того, которого ты называла Преддверием?

– Давай попробуем. Преддверие, где ты? – воскликнула Итфат. – Ты

здесь?

В тот же миг поднялся ветер, который будто веял со всех сторон.

– Я везде и повсюду, везде и повсюду... – отозвался чей-то шепот.

– Скажи, как нам пробраться сквозь зеркало? – спросила жрица.

– Вспомни свое имя, жрица-жрица! – ответило Преддверие.

– Но ты же само сказало, как меня зовут! Разве я не Итфат?

– Вспомни свое второе имя, и постепенно Знание вернется к тебе!

– Постепенно...? – только и успела вымолвить Итфат, но ветер внезапно стих, и шепот больше не откликался, как ни старались подруги его призвать.

– Немногословный у тебя советник, – заметила Матильда.

– Да, разъяснений от него не дождешься, – сказала Итфат, – но за его словами всегда что-то кроется, что-то важное.

– А что означает второе имя? Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Нет, понятия не имею. Знаю только, что имя Итфат мне показалось как бы моим, и не моим в то же время.

– Ну вот, опять сплошные загадки.

– Придется как-то самим выкручиваться. Но видишь, если Преддверие что-то пообещало, значит, есть надежда.

– Фати, нам теперь самое время взглянуть на твою реальность, может там что-нибудь прояснится, – предложила Матильда.

– Да, надо-надо.

– Тогда начинай, скорей-скорей!

Жрица сосредоточилась и устремила пристальный взгляд в сторону зеркала. Глаза ее, казалось, смотрели в никуда, зато на лице проявились демонические черты, выдававшие незаурядную и сильную натуру, скрывавшуюся под хрупкой внешностью.

Зеркало превратилось в черный экран. Через несколько мгновений на нем стали возникать всполохи всех цветов радуги, а затем постепенно начала вырисовываться картина необычайно красивой местности. Судя по всему, был теплый летний вечер. Солнце уже зашло, но небо озарялось сиянием с переливами зеленого и синего света. Центральную часть пейзажа занимала широкая аллея, вымощенная гладкой брусчаткой. По бокам ее в разные стороны тянулись небольшие дорожки, устланные коврами из нежного мха. Как сама аллея, так и дорожки были обрамлены ухоженными насаждениями цветущих кустарников и деревьев. Повсюду, непонятно из каких источников, струилось мягкое свечение, так что весь ландшафт был виден, и в то же время укутан уютным полумраком, особенно в укромных уголочках. Все это великолепие игры теней и света довершалось

флуоресцентным излучением, исходящим от цветов с беззастенчиво широко раскрытыми бутонами. Но и те не нарушали интим полумрака, а словно старались лишь показать себя во всей красе.

Вдоль аллеи и по лабиринтам дорожек прогуливались люди, парами, небольшими группами и поодиночке. Все были в одеяниях совершенно разного покроя, но одинаково бежевого цвета. Одни шли молча, другие тихо меж собой переговаривались. Встречаясь, они касались кончиками пальцев щеки друг друга, улыбались, не говоря ни слова, и шли дальше. Умиротворенную тишину летнего вечера приятно дополнял оркестр неугомонных кузнечиков.

– Боже, какая красота! – не удержалась Матильда. – Никогда не видала красоты такой!

– А слышишь, кузнечики, как стараются! – сказала Итфат. – Они у нас такие старательные! А запах, чувствуешь?

Зеркало, похоже, вовсе не препятствовало проникновению с той стороны чудесного воздуха, напоенного ароматом цветов и трав.

– Фати, ты что, в раю живешь? Я уже хочу туда нестерпимо! Долго еще будешь меня истязать?

– Погоди, все только начинается.

Основная масса людей двигалась по аллее в сторону небольшой площади. Над площадью возвышался классического вида храм, отделанный малахитом, с колоннами глубокого синего оттенка и золочеными фресками. Все сооружение было так же со всех сторон подсвечено невидимым источником.

Когда на площади собралось достаточное количество народа, на ступенях храма появился седовласый старец в белом балахоне. Он простер руки, призывая всех к тишине. Площадь замерла в ожидании.

– Это мой Наставник, – прошептала Итфат, будто опасаясь быть услышанной.

– Вот, уже помнишь, уже теплее, – вторя ей, прошептала Матильда.

Старец свел ладони вместе, затем развел их, и между ладонями у него засветился золотистый полупрозрачный шар. Потом он протянул руки вперед, развел их в стороны, и шар, увеличиваясь в размерах, взлетел над площадью и осыпался золотым дождем. Люди с восторженными криками принялись ловить золотые дождинки, бережно укладывая их в свои ладошки. Затем каждый стал раздувать свои дождинки, как искорки, и вскоре у всех между ладоней засветились золотистые шарики. По команде Наставника, все подняли руки, шарики взмыли ввысь и растворились в сиянии, которое, как и прежде переливалось на небе.

– Что это за шарики, Фати? – спросила Матильда.
– Это энергии любви, – ответила Итфат.
– А откуда весь этот свет? У вас там какая-то скрытая иллюминация?
– Нет, это боги смотрят на нас. Мы посылаем им свою любовь, а они освещают наш ритуал.

– И в чем он заключается?

– Сейчас ты увидишь, как люди находят свои пары, свои половинки.

Народ расступился по краям, а в центре площади осталось два десятка мужчин и женщин разного возраста. Они построились в круг и замкнули его, прижавшись ладонь в ладонь с рядом стоящими. Зазвучала музыка, но не мелодия, а серия трелей и аккордов, напоминавших звуки арфы и органа. Люди принялись плавно и свободно кружиться в такт этим звукам, с каждым поворотом делая шаг вдоль окружности, так что весь хоровод превратился в грациозный вальс.

По мере вращения, у всех постепенно начали проявляться ауры разных цветов: красные, белые, синие, желтые, зеленые, фиолетовые, оранжевые и прочие оттенки. И тут стало видно, что цвета у некоторых пар совпадают. Заметив друг друга, эти пары выходили из хоровода и, взявшись за руки, поднимались на ступеньки храма. Остальные продолжали кружиться, пока не остались лишь те, у которых цвета не совпали. Музыка стихла, танцующие остановились, повернулись в центр, коснулись друг друга кончиками пальцев, и ауры их погасли. Ничуть не смутившись, они развернулись, и с улыбками разошлись в разные стороны.

– Потрясающе, Фати, я все поняла! – воскликнула Матильда.

– Красиво, правда же? – сказала Итфат.

– Просто обалденно! А как же с теми, кто не нашел свою половинку?

– В следующий раз найдут, или еще в следующий. Обязательно найдут.

– А бывает так, что цвета совпадают более чем у двоих?

– Такое возможно, но очень редко встречается.

– И как же они тогда разбираются между собой, если окажется трое, например?

– Не волнуйся, разберутся. Еще не факт, что избранные пары будут вместе. Ты вот, как думаешь, что для этого требуется?

– Любовь?

– Правильно. Совместимость еще не гарантирует рождения любви. Вообще, половинки нередко и сами друг друга находят, безо всяких ритуалов. Ритуал лишь помогает сделать правильный выбор.

– А ты сама участвовала в таких ритуалах?

– Нет, меня готовили к особому статусу Верховной жрицы. Если бы я сейчас находилась там, то была бы на месте Наставника.

– Фати, так ты что, обречена на одиночество?

– Не совсем так. У меня были некоторые отношения, но избранника пока не нашла.

– Не нашла достойного тебя?

– Не то чтобы достойного... Знаешь, многие, может, и хотели бы со мной сблизиться, но побаиваются моего статуса. Или, может, я кажусь им неприступной.

– А ты неприступная?

– Ах-ха-ха, Тили, я обыкновенная и доступная, вот какая! – жрица рассмеялась и обняла Матильду. – Но я необыкновенная и недоступная тоже, вот такая!

– Вот и пойми тебя! Впрочем, я тебя понимаю. Жаль только, что отважные юноши у вас в дефиците, которые смогли бы по-настоящему оценить, какая ты есть.

– А какая я?

– Ты чудесная, ты удивительная, ты восхитительная! Ты сама Любовь!

– Ну, не совсем так, – сказала Итфат. – Видишь, какая у меня раскраска?

– А что она означает? – спросила Матильда.

– У любви есть две стороны. Да они и тебе самой, наверно, известны.

– Какие же?

– А вот сейчас узнаешь.

Тем временем избранные пары спустились со ступенек храма, и отправились гулять, взявшись за руки. Остальная публика тоже разбрелась кто куда, по лабиринтам дорожек.

– Что, уже все, представление окончено? – спросила Матильда.

– Нет, скоро начнется парад сущностей, – ответила Итфат.

– А что это такое?

– Увидишь-увидишь, Тили.

ПАРАД СУЩНОСТЕЙ

Итак, массовое гуляние всех этих приветливых и добрых, судя по всему, людей, продолжалось. Только теперь в вечернем воздухе закрутилось-завертелось нечто необычное. Отовсюду, со всех сторон вдруг начали появляться разноцветные полупрозрачные шарики. Они весело кружились и летали среди гуляющих. Люди с улыбками подставляли им ладошки, и шарики садились на них, как птицы. Присев ненадолго, шарики наливались более насыщенным цветом, а потом легко вспархивали, устремляясь на поиски других подставленных ладошек.

– Что это такое, что они делают? – спросила Матильда.

– Это сущности тонкого мира, – ответила Итфат, – они живо интересуются нашей жизнью. Любят пристраиваться к нам, из любопытства, а так же подкормиться немножко.

– Как это, немножко подкормиться? Они что, как вампиры?

– Не бойся, они безобидны. Большинство, по крайней мере. Видишь, люди с удовольствием делятся с ними своей энергией. Энергией любви.

– А есть такие, которых следует опасаться?

– Да, они все разные. Красивые и прозрачные – это сущности любви, благодарности, сострадания, благородства, щедрости, доброты – они несут в себе качества, которыми наделяют и нас самих.

– Фати, ты хочешь сказать, что мы такие, какие мы есть, благодаря этим сущностям?

– Нет, все не так просто. Но основной смысл в том, что душа человека с рождения как чистый лист бумаги. И если человек чем-то понравится сущности, она к нему может подселиться, и тогда душа приобретает определенные качества.

– Ты говоришь невероятные вещи! – сказала Матильда. – В моем мире считается, что человека воспитывают близкие, общество, среда, обстоятельства...

– Верно, но все, что ты назвала, всего лишь косвенно способствует подселению той или иной сущности. Какие сущности в человеке присутствуют, таков он и есть.

– Все равно трудно поверить!

– Да, люди склонны верить лишь в то, что видят своими глазами. Но сущности невидимы и неосязаемы. А сейчас мы их наблюдаем воочию по той причине, что боги дают нам такую возможность, а еще потому, что вся

атмосфера нашего ритуала пропитана энергией добра и любви. На такую энергию слетаются в основном добрые сущности.

– А злые могут?

– Могут и злые, но их обычно привлекает недобрая атмосфера. А вот, гляди-гляди, мутный шарик к кому-то подсел!

Подруги увидели, как на ладонь одной девушки приземлился шар бурого цвета с грязно-зелеными пятнами.

– Это сущность зависти, – сказала Итфат. – Возможно, девушке не посчастливилось в этот вечер.

– Ой, а вдруг эта сущность к ней подселится! – воскликнула Матильда.

Однако произошло нечто иное. Девушка не стала ни прогонять, ни принимать сущность, а улыбнулась задумчиво и легонько подула на шарик, а из другой ладони направила на него луч золотистой энергии. Шар покачался, покачался, и улетел прочь.

– Ух ты! – удивилась Матильда. – У вас что, все такие продвинутые?

– Нет, конечно, мы тоже все разные, – сказала Итфат. – И всякими нехорошими сущностями заражаемся. И я тоже не святая.

– Но все же не верится, как это так, в человека вселяется какая-то сущность, и он становится другим... Или он становится другим потому, что сущность к нему подселась... А влюбляемся мы тоже благодаря сущностям?

– Именно так. Влюбленность – это проявление сущности любви. Она вселяется в человека, если он оказывается готов ее принять. Но для этого необходимо, чтобы и потенциальный объект любви оказался рядом.

– Фати, ты меня просто ошарашиваешь! И откуда ты обо всем этом знаешь?

– Не веришь? Вот посуди сама, живет себе человек, вполне нормальный, не больной, но вдруг, ни с того ни с сего, на него будто наваждение находит. Он ночами не спит, воспаленным воображением мучается, стихи сочиняет, глупые поступки совершает, а думать вообще ни о чем не может, кроме как о своей страсти. Сущность к нему пришла, вот в чем дело. Приятная, конечно, особа, во многих отношениях. И одухотворенностью одаряет, и душу греет, однако и мучить способна, ой-ой как, если объект любви проявляет безразличие.

– Да, очень на то похоже, – согласилась Матильда. – А когда двое друг в друга влюбляются, в них обоих вселяются сущности?

– Конечно, если повезет. Любовь с первого взгляда – тому подтверждение. Опять, смотри, с чего бы это, два человека встретились, и вдруг почувствовали нечто такое, что даже объяснению не поддается.

Можно объяснить любые чувства: вот у меня что-то болит, вот меня что-то тяготит, раздражает, радует, и так далее. И главное, понятно, что это и почему это. А ты можешь объяснить, что такое влюбленность, и почему она возникает?

– Нет, Фати, ты меня приперла к стенке.

– То-то же. Необъяснимо это и неопишимо именно благодаря присутствию сущности, о которой обычный человек не имеет ни малейшего понятия, хотя бы потому, что никогда ее не видел и не знал, что она есть.

И тут у Итфат вдруг загорелись глаза.

– Ой, Тили, смотри что происходит!

Подруги увидели, как на ладони одной из избранных пар одновременно приземлились два золотистых шарика.

– Ну, сейчас начнется! – воскликнула Итфат.

Шарики задрожали, налились еще более насыщенным золотым цветом, и не медля всплыли прямо в грудные клетки обоим счастливым. Те как-то странно посмотрели друг на друга и почему-то разняли руки, но на полшага приблизились, а затем какой-то нетвердой походкой направились, куда глаза глядят, рядышком, то сталкиваясь, то отстраняясь.

– Везет же людям! – сказала Матильда. – Хорошо, что с нашей стороны никакие шарики не летают, а то в меня бы так и впиалась сущность зависти.

– А у тебя нет избранника? – спросила Итфат. – Тот, Виктор, вы с ним не...

– Я не знаю. Вроде что-то есть, а вроде и непонятно.

– Ничего, не переживай, сущности не всегда сразу приходят, и очень редко, когда одновременно к обоим. Здесь терпение требуется, и внимание, и забота. Чтобы чудо свершилось, его еще взлелеять нужно, потрудиться, не разумом, не телом, а душой. Этой же парочке, действительно, крупно повезло.

– Да уж, я как вспомню, как там в нашем театре телами трудились, так мне не по себе становится. Если сравнивать, то у нас сплошной разврат, а у вас – сама невинность.

– Опять не совсем так. Ты думаешь, невинность – это воплощение идеала?

– Ну, у нас все так называемые высокодуховные личности к тому призывают, к возвышенному и духовному. И одновременно осуждают все так называемое низменное и плотское. А как с ними поспоришь? У них презумпция, коли они праведники.

– Не правы ваши праведники. И в театре у вас было не то чтобы грехопадение, а просто показана одна из сторон жизни, и даже любви, если хочешь. Я же говорила, мне понравилось.

– Но почему? – удивилась Матильда.

– Потому что у любви имеется две стороны, два аспекта: Нежность и Сила.

– Ну, Нежность я понимаю, а Сила в чем?

– Сила – она и есть Сила – в экспрессии, и даже в какой-то мере в агрессии.

– В агрессии к любимому человеку?

– Это не та агрессия. Это трудно объяснить, как и влюбленность.

– Ты имеешь в виду секс?

– Да, любовь дуальна, как и многое в этом мире, и у нее две сущности: Нежности и Силы. Они должны находиться в гармонии, в единстве. Сила без Нежности, это насилие. А Нежность без Силы, просто сладкая патока. Даже лекарство действительно лишь тогда, когда в нем присутствует умеренная доза яда.

– Ну, Фати! Откуда тебе все это известно?

– Сама не знаю. Наверно, рассказываю тебе, и по ходу вспоминаю, чему меня учили, и что я позабыла.

– Так ты говоришь, у любви две сущности. А в ту парочку, какие вселились?

– У Нежности золотистый цвет, у Силы багровый. У них пока проявились только нежные чувства. Но это пока.

– А-а-а! Так вот ты какая, Фати! Вот почему у тебя багровая раскраска!

– Я не такая и не другая. Я разная. Могу быть разной. Видимо, тогда мне захотелось, чтобы у меня преобладала Сила, вот я так и раскрасилась.

– И что, в самом деле, во влюбленную парочку однажды вселятся эти самые сущности Силы? – спросила Матильда. – И тогда у них случится бурная ночь?

– Да, если они их впустят в себя, – ответила Итфат.

– Это как понимать?

– Помнишь, ты говорила, ваши актеры не снимают маски, потому что не каждый способен в такие моменты смотреть друг другу в лицо, потому что там можно увидеть ад?

– Да, есть такое дело. В некотором смысле.

– Вот и подумай, почему так? Почему у нормального уравновешенного человека вдруг просыпается несвойственный нормальному человеку инстинкт, в глазах загорается какой-то inferнальный огонь, и человек

становится как бы другим? Состояние и причину влюбленности объяснить невозможно. Точно так же невозможно объяснить, что такое секс. Попробуй объяснить, что это такое и почему.

– Да, я начинаю понимать. Потому что сущность Силы вселяется.

– Вселяется, если человек это принимает и позволяет. А если его пугает то, что он становится другим, и он не соглашается таким себя принять, тогда и Нежность остается без Силы, и секса не получается, а потом и сама Нежность уходит.

– Интересная философия, – заметила Матильда, – мне она кажется логичной.

– Это не философия, – сказала Итфат, – это реальное положение вещей.

– Значит, надо отпустить себя и впустить в себя Силу?

– Именно так. Без Нежности нет любви, но и без Силы любовь угаснет. Создатель ведь не зря сотворил любовь в такой дуальной форме. В мире вообще почти все дуально. Мир, в котором присутствует лишь зло, обречен, такой мир не сможет существовать. Согласна? И абсолютно так же обречен тот мир, в котором присутствует только добро.

– Ладно, Фати, все верно. Оно и понятно, таких идеальных миров просто не существует.

– Потому и не существует, что должно быть равновесие добра и зла, Нежности и Силы, или праведности и грехопадения, как вы это называете. Так что, все в порядке с вашим театром, с одной лишь оговоркой: Нежности там маловато, надо бы добавить.

– Да, я поняла. Только все же, если бы мне пришлось выбирать между моим миром и твоим, догадываешься, что бы я выбрала?

– Свой?

– Нет. Мой хоть и родной, но твой мне больше по душе.

– Вот видишь, и наша дилемма разрешилась: быть каждой в своем мире, или быть вместе.

– Да, все это, конечно, гладко и складно, однако существует и другая дилемма. У нас говорят: хорошо там, где нас нет. Но как только попадаешь туда, где хорошо, картина разворачивается, и все по новой.

– Ну ладно-ладно, там видно будет, нам бы отсюда сначала выбраться.

Площадь и аллея с дорожками тем временем уже почти опустели. Люди стали расходиться по домам. А Матильда только сейчас обратила внимание, что вдоль аллеи, кроме деревьев и кустарников, располагались чьи-то изваяния.

– А что за статуи там у вас? – спросила она.

– Это пантеон наших богов.
– И сколько же их?
– Верховный Создатель один, но у него есть помощники.
– Как бы разглядеть их поближе... Ой! – Матильда вдруг сильно разволновалась. – Смотри, в таком же платье как у тебя, кто это?
– Что ж, это я, надо полагать, – с грустью в голосе ответила Итфат.
– Так тебя что, уже и похоронить успели? Недолго собирались, вот гады!

– А что им оставалось? Я исчезла, не знаю даже когда. А еще все эти фокусы со временем... Может, там уже несколько лет пролетело.

– Погоди-ка, под твоей статуей какая-то надпись. Кажется, там написано... Тафти!

Теперь уже сама Итфат остолбенела, подобно статуе. Она так и замерла, не шелохнувшись и не проронив ни звука. Матильда испугалась и принялась ее тормозить.

– Фати, очнись! Что с тобой? Господи, да это же твое имя, если читать наоборот!

– Я знала... Нет, я что-то такое чувствовала... – едва вымолвила, запинаясь, совсем растерявшая себя жрица. – В самом деле, там меня называли Тафти, а здесь я почему-то стала Итфат.

– Ура! Нашлось твое второе имя! – Матильда была в полнейшем восторге, а жрица так и не могла прийти в себя.

– И ничего удивительного! Ведь мы по ту сторону действительности, а здесь, как и положено, все наоборот.

– Все да не все. Твое ведь имя здесь осталось прежним.

– Да, это странно. Тогда каким должно быть мое второе имя здесь? Я Илит?

Когда эта мысль пришла ей в голову, Матильда, похоже, совсем с катушек съехала. Она принялась кружиться, и скакать, и кричать:

– Я Илит! Я Илит! А ты Тафти! А я Илит! Почти как Лилит, первая жена Адама! Хела!

Теперь самой Итфат пришлось ее успокаивать, но та не могла уговориться, она забегала жрице за спину и звала ее:

– Тафти! Та-а-аф-ти-и-и! Какое у тебя роскошное имя! Мягкое, как пуховая перина! Я буду называть тебя Тафти! Или нет, я иногда буду звать тебя по-прежнему, моя Фатичка, Фати!

– Ну ладно-ладно, Тили-Илит, Илит-Тили! Успокойся уже!

– Та-а-аф-ти-и-и! – не унималась Матильда. – Ну все, все. Я успокоилась. Тафти!

– Ну вот, второе имя мое нашли, и даже твое, – сказала Итфат. – Но я пока в полной прострации, ничего не соображаю.

– Это скоро пройдет, Преддверие же сказало, что к тебе постепенно вернется Знание.

– Будем надеяться. Может и твое второе имя пригодится... Ой, смотри, зеркало возвращается к своей заставке.

Картина чудесного мира жрицы Итфат постепенно растворилась, и в зеркале уже как прежде плескались флегматичные волны, а пальмы на ветру качали широкими листьями. И как прежде, подруги оставались вне зоны доступа к настоящей реальности. Все еще вне зоны доступа...

ЭКСПЕДИЦИЯ КРЫШКИ

Итак, уже знакомая нам компания, или «экспедиция крышки», назовем ее так, отправилась на поиски края оной, которая, по невыясненным пока причинам, накрыла мир. Как справедливо рассудила королева Брунхильда, для того чтобы выяснить, что это за крышка, необходимо было хотя бы найти ее край.

Процессию возглавлял Адя Зеленый с дубиной на плече. Второй шла Брунхильда, поскольку снисходительно согласилась с предложением Ади быть ее телохранителем. Воинственная королева в подобных услугах, конечно же, не нуждалась, но, зная Адю, решила не вступать с ним в препирательства, которые могли отнять много времени. Следом шагала Оранжевая Корова, сложив пока крылья, чтоб не мешали. За ней семенила Желтая Подлodka в своих оранжевых сапожках. И наконец, колонну замыкал Лохматая Зверюга, который был очень недоволен тем, что оказался не рядом с королевой, но Брунхильда строго посмотрела на него и приказала слушаться, а еще охранять экспедицию с тылу, что тоже было миссией важности чрезвычайной.

Внезапно Адя остановился и повернулся назад, чуть не задев королеву дубиной. Остальные тоже встали в замешательстве.

– Ваше величество, – сказал Адя, обратившись к Брунхильде. – Дозвольте высказать предположение, или вопрос точнее, которым ясный ум мой озарился.

– В чем дело, – спросила королева, – чем ты там озарился?

– Дело заключается в следующем, или другими словами, вот в чем.

– Ну, так в чем?

– Извилистыми тропами, лощинами, долинами, наш путь проложен.

– Короче!

– Так вот, наш путь, опасностями полный, ведет неведомо куда, что вызывает, несомненно, в груди моей смятение и вопрос, морально вопиющий.

– Еще короче!

– Короче, куда мы направляться изволяем? Где сторона, в которой крышки край зловеший пролегает?

– Ваше величество, – включилась в разговор Корова, – почтеннейший желает знать, куда конкретно следует идти, чтобы до края крышки добраться.

В самом деле, крышка простиралась по всему небу, и краев ее было не видать.

– Ну и что же предлагает достопочтенный Адя? – спросила Брунхильда.

– В таких вопросах, наисложнейших, не разумом витиеватым, но чувствами из глубины души, что трепетом чисты и сокровенны, соизмерять наш путь и направление надлежит, – выдал Адя.

– Витиеват не путь наш, и не разум, – передразнила его королева, – а твой язык, хитросплетеньем дифирамбов пафосных сложенный.

– Адя, а у тебя что, чувства тоже имеются? – задала простодушный вопрос Подлодка.

– Весь сардонично-саркастичный яд иронии вашей я кротко, как слезу, глотаю. Однако ж чувства мне гласят, край крышки той лежит в сакральном направлении, особом, которое умом непостижимо, лишь озарению доступно.

– И что же подсказывает, твоих прекрасных чувств, благое озаренье? – спросила королева.

Адя принял глубокомысленный вид и указал перстом в обратную сторону:

– Нам туда. Уверен в том и убежден безмерно.

– Ой, это почему же? – взвизгнула Подлодка.

– Безмерно можно быть только самонадеянным, – сказала Брунхильда. – У тебя есть на то основания?

– Особым даром обладаю, знать то, чего другим неведомо, – гордо ответил Адя.

– Да не слушайте вы его, – вмешалась Корова, – ему лишь бы свое эго потешить.

– Так, во-первых, туда мы не пойдем, по той простой причине, что там болото, – сказала королева. – Во-вторых, крышка, если это крышка, должна иметь края по всем краям, так что направление неважно. Другое дело, идти бы следовало туда, где лежит ближний край, но нам это неизвестно. А потому, мы пойдем туда, куда идти всего проще и легче. Вот по этой прямой дороге, куда мы сразу и направлялись. Возражения есть?

– Нет! Нет возражений! Все правильно! – закричали Корова и Подлодка.

– Ну, коли вы настаиваете на своем монархическом, так сказать, самовластье, Ваше величество, тогда я вынужден покорствовать смиренно, – вымолвил Адя.

– А я никому и не позволю возражать моей королеве, – впервые подал

голос Лохматая Зверюга. – Даже тому, у кого дубина в качестве авторитета, или авторитет в качестве дубины.

– Спасибо, Зверюга, – сказала Брунхильда.

– Но ведь мой авторитет непоколебим! Или как это, непоко... – возразил было Адя.

– Все! Никому не ссориться! Идем.

Не медля более, экспедиция двинулась по выбранному пути. Шли они, шли, и наконец, пришли. Перед их взором раскинулось шикарное лазурное море, с травой и пальмами на берегу. Серая крышка заканчивалась как раз над берегом, так что сразу за ее краем уносилось ввысь голубое небо с летящими облаками, все как положено.

– Колоссально! Вот где я поплаваю! – закричала Подлодка.

– Ура-ура! Мы добрались до края! Вот где я полетаю! – замычала Корова.

– Я уже имел честь не далее как намерен прогуливаться по берегу, однако пальмы там отсутствовали, а имели место быть лишь коряги, – заметил Адя.

– Да, это как будто другое море, не наше, – сказала Брунхильда.

– Да какая разница! Побежали туда скорей! Купаться!

Вся компания с энтузиазмом ринулась навстречу открывшей свои объятия мечте. В авангарде мчался Зверюга, поскольку он и бегал на своих лапах быстрее всех. Он же первым и втемяшился всеми четырьмя лапами в неожиданно возникшую, но невидимую стену. Остальные, не поверив своим глазам и неудачному опыту Зверюги, проделали тот же опыт. Натолкнулись, упали и убедились, что стена действительно существует.

Поднявшись, все в недоумении принялись ходить туда-сюда и ощупывать преграду. Она, будучи совершенно прозрачной, оказалась твердой и непроницаемой, как стекло, а вдобавок обладала отражающей способностью, но не вполне зеркальной. К всеобщему удивлению, это странное зеркало отражало не окружающие предметы и местность, а лишь смутные силуэты наших героев, которые с той стороны смотрелись как призраки. Данный факт их всех озадачил еще больше.

– Да что это за хрень такая! – воскликнул утративший все красноречие Адя.

– Ну вот, выбирались из-под крышки, выбирались, а уткнулись в зеркало, – разочарованно пролопотала Подлодка.

Королева молчала в раздумье, Зверюга с неудовольствием фыркал, а Корова все пробовала поверхность на ощупь, то рогами, то копытами. Но все тщетно. Ситуация казалась тупиковой.

– А ну, дерзну-ка я разоблачить сию профанацию своим профанатором, – сказал Адя. Размахнувшись дубиной, он долбанул по стеклу изо всей своей дурацкой мочи. Но зеркало даже не завибрировало, не говоря уж о трещине, словно было нерушимым как скала, и в то же время чем-то нематериальным.

– Здесь требуется не сила, а что-то другое, – предположила Брунхильда.

– Да нет же, надо сильнее, и чем-нибудь потверже, – сказал Адя, покосившись на Подлодку.

– Даже и не вздумай! – только и успела выкрикнуть Подлодка, но Адя, не спрашивая, схватил ее и ударил в стекло как тараном. С тем же, однако, результатом.

– Ах ты сволочь! – закричала Подлодка, – Зверюга, спаси!

Лохматая Зверюга подскочил к Аде, и тот сразу же отпустил свою жертву, опасливо пятясь.

– Знаешь что, Адя, – сказала королева. – Еще одна такая выходка, и ты будешь с позором изгнан из нашей команды.

– Лады, лады! – принялся оправдываться Зеленый. – Чего вы все взъелись? Она ведь железная, что с ней сделается!

– А давай твоей башкой попробуем, она наверняка тверже! – закричала Подлодка.

– Ты же сама хотела купаться, вот я и старался, для тебя же. Ну, не получилось, что поделаешь, все равно на тебе не ласты, а сапожки. Как ты в них будешь плавать?

– Это тебя не касается! Я и без ласт могу. А вообще, ты гад, ненавижу тебя!

– Ну ладно, прости, не злись, – сказал Адя, примирительно сгладив тон. Он, конечно, был гадом, но в сущности, добрым в душе, как ни парадоксально.

– Ваше величество, – обратилась к Брунхильде Корова, – нам надо что-то предпринимать. Может, я поднимусь наверх, насколько позволит крышка, осмотрюсь кругом?

– Давай, моя хорошая, расскажешь потом, где там и что, и куда нам идти, – ответила королева.

Оранжевая Корова расправила крылья и взлетела, описывая круги по спирали. Крылышки у нее были на удивление совсем небольшие, однако ей каким-то непостижимым образом удавалось летать, вполне себе непринужденно. Остальные, задрав головы, с ожиданием следили за всем процессом пилотирования. Покружив немного под самой крышкой, Корова

начала снижаться и вскоре, к всеобщему удовлетворению, успешно приземлилась.

– Ну? – спросила королева.

– Вы знаете, вон там, – указала Корова рогами, – виднеется какой-то город. Больше ничего примечательного не заметила. Может, туда и направимся?

– Да, – сказала королева.

Все тоже согласно закивали головами, и даже Адя не стал возражать. На том порешили и отправились в путь.

БОЛЬНЫЕ ЛЮБОВЬЮ

Шли они, шли, и наконец, пришли. Это был город, в котором громоздились, тесня друг друга, здания всевозможных учреждений. Ни торговых, ни развлекательных центров, ни даже жилых домов нигде не было видно, одни учреждения. На каждом здании висела вывеска из длинных и непонятных аббревиатур, из чего следовало, что собственно названия заведений были еще длинней и непонятней.

Столь плотное скопление различных организаций, которые, несомненно, служили исключительно на пользу общества, свидетельствовало о том, что город был весьма значимым, а его служители – очень важными персонами. Прохожие на улицах встречались редко, зато повсюду сновали автомобили, мчавшиеся куда-то по чрезвычайно срочным делам. Каждый водитель держал в руке сотовый телефон, умудряясь управлять машиной и одновременно вести переговоры, не менее срочные.

Из всего этого можно было заключить, что обитатели города занимались не работой, а какими-то очень важными государственными делами, что, понятно, две большие разницы.

Наша компания бродила по улицам в поисках учреждения, которое могло бы помочь в их проблеме. Проблема оставалась прежней, пресловутая крышка, висевшая и над городом. Наверняка и его обитатели были озабочены тем же, недаром ведь повсюду кипела такая бурная деятельность. Аде, как самому образованному и грамотному, было поручено читать вывески зданий.

– Так, что тут у нас, – комментировал он, задрав голову. – «Борщевание борщей». Серьезное заведение. Надо заглянуть.

– Да иди ты со своими борщами! – кричала ему в ответ Подлодка. – Нам что-то по поводу крышки надо!

– Так ведь борщ имеет к тому прямое отношение! Когда он в кастрюле варится, накрывается крышкой.

– Дальше, дальше идем, – командовала королева.

– А вот еще, очень любопытно, – читал Адя. – «Брыжжевание брыжжей». Зайдем?

– Ты что, издеваешься?! – возмущалась Подлодка.

– Ладно, наверно у них слишком узкая специализация. А вот смотрите: «Исправление привкуса». Интересно, какого привкуса? Может, привкуса крышки?

– Адя, не болтай чепухи, – отвечала Брунхильда. – Мы сюда не развлекаться пришли.

– А вот, наверно то, что нужно: «Безалкогольный туалет».

– ...!!!

– Ну все, все, молчу. Читайте тогда сами, раз такие умные!

– Это все не то, – сказала Корова. – Нам лучше поискать заведения с аббревиатурами, они обычно такими серьезными делами занимаются, что дальше не куда.

– Вот именно, что если дальше некуда, то никуда и дальше, – ответствовал в своей манере Адя. – А нам надо, чтобы принципиально куда, и категориально откуда.

– Замолчи, наконец! – прервала его Подлодка. – Вон там, кажется, солидное заведение, большими буквами написано: «УЧРОХРЗДРАВИСЧТПОХ». Звучит убедительно. По крайней мере, там есть корень «здрав», наверно по части здоровья населения. Ведь они должны заботиться о здоровье? Ведь крышка ему вредит?

– Ладно, давайте зайдем, – предложила королева.

На входе их встретил дежурный врач.

– Больные? – спросил он.

– Нет, мы по поводу крышки, – ответила Брунхильда.

– Какой такой крышки?

– Той, что висит над городом и небо закрывает.

– Ну, так и что?

– Но как же, ведь крышка не пропускает солнечный свет!

– Ультрафиолетовое излучение, любезнейшие, крайне негативно влияет на нормальное течение болезни. Болезнь должна развиваться так, как ей положено развиваться.

– Очень разумные доводы, – приветствовал своего единомышленника Адя, – позвольте пожать вам руку.

– Но погодите, – сказала королева, – ведь крышка нам всем продыху не дает, она напрямую вредит и здоровью в том числе!

– Нет, нами уже строго научно доказано и обосновано, что крышка совершенно безвредна, – заявил врач.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась к нему Корова как самая вежливая, – а как расшифровывается название вашего уважаемого заведения?

– «Учреждение охраны здоровья и счастливые похороны», – снисходительно ответил врач.

– Значит, вы все-таки занимаетесь вопросами здоровья?

– Занимаемся, но не вопросами, а охраной.
– Так у вас что, охранный организация?
– Точно.
– И как же вы охраняете здоровье населения?
– Мы не здоровье населения охраняем, а население от здоровья.
– Ну а болезни-то вы лечите?
– Разумеется. Лечение болезней – наш основной профиль и конечная цель.

– Позвольте, – не унималась Корова, – но ведь конечной целью должно быть выздоровление?

– Не совсем так. Выздоровление, это лишь промежуточный этап, поскольку за ним неизбежно следует очередная болезнь. Именно поэтому все наше внимание сосредоточено исключительно на болезнях. Сам процесс лечения – вот что главное.

– А исцеление вас разве не интересует?

– Во-первых, у нас уже такие болезни, которые не излечиваются. А во-вторых, если все будут выздоравливать, кого мы тогда будем лечить? Все, любезнейшие, вопросы исчерпаны, если у вас имеются какие-нибудь болезни, добро пожаловать, а если нет...

Брунхильда прошептала на ухо Корова: «Все понятно, нам тут делать нечего. Пойдем отсюда».

– Пожалуйста, один только последний вопрос! – не могла унять Корова. – А что вы в основном лечите, какова основная болезнь?

– Любовь, черт ее дери. Очень опасная штука.

– А можно нам взглянуть на процесс лечения? Ведь он так важен!

Врач на минуту заколебался, но в разговор включился хитрый Адя.

– Любезнейший коллега, меня так вдохновила ваша философия, что не могу удержаться, чтобы не выразить вам свое восхищение!

– Ладно, вон докторица сюда направляется, обратитесь к ней.

– Больные? – тут же задала дежурный вопрос докторица.

– Нет, мы практиканты, – ответил за всех Адя. – Интересуемся методами лечения любви.

– Ах, вот как? Похвально.

– Позвольте полюбопытствовать, каких успехов вы достигли на столь конструктивном и ответственном поприще?

– Поприще наше технически слабо оснащенное, еле справляемся. Да и болезнь уж больно заразна.

– Ну а лекарства какие-либо от этой чрезвычайно вредной болезни имеются?

– Наши ученые доктора уже почти вплотную приблизились к изобретению универсального средства, антилюбвин называется. Но это пока в стадии разработки.

– А как работают прочие методы?

– Основной принцип, дать понять пациенту, что он очень, очень болен. Тогда болезнь, бывает, уходит сама.

– О, это замечательно! Значит, положительные результаты все-таки имеются?

– Да, но не особо. Лечим их, лечим, этих люблюдков, а они, паразиты, не хотят выздоравливать.

– Но ведь выздоровление не столь уж и важно, главное, собственно процесс лечения!

– Да-да! Какой способный молодой человек! Вы все правильно понимаете.

– А нельзя ли нам взглянуть на сам процесс? – включилась Корова. – Ваш богатый опыт для нас очень ценен.

– Пожалуйста, – согласилась польщенная докторица, – вот как раз сейчас собираемся заняться усиленной терапией. Пойдемте в лабораторию.

Вся компания последовала за докторицей, а Корова по ходу задавала еще вопросы.

– Скажите, а они сами к вам обращаются за лечением?

– Бывает, приходят, и поодиночке, и парами. Но это в тех случаях, когда болен кто-то один из двоих. А которые больны оба, те лечиться вообще не хотят, их силой приводят.

– Зачем же так жестоко?

– А как прикажете поступать с антисоциальными элементами? Если с ними не бороться, что тогда станет с обществом?

– И какими методами вы их лечите?

– Для пар мы проводим курс обезлюбливающей терапии. А если поступает одиночка, с диагнозом неразделенной любви, так его сразу в реанимацию. Но вам повезло, у нас тут одна парочка, он ее любит, она его нет, вот и обратились к нам за помощью, добровольно. Мы подобную сознательность граждан очень приветствуем, поэтому проведем с ними облегченный сеанс, не очень болезненный.

Они подошли к операционной, которая снаружи была оборудована стеклом, а изнутри зеркалом, что давало возможность наблюдать за всем процессом, будучи незамеченными.

– Вот, видите, как удобно, – обратилась докторица к делегации. – Я отсюда буду руководить операцией, а вы можете смотреть.

Внутреннее убранство операционной было не совсем обычным, там отсутствовало главное – операционный стол с приспособлениями и инструментами. В центре стоял один лишь прочный стул с привязными ремнями, рядом с ним небольшой столик, да стеклянный шкаф, по-видимому, с медикаментами. На стульчиках у стены сидели парень с девушкой, по бокам их стояли два медбрата крепкого телосложения, а еще медсестра возилась со шприцами и какими-то пузырьками.

– Так, ребята, усаживайте пациента на стул, – скомандовала через микрофон докторица.

Братья, не церемонясь, схватили парня под локти и поволокли к стулу. Тот, не ожидая такого обращения, начал было сопротивляться, но с ним быстро справились, привязав накрепко руки и ноги к подлокотникам и ножкам стула.

– Что вы собираетесь делать? – закричал парень.

– Ничего страшного, пациент, успокойтесь, это совсем не больно, – прозвучал голос докторицы из-за стекла.

– Дорого-ой! – окликнула его девушка. – Ты не волнуйся, ведь мы тебе хотим только добра! Тебя вылечат, и ты снова станешь нормальным.

– Отвяжите меня сейчас же! – снова закричал юноша. – Я отказываюсь от операции!

– Извините, у вас нет такого права, – ответила ему докторица. – Да вы и впрямь, успокойтесь, все будет хорошо.

И тут же добавила, обращаясь к братьям:

– Заклейте ему рот скотчем! Или нет, лучше возьмите лейкопластырь из аптечки, для такого симпатичного юноши не жалко.

Наша компания следила за всем этим действием с нескрываемым ужасом и удивлением.

– А зачем же рот заклеивать? – спросила Корова.

– Если они станут друг с другом разговаривать, это превратится в обычную ссору, а поскольку они могут потом помириться, то все лечение пойдет насмарку. Говорить должен только один, здоровый пациент.

– Сестра, вводи ей сыворотку! – скомандовала докторица.

– А это еще что такое? – спросила Брунхильда.

– Сыворотка правды, очень эффективное средство, она напроочь устраняет способность к дипломатии в таких делах.

– Причем тут дипломатия?

– Не будьте наивной, милочка, люди не склонны говорить всю правду как есть. Вот еще, начнет она его жалеть, уговаривать, а еще чего доброго влюбится, не дай-то бог. У нас такие случаи бывали, так что теперь мы

научены горьким опытом.

– Да, не забудь вколоть хорошую дозу кофеина, – добавила докторица.

– А это зачем?

– Чтоб разговорчивей была. Пусть выговорится, как следует, уж сразу, поскорей, выложит все, что о нем на самом деле думает, а не то, что обычно, вокруг да около, да всякое такое. Иначе сеанс может затянуться надолго.

Девушка начала было возражать, мол, и так всю правду скажет, и зачем все это, и скрывать ей нечего, и только добра она желает своему несчастному, однако ей сделали строгое внушение, что это обязательная часть процедуры, и избежать ее никак невозможно. В общем, та согласилась. Сестра быстренько сделала свое дело, усадила девушку на стул напротив парня и отошла в сторону.

Несчастный сидел привязанный, с заклеенным ртом, и лишь смотрел во все глаза на свою возлюбленную. Та некоторое время тоже сидела спокойно, потом вдруг оживилась, вскочила со стула и принялась ходить взад-вперед, оглядываясь на привязанного, который продолжал следить за ней глазами. А затем начала свой монолог.

– Ну, дорогой, не смотри на меня так! Ты же знаешь, мы желаем тебе только добра! Заметь, не я одна, все мы! Ведь это для твоего же блага! Ты просто очень-очень болен! Говорят, это излечимо, это скоро пройдет! Я, конечно, польщена твоим чувством, но пойми, ты не стоишь даже легкой влюбленности! Да, ты так много для меня сделал, и я тебе так благодарна, так благодарна! Я буду осыпать тебя своими благодарностями! Засыплю по самую макушку! Неужели тебе этого мало? Да, ты хороший человек и верный друг, но у меня даже и в мыслях не было рассматривать тебя в качестве возлюбленного! И не смотри на меня так! Повторяю, ты не стоишь даже мимолетной влюбленности! Говорю это не потому, что хочу тебе сделать больно, а лишь для твоего скорейшего выздоровления! Да, я часто делаю тебе больно. Но ведь я сразу извиняюсь, чего же тебе еще надо? Обещаю, всегда-всегда, делать тебе больно, и сразу извиняться! Ведь это же правильно? Клянусь, я буду очень щедро осыпать тебя своими извинениями и благодарностями! Мне их для тебя совсем не жалко! Как и тебя самого, впрочем. Зато сейчас я скажу тебе одну очень приятную вещь: ты мне очень нравишься! Но любить тебя? О, ничего подобного даже и близко нет! И я совсем не понимаю, почему мой беззаботный флирт давал тебе такую надежду и повод?

У парня уже вовсю лились из глаз слезы. Но девушка так разошлась, что даже медбраты с сестрой начали переглядываться, не пора ли ее

остановить.

– Слушайте, прекратите сейчас же! – воскликнула королева. – Неужели вы не понимаете, что это издевательство!

– Не кипятитесь, милочка. Это лечебный сеанс, вы же сами просили показать. Однако его действительно придется прекратить. Но не потому, что вы этого потребовали, а потому что больной попался тяжелый. Безболезненная процедура не подействует.

– Это, по-вашему, называется безболезненно? – возмутилась королева. – А что же тогда у вас болезненно?

– Так, отвязывайте его, – не обращая внимания, скомандовала докторица. – И в реанимацию, живо!

– Господи, что вы собираетесь с ним делать?!

– Ничего особенного. Сначала курс электрошоковой терапии, пока не уgomонится, потом амбулаторное лечение медикаментами, они его окончательно успокоят.

– Вы что, хотите его в овощ превратить?!

– Ну что вы! У нас только официально сертифицированные антидепрессанты и успокоительные. Все очень гуманно, и на благо пациента и общества, – докторица в упор посмотрела на королеву. – Милочка, да я вижу, вам самой лечение требуется!

– Ваше величество, прошу Вас, не подавайте виду, а то нас всех тут сейчас успокоят, – прошептала ей на ухо Корова. – Зверюга вон уже весь в комок сжался, он ведь тоже в вас влюблен, боится, что и его сюда упрячут.

– Хорошо, вы меня убедили, наверно так будет лучше, – притворно спокойным голосом сказала королева.

– Лучше! Конечно лучше! Даже и не сомневайтесь.

– Ну ладно, а что вы делаете, если пациент совсем не поддается лечению?

– О, на тот случай у нас имеется особое отделение, «Счастливые похороны».

– И чем же оно занимается, это ваше отделение? – еле сдерживаясь, спросила Брунхильда.

– Также очень гуманными процедурами. Вводится очень хороший, совершенно безболезненный укол, и пациент, наконец, обретает счастье.

– То есть, вы его попросту умерщвляете?

– Ну конечно! Вы сами рассудите, если человек не может найти счастья в этой жизни, зачем его мучить? Наш девиз: милосердие! Мы поступаем очень гуманно со всеми, кто к нам попадает. А кто упрямится и не желает получить от нас помощь, те травятся, топят, вешаются... Ну не

эстетично это, по меньшей мере, согласитесь. А еще с высоток прыгают, асфальт пачкают, в общем, сплошное безобразие. Теперь понимаете, какую гуманную цель мы преследуем, и какую важную миссию выполняем?

– Да, да, вы меня окончательно просветили, – сказала королева. – Совершенно и полностью с вами согласна.

– Вот и ладненько! А заболеее, так милости просим к нам!

– Обязательно!

Парня тем временем уже отвязали от стула, и одели в смирительную рубашку. А девица все не унималась и желала ему всех-превсех благ. Ее тоже пришлось уводить под руки в «комнату для отдыха».

– Все, пора сваливать отсюда, – прошептал Адя, подавая всем знаки. – Весьма и оченно вам признательны за столь поучительную демонстрацию и лекцию.

– Приходите еще, всегда к вашим услугам! – объявила довольная собой докторица, и препроводила всю делегацию на выход.

Оказавшись на воле, компания дружно выдохнула, и тут же поспешила убраться подальше от учреждения под вывеской «УЧРОХРЗДРАВИСЧТПОХ». Удалившись на приличное расстояние, они еще долго брели с понурыми головами, храня молчание.

– Скверное заведение, – наконец, вымолвил Адя. Видимо, даже его пробрало.

– Парня жалко, – сказала Подлодка.

– А девице, похоже, сыворотку вкололи без надобности, она бы и так справилась, – добавила Корова.

– Ладно, попробуем обратиться в другие учреждения, – сказала Брунхильда. – Только теперь надо быть осторожней.

Один лишь Зверюга не проронил ни слова, думая о чем-то своем. С молчаливого согласия всех, команда отправилась на дальнейшие поиски.

ЛОХМАТАЯ ЗВЕРЮГА

Лохматая Зверюга не проронил ни слова с тех пор, как наша компания покинула загадочное место, где оканчивалась крышка, но начиналась какая-то другая сторона реальности, на которую невозможно было проникнуть.

Тогда, в зеркале, Зверюга увидел нечто, поразившее его настолько, что он не знал, что подумать и что сказать, а потому ничего никому и не сказал. Там, в своем отражении, он увидел, как бы, не совсем себя. Вернее, это конечно был он, но в человеческом облике.

Несмотря на то, что его отражение, как и у всех остальных, было смутным, призрачным, Зверюга смог вполне определенно разглядеть юношу приятной внешности, с большими грустными глазами и каштановыми волосами до плеч, в костюме неизвестно какой эпохи и национальности. На нем был не то сюртук, не то длиннополый блейзер, и брюки, все из черного бархата с большими золотыми пуговицами, а также белоснежная рубашка с пышным жабо. В странном несоответствии с элегантным костюмом, ноги были обуты в лохматые мокасины из шерсти того же каштанового цвета.

Для Зверюги не подлежало сомнению то, что это был он сам, но как он мог таким быть? И что это была за реальность, в которой он представал в таком виде?

Хотя, подобное для него уже было не вновь. Зверюга обладал способностью помнить свои прошлые воплощения. Об этой своей способности он тоже никому никогда не рассказывал, поскольку даже не понимал, чем эти воплощения на самом деле являлись: то ли прошлыми жизнями, то ли превращениями, или может просто снами.

Так что, Зверюга и раньше видел себя в другом обличье и в другой реальности. Только красивым юношей еще ни разу не был. По воле некого провидения ему, как правило, доставались brutальные персонажи, и то далеко не всегда человечьи. Сейчас, например, он вообще был непонятно кем: вроде зверь, но неизвестно какой породы, да еще разумный и вменяемый вполне, да еще наделенный незаурядными душевными качествами, если в глаза вглядеться.

Недавняя сцена «обезлюбливающей терапии» произвела на него впечатление не меньшее, чем отражение в зеркале. Зверюга погрузился в воспоминания. В одном из недавних своих воплощений он был одиноким пещерным человеком.

Точнее, отшельником он стал не сразу, а поначалу жил в первобытном племени, которое промышляло охотой и собирательством. Племя разделялось на людей и женщин. Женщины не считались полноценными и полноправными. Люди так решили, потому что были сильнее женщин. Но решили не сразу, а постепенно, по мере того как им в голову приходили мысли, что случалось нечасто.

Сначала женщины тоже были людьми. Но потом люди обратили внимание, что женщины красивее их. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А чего они такие красивые? А мы что, хуже?» И тогда они сказали женщинам:

- Снимайте новую одежду. Будете донашивать старые лохмотья.
- Почему? – возразили женщины. – Это несправедливо, мы не хотим!
- А мы вас побьем, – ответили люди.
- Ладно, мы согласны, мы поняли.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

И стали женщины одеваться в обноски. Но лохмотья обнажали красивые руки, и ноги, и спину, и грудь. И женщины вызывали у людей желание. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А почему мы хотим их сильнее, чем они нас? Мы что, хуже? Или мы что, не можем с собой совладать? Или мы порочные, что ли?» И тогда они сказали женщинам:

– Вы похотливые. Вы блудливые. Прикройте свои тела нечестивые. Все прикройте и не показывайте. Будете показывать только когда мы разрешим.

– Почему вы все решаете, и разрешаете или не разрешаете? – возразили женщины.

- Потому что мы сильнее, – ответили люди.
- А мы тогда вам себя не дадим.
- Если будете послушными, мы подарим вам украшения.
- А если мы не послушаемся?
- Мы вас побьем.
- Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Люди думали, что они такие умные, что старались все сами решать. Но их решения не всегда венчались успехом. Женщины во многом были мудрее. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А они что, разве умнее нас? Или мы что, разве глупее их?» И тогда они сказали женщинам:

- Вы глупые.

– Почему вы так считаете? – спросили женщины.

– Потому что мы умные.

– И мы тоже умные.

– Нет, вы глупые. Мы лишаем вас права голоса.

– Это несправедливо!

– Ваше мнение больше не имеет значения.

– Но это несправедливо, неправильно!

– А мы тогда вас побьем.

– Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Работы было много. Свободного времени почти не оставалось. Все трудились на равных и получали поровну, и люди, и женщины. Люди смотрели на них, смотрели, и пришла им в голову мысль: «А почему они наравне с нами? Они что, не хуже нас, что ли?» И тогда люди сказали женщинам:

– Мы будем только ходить на охоту, а вы будете делать все остальное: строить жилища, готовить еду, растить детей, выделывать шкуры, мастерить, шить одежду, и все остальное хозяйство вести.

– Почему? – удивились женщины.

– Потому что охота интереснее, проще и легче, – ответили люди. – Потому что нам так удобно.

– Но как же так?! Вы что, лучше нас?

– Да, мы лучше.

– А если мы не станем, а если мы не будем?

– А мы тогда вас побьем.

– Ладно, мы согласны, мы поняли, – сказали женщины.

Но люди их все равно побили, чтобы те хорошо поняли.

Так они и жили. Люди только охотились, а женщины готовили еду и делали все остальное. Если охота выдавалась неудачной и еды не хватало, женщины не ели, ели только люди. Люди думали: «Ведь это же мы приносим добычу. Значит, мы важнее, и так правильно». И свободного времени у них появилось много. Они важно сидели на совете людей и принимали важные решения. И так, люди смотрели на себя, смотрели, и пришла им в голову мысль: «Мы очень важные». И тогда они сказали женщинам:

– Мы важные персоны. Мы люди.

– А мы кто? А мы какие? – спросили женщины.

– Вы неважные и неполноценные. Вы не люди.

И женщины не стали возражать, потому что знали, что иначе их

побьют. Но их все равно побили.

Так они и жили. Зверюга смотрел на все это, смотрел, и сказал людям:

– Вы неправы. Это неправильно. Так нельзя.

– Ты не такой, как мы, – удивились люди, и стали все вместе на него смотреть.

– Нет, это вы не такие, как я.

– Мы тебя прогоняем.

– Нет, это я от вас ухожу, – сказал Зверюга и ушел жить один в свою пещеру.

ПОХИЩЕНИЕ ДИКОЙ ДЕВЫ

Зверюгина пещера была уютной, хорошей. Вход в нее, в укромном месте у подножия горы, был замаскирован порослью кустарника, густой, непроходимой. Чтобы пробраться туда, требовалось проползти на четвереньках через лазейку, секретную, одному лишь Зверюге известную.

Бывало, проходивший мимо человек доисторический, малограмотный, или зверь, совсем дикий, останавливался возле поросли и принимался пялиться на кусты, тупо соображая: «Там что-то есть? Нет. Может, что-нибудь интересное? Нет. Может, какой-нибудь корм? Нет. Ну и чего я здесь стою? Я тупой, что ли?» И шел себе дальше.

Пещера Зверюги была подобна квартире-студии, сочетая гостиную, кухню и спальню в одном просторном помещении. В центре располагался аккуратно выложенный камнями очаг. Дым от костра поднимался к своду и уходил в расщелину, ведущую куда-то вверх и, по всей видимости, наружу. Практично очень. И тепло есть, и свет, и никакого чада.

Дополнительным источником света служили факелы с четырех сторон, смолистые, яркие. Зверюга иногда зажигал их, когда хотел, чтоб веселее было.

Пол был устлан соломой, которая менялась не реже раза в неделю-две. Тоже практично очень, поскольку вместе с соломой и мусор выметался весь. Пещера содержалась в чистоте и порядке. Потому что Зверюга и был таким, хоть и лохматым, но чистоплотным.

У него даже ванна с душем были устроены. В одном месте, прямо из стены бил родник, срываясь водопадом в объемную каменную ложбину, из которой вода стекала дальше вглубь пещеры. Сама же пещера терялась где-то далеко в недрах горы. Но Зверюга туда не ходил, там было темно и холодно, и делать там было нечего.

А еще, немаловажно, на краю каменного бассейна всегда стояла площадка с вулканической золой, перемешанной с глиной, в качестве мыла. Хочешь, принимай душ, а хочешь ванну, вода не очень холодная, а еще и вкусная такая, а может даже целебная.

В общем, жилище было со всеми удобствами. И спальное место, конечно, оборудовано комфортно. Рядом с очагом в скале как нельзя кстати находился широкий плоский выступ. Выступ был роскошно выстелен шкурами толстыми, мягкими.

Вдобавок еще по углам лежали прочие шкуры звериные, разные, для

уюта. И повсюду на стенах, как свидетельства удачной охоты, рога ветвистые, и прямые, и загнутые, всякие. И ожерелья подвешены, из когтей и клыков. Клыки большие, страшные, когти длинные, острые.

Особое место было отведено для оружия, на зверей всех мастей. Копья легкие, остроконечные. Топоры увесистые, кремневые. Луки большие, изящные. Ножи обсидиановые, как бритвы. Стрелы тоже с наконечниками из обсидиана, острые. Рогатины внушительные и убедительные. Рукоятки у всех орудий добротные, надежные, чтобы с руки не соскакивали.

Наконец, в отдельном углу аккуратно и по местам разложена незатейливая, но способная утварь: кухонные принадлежности, инструменты для выделки шкур, шитья и прочего хозяйства. Зверюга был на редкость толковым пещерным жителем. Он имел и умел все, что могло пригодиться в пещерной жизни. Не хватало ему только спутника, или точнее спутницы. Спутник ему точно не требовался, поскольку так называемых «людей» Зверюга на дух не переносил.

И вот, было Зверюге грустно и одиноко. И решил Зверюга, что нужна ему женщина. А зачем она ему нужна? Он рассуждал так. На женщину можно смотреть. Смотреть как она ходит, лежит, сидит. Смотреть как она ест, как она моется, расчесывается, прихорашивается. Смотреть как она копошится с домашними делами. Смотреть как она на тебя смотрит. Это же так интересно, на нее смотреть. Вот сейчас, кругом одно и то же, смотреть не на что. Даже огонь костра, на который можно смотреть бесконечно, и тот приелся. А вот появится женщина, на нее смотреть не надоеет никогда. Если конечно и она тоже на тебя смотреть будет.

А еще женщину можно трогать. Трогать ее за волосы, за плечи, за грудь. Гладить ее спину, ее руки, ноги. Обхватывать сзади и держать, не пускать. Или обхватывать спереди и прижимать к себе крепко. Трогать и гладить ее можно всю, во всех местах. Женщина, она приятная, потому что у нее нежная кожа, и все места округлые, пухлые, мягкие. Так рассуждал Зверюга.

А еще он думал, что о женщине приятно заботиться. Кормить ее, одевать ее, гулять с ней. Защищать от хищных зверей и липких людей. Приносить ей добычу. Смешить ее. Тормошить ее. Играть с ней. Выводить ее из себя и смотреть, как она злится, и сразу успокаивать ее, и утешать, и развлекать, по-всякому, потом можно придумать как.

И решил Зверюга, что ему нужно добыть женщину. А как ее добыть? Очевидно, украсть, или выкрасть, или похитить, как угодно. Поймать ее и притащить в свою пещеру. Понятно, что она будет визжать и вырываться, поэтому надо держать ее крепко и тащить к себе. Все просто.

Итак, Зверюга отправился искать подругу. Вариантов для поиска было немного: либо свое бывшее племя, либо чужое. Но до чужого далеко добираться, поэтому он пошел к своим. Стойбище племени располагалось в долине, окруженной горами и лесом. По дороге Зверюга время от времени останавливался и прислушивался. Вскоре откуда-то издали послышались голоса, и он двинулся в направлении к ним.

Женщины паслись на лесной поляне, собирая ягоды. СобираТЕЛЬСТВОМ занимались в основном молодИцы, у которых не было малых детей. «Какая роскошь! – подумал Зверюга, во все глаза на них глядя. – Глупцы. Не охраняют свою роскошь, не ценят». Он притаился в зарослях и стал наблюдать. Надо было кого-то выбрать. Наконец, он остановил взгляд на одной понравившейся ему особи. Она находилась как раз с ближнего края.

Зверюга внезапно выскочил на поляну, схватил свою жертву, взвалил ее на плечо и побежал в лес. Остальные от неожиданности и испуга сначала замерли, потом закричали, но в погоню за похитителем никто не кинулся. Привыкнув к положению низшего сословия, женщины не умели за себя постоять.

Зверюга бежал, насколько хватало сил. Женщина была некрупная, но и не тощая, а хорошая такая, в теле, и весила немало, все-таки. Разумеется, она брыкалась и орала на весь лес. Так что, картина первобытного похищения, в отличие от идиллических полотен «Похищения Прозерпины», «Европы» или «Психеи», смотрелась весьма эпатажно. Лохматый дикарь в шкуре, со своей жертвой, такой же дикой и полуобнаженной.

Добравшись до своего логова, Зверюга опустил женщину на землю и приказал ей лезть в узкий проход меж кустов, ведущий в пещеру. Для пущей убедительности он толкал ее руками в попу. Она визжала, но лезла. Оказавшись в пещере, женщина начала озираться по сторонам, не прекращая орать.

Зверюга, немного отдышавшись, сказал ей:

– Чего ты орешь? Я тебя не съем.

Но та не переставала. Тогда он обхватил ее и крепко прижал к себе. Она тут же успокоилась и наконец-таки затихла. Зверюга усадил ее на мягкую шкуру, зажег факелы и занялся очагом. Дикая дева, все еще испуганно, но с любопытством следила за ним.

Зверюга думал, вот, теперь у него есть женщина. И она смотрит на него. Как это здорово! И он тоже может на нее смотреть, сколько угодно. И даже трогать. Хотя нет, пока натрогался достаточно. Первым делом, ее надо накормить. У Зверюги имелись кое-какие припасы, но ему хотелось

угостить свою женщину чем-нибудь свежим и вкусным.

Собираться Зверюге долго не пришлось, он взял копье, лук и стрелы, а нож всегда был при нем, на поясе. Идти тоже далеко не надо, вся охота рядом, в лесу. Он обратился к женщине:

– Сиди здесь, никуда не уходи. Кругом хищные звери, они царапаются и кусаются. Поняла?

– Да, мой господин, – молвила дева, впервые подав человеческий голос.

– И чего ты такая чумазая! Иди умойся, видишь, у меня тут целая купальня. А это тебе, – он протянул ей красивый костяной гребень для волос.

Она взяла гребень и с видимым удовольствием принялась вертеть его в руках.

– Я скоро, – сказал Зверюга и вышел из пещеры.

Чтоб женщину накормить, надо мяса свежего добыть, и шкуру неплохо бы. Теперь их двое, думал Зверюга, и требуется всего больше. Самой подходящей кандидатурой для такой sprawy было тупое животное, рогатое. Зверюга знал, где обычно пасется тупое животное, и направился туда, недалеко совсем.

Чтоб животное добыть, надо к нему подобраться незаметно, а потом выбежать внезапно и поразить его копьем в шею. Так быстрее и вернее. Зверюга стал осторожно подкрадываться к поляне, где паслось тупое животное. Но неожиданно и непредвиденно все таинство охоты расстроила глупая птица. Она почему-то увязалась за Зверюгой, может из любопытства, а может из вредности, и всячески выдавала его присутствие своими глупыми криками: «Кли-кли-кли».

Птица была большой, нелетающей и очень глупой. Она бегала вокруг Зверюги на длинных лапах, стараясь его клюнуть, и все кричала: «кли» да «кли». Чего она добивалась, было непонятно, однако охоту всю портила. Зверюга пытался отогнать птицу, но та не отставала. Так, отбиваясь от птицы, Зверюга неожиданно для себя оказался на поляне, чуть не столкнувшись нос к носу с животным.

Тупое животное жевало траву и равнодушно смотрело на Зверюгу. «Так не пойдет, – подумал он. – Что это за охота такая, совсем неинтересная, неопасная». Охота в девственном лесу и впрямь была несложной: зверей и птиц полно, и никто Зверюгу не боится. С досады, он стукнул уже надоевшую птицу копьем по ее глупой башке, и та свалилась замертво, даже не поняв что произошло.

Тупое животное ничуть не удивилось разыгравшейся сцене и

продолжало жевать свою жвачку с полным безразличием. «Ладно, – подумал тогда Зверюга. – Птица большая, мяса хватит. И то неплохая добыча. Наверно и вкусная к тому же».

Он совершил ритуал «отпевания» добычи, как по обыкновению делал в подобных случаях. Сказал птице: «Ты, глупая птица, была глупой птицей, а теперь твоя душа вселится в высшее существо, может быть даже в женщину, красивую, с умными глазами. И будешь ты умная и счастливая, женщина-птица, красивая».

Зверюга поднял добытую дичь и поспешил обратно, в свою пещеру, к своей женщине. Та ждала его, сидя на лежанке, устланной мягкими шкурами, уже умытая и причесанная.

– Проголодалась? – спросил Зверюга.

– Да, мой господин, – ответила дева.

– На вот, погрызи пока, – он протянул ей плод сладкого дерева, который сорвал по дороге.

Она взяла и с удовольствием принялась грызть плод, глядя на своего господина, а тот с удовольствием поглядывал на нее, занимаясь приготовлением ужина.

Зверюга быстренько ощипал птицу и посадил ее на вертел над огнем. Вскоре аппетитно пахнущее блюдо было готово.

ЗВЕРЮГА И ЕГО ЖЕНЩИНА

Зверюга снял птицу с вертела и принялся кормить свою женщину. Он отрезал самые вкусные кусочки и протягивал ей, она брала и ела. Сам Зверюга пока не ел. Главное, что она ела, и на него смотрела. Ему это очень нравилось, и он не мог налюбоваться. Он спросил ее:

- Почему ты не спрашиваешь, почему я не ем?
- Почему ты не ешь, мой господин? – спросила она.
- Потому что мне нравится смотреть, как ты ешь.

Зверюге очень нравилось смотреть, как ест женщина. Потому что, если женщина ест, значит, все хорошо. Это очень много значит. Потому что, если женщина ест, это означает, что на данный момент есть еда, есть кров, и все спокойно и благополучно.

Накормившись вдосталь, дикая дева устроилась полулежа на мягких шкурах и принялась следить за тем, что делает ее господин. Зверюга и сам тоже покормился, а после решил сработать мягкую подушечку для своей женщины, из перьев птицы, чтоб не пропадали, и чтоб женщине было уютно спать.

У Зверюги были отрезки тщательно выделанной кожи, он взял их, раскроил как надо, взял так же костяную иглу и нитки из тонких жилок, и сшил отрезки кожи так, что получилась наволочка. Он набил ее перьями. Хватило на хорошую подушку, птица была большая, и перьев и пуха много. Потом наволочку зашил, и получилась подушечка мягкая, хорошая. Зверюга для своей женщины старался, весь вечер возился. Справившись, он поразмял подушечку, повзбивал, и дал ей:

- Возьми, это тебе.

Она, ни слова не говоря, взяла подушечку, и довольная, прижала к животу.

Настало время сна. Зверюга потушил факелы, подбросил толстых дров в очаг и улегся на лежанку. Его женщина уклалась рядом с ним. Это ему тоже очень нравилось. Теперь он не один, рядом лежит его женщина и смотрит на него. Он сказал ей:

- Положи подушку под голову, будет удобней.

Но она обняла подушечку, прижав ее к груди, и так лежала, глядя на него. «Дикая», – подумал он, а вслух сказал:

- Ладно, как хочешь.

Зверюга заботливо укрыл свою женщину самой лучшей, самой уютной

шкурой, а сам накрылся другой, чуть поплоче. Едва лишь он это сделал, а дева уже засопела, уснув довольная и успокоенная. Он осторожно погладил ее волосы, и еще долго лежал и смотрел на нее, и слушал как она сопит, и чему-то про себя улыбался, а потом и сам уснул.

На следующий день Зверюга решил, что надо ему приодеть женщину. На ней были какие-то старые лохмотья, едва прикрывавшие тело. Он собрался и сказал ей:

– Я иду добыть дикого зверя, пушистого. Никуда не выходи без меня. Жди меня. Поддерживай очаг. Поняла?

– Да, мой господин, – ответила дева.

– Ну я пошел.

И Зверюга отправился на поиски дикого зверя, пушистого, из шкуры которого можно было сшить одежду для женщины. Дикий зверь, пушистый, обитал на деревьях, охотясь на птиц. Это был достаточно крупный зверь, с очень красивой мягкой шкуркой, но и опасный очень. Сильно царапался и больно кусался. И добыть его было трудно. Топором зверя не взять, копьем не достать, только из лука подстрелить разве что, изловчиться, да и то сложно, уж очень подвижный зверь.

Как обычно, искать поживу долго не пришлось. Охота же вообще превратилась в одну стремительную схватку. Зверюга снова наткнулся на глупую птицу, уже другую, конечно. Глупая птица стояла под деревом, задрав голову кверху, лапы расставив, а крылья растопоршив, и кричала: «Кли-кли-кли!» И чего, и зачем кричала? А наверху, на ветке, дикий зверь качался, пушистый. Качался он, качался, а потом прыгнул на птицу, да разом свернул ей шею. Зверюга быстро прицелился из лука и попал зверю дикому, пушистому, прямо в голову, куда и целился, чтобы шкуру не портить. В тот же миг на Зверюгу вдруг набросился невесть откуда взявшийся другой зверь дикий, пушистый, с лапами когтистыми. Зверюга мгновенно выхватил нож и полоснул зверя по горлу, но тот все же успел его сильно подрать когтями.

«Надо же, – подумал Зверюга, стоя над своими трофеями. – Тот зверь, второй, наверно женщину свою пытался защитить, и вместе с ней смерть принял. А птица глупая, какая! Будто нарочно смерти ищет. Переродиться, может, хочет побыстрее?»

Зверюга, как всегда, отдал почести своей добыче: «Вы, звери дикие, были зверями пушистыми, а станете людьми благородными, справедливыми. Будете женщин своих защищать и добычу им приносить. А ты, птица лесная, была птицею глупой, неразумной, а станешь ты умной и мудрой. Стань той, кем сама бы хотела».

Зверюга снял шкуры со зверей, взвалил их на плечи, а птицу за лапы взял, и зашагал обратно, в свою пещеру, к своей женщине. Ему повезло, вместо одного зверя он добыл двух, да еще птицу в придачу, вкусную. Единственной досадной неприятностью были глубокие царапины, что зверь оставил. Зверюга по дороге нарвал травы целебной, чтобы раны потом заживить.

Дева встретила его в пещере и с интересом разглядывала добычу. На царапины внимания не обратила. Не обратила особого внимания и тогда, когда Зверюга залечивал свои раны, накладывая на них мазь из растертой травы. Что ж, как и прежде, он быстро справился и с приготовлением ужина, и со своими проблемами. Он снова кормил свою женщину и смотрел, как она ест.

Когда подошло время ко сну, они легли, и она опять заснула легко и засопела блаженно. А он опять лежал и смотрел на нее, и улыбался себе, и слушал, как она сопит, и даже потрогал тихонько за плечи и грудь, совсем тихонечко, чтоб не проснулась. Женщина украшала его жизнь, остальное было неважно.

Следующие несколько дней ушли на изготовление одежды для женщины. Шкуры пушистых зверей надо было высушить и выделать очень тщательно, чтобы они были мягкими, приятными. Когда Зверюга примерял на женщину отрезки шкуры, а он это делал довольно часто, нарочно наверное, то пользовался случаем обнять ее и прижать к себе. Она не отстранялась, но и взаимности не проявляла.

Однако Зверюга довольствовался и тем, что в его жизни была женщина, которую можно хоть иногда обнять и прижать. А еще его жизнь была теперь наполнена приятными хлопотами и отрадными заботами. Наполнена как новым смыслом существования и целью даже.

Зверюга трудился над одеждой для своей женщины прилежно и старательно. И наконец, настал момент, когда первобытный шедевр от кутюр был готов. Получились очень симпатичные штанишки до колен и курточка с рукавчиками до середины предплечий. Дикая дева, облаченная в подобный наряд, теперь выглядела не такой уж и дикой. Конечно, она была довольна. Или скажем так, очень довольна. Но еще больше был доволен Зверюга. Женщину в пушистой и мягкой шубке стало еще приятнее обнимать и гладить.

Принарядивши подругу, Зверюга впервые вывел ее в свет. Когда они выбрались из пещеры, он взял ее за руку и провел по извилистой тропинке вверх до середины горы. Там они сели у высокого обрыва и любовались панорамой лесной долины, утонувшей средь гор в лучах заходящего

солнца.

Пока они сидели, наблюдая закат, Зверюга несколько раз ненавязчиво обнял свою женщину за плечи и талию. Та по-прежнему не возражала, но и никакой симпатии в ответ не выказывала. Когда они, как обычно, легли спать, Зверюга долго не мог заснуть и все думал, как бы добиться взаимности от горячей и в то же время такой холодной девы. И решил он, что нужно подарить ей украшения.

А как их добыть? Отобрать у других женщин? Нет, так не годится, надо самому сделать. Но прежде, требуется камни найти красивые, самоцветные. А камни красивые, самоцветные, водились на самой вершине, на самой макушке горы, на горице, куда было очень трудно забраться. Но Зверюга так решил и отправился туда на следующий же день.

Итак, полез он на самую макушку, на гору, на горицу. Путь был нелегким и пролегал через крутые склоны, осыпи и узкие тропы над обрывами. Один раз Зверюга чуть не сорвался в пропасть, и в кровь искалечил руки и ноги, но до верхушки все-таки добрался. Там он нашел камни самоцветные. Выбрал самые красивые, сложил их в кожаную котомку и двинулся обратно, в свою пещеру, к своей женщине.

Женщина по своему обыкновению ждала его, расположившись на мягкой шкуре у огня. Зверюга вывалил перед ней камни из котомки:

– Видишь, это все тебе.

Глаза у нее загорелись.

– Нравится? – спросил он ее.

– Да, мой господин! – ответила та с восторгом.

Может, теперь ее сердце растает, подумал уставший Зверюга и принялся залечивать свои раны. Дева перебирала и рассматривала самоцветные камни, не задумываясь о том, как они достались и не обращая внимания на беду своего господина.

Ну да ладно. Зверюга опять несколько дней прилежно трудился, стараясь сделать для своей женщины самые лучшие, самые красивые вещи, какие только можно было изготовить в тех условиях. Наконец, работа была закончена, и наступил торжественный момент. Зверюга надел своей женщине браслеты на руки и ноги, а на шею повесил ожерелье.

Дева была довольна как никогда. Она ходила взад-вперед по пещере, и любовалась своими драгоценностями, и своему господину показывала, как она хороша собой в них. И Зверюге все это тоже очень нравилось. Однако в душе у него вновь поселились уже было забытые грусть и тоска. И он как прежде испытывал чувство одиночества, несмотря на то, что с ним была его женщина.

Когда они улеглись, она не сразу заснула, а все показывала руки и ноги, и любовалась своей красотой. Он спросил ее:

– Ты не скучаешь по дому?

– Нет, мой господин, – ответила дева.

– Ну что ты заладила! – не выдержал Зверюга. – Я тебе не господин.

Он обнял ее и прильнул губами к ее волосам. Ее волосы пахли лесом. Он зарылся в них и лежал так, прижав свою женщину к себе. Она тоже лежала спокойно, но через несколько мгновений он уже слышал привычное сопение.

НАКАЗАННЫЕ ЛЮБОВЬЮ

Зверюга всю ночь не мог заснуть, а все ворочался и думал. Наутро он покормил ее и сказал ей:

- Я не могу так больше. Отведу тебя обратно в стойбище. Собирайся.
- Почему, мой господин? – удивилась дева. – Я не хочу.
- Ты меня любишь? – спросил он ее.
- Да, мой господин.
- Врешь. Ты любишь то, что я имею, и что даю тебе.
- Но мой господин, мне хорошо с тобой!
- Конечно, тебе хорошо, потому что я о тебе забочусь. Но я не могу жить с той, которой я безразличен. А ты скорей полюбишь того, кто тебя бьет. Идем.

Она расплакалась. Однако Зверюга принял решение и был непреклонен. Он вручил ей подушечку и мягко подтолкнул к выходу.

Через лес они шли молча. Дева брела, опустив голову и прижав подушечку к животу, время от времени всхлипывая. Зверюга был мрачнее тучи. Он понимал, что поступает жестоко и как-то очень нехорошо. Он делал то, отчего и ему, и ей теперь плохо, очень плохо. Но он не знал другого выхода. Ему было больно, очень больно. Но еще больнее быть с ней и чувствовать ее безразличие.

Зверюга довел ее до того места, откуда уже виднелось стойбище племени, и дальше она побрела сама. А он, развернувшись, пошел, нехотя, медленным шагом, обратно в свою пещеру, где уже не было его женщины. Вот, была она у него, а теперь ее нет. Ему стало буквально физически плохо, но он иначе не мог, или не умел. Единственное оправдание он видел в том, что она не приложила ни малейших усилий, чтоб хотя бы притвориться и сделать вид, что он хоть что-то для нее значит. Но она даже не пыталась.

Жаль только, думал он, люди все у нее отберут, и украшения, и подушечку, и курточку, и штанишки. Жалко ее. Ладно, сама виновата. Но в чем она перед ним виновата? В том, что не притворилась, что любит его? А почему она должна была притворяться? И почему она должна была его любить? Только потому, что он для нее что-то сделал? Но разве влюбляются почему-то или за что-то?

Очнувшись от воспоминаний, Лохматая Зверюга обнаружил себя бредущим понуро в команде участников «экспедиции крышки», которые продолжали поиски решения крышечной проблемы.

Он плохо помнил, что было после расставания с подругой, и как он жил дальше один в своей пещере. Помнил только, что постоянно обвинял себя в том, что поступил нехорошо, неправильно, и так же постоянно себя оправдывал. В итоге его сердце ожесточилось, и кажется, именно поэтому он обрел свой нынешний звериный облик. Хотя способность любить не утратил.

Зато сам стал таким, в кого влюбиться едва ли кто-то был способен. Какие у него шансы с Брунхильдой? Смешно. Как будто Создатель нарочно наказал его за то, что он тогда повел себя так некрасиво. А еще наказал наверно для того, чтобы он, Зверюга, что-то понял. Ведь он до сих пор так и не понял, зачем дается любовь, и как она возникает, и почему один другого может любить, а другой в ответ не может.

Но разве есть кто-нибудь, хоть один на свете, кто сумел разгадать все эти загадки? Или ответов на все эти «как, зачем и почему» вообще не существует? А есть лишь любовь, как она есть, и нужно просто любить, если можешь, не задаваясь вопросами? А если не можешь не задаваться, тогда лучше и не любить вовсе? Но ведь любовь, она не спрашивает, можешь ли ты, и хочешь ли, а просто поражает тебя, как болезнь, и тогда, как говорится, это уже твои проблемы.

Болезнь? У Зверюги перед глазами всплыл недавний сеанс «обезлюбливающей терапии», из которого наибольшее впечатление на него произвели слова «ты не стоишь даже легкой влюбленности», будто о нем сказанные.

Итак, не переставая терзать себя мрачными мыслями, Зверюга брел молча в компании наших друзей. Его раздумья прервал внезапно раздавшийся звук сирены, характерный для кареты скорой помощи. Тут же и сам автомобиль вывернул из-за угла, обвешанный проблесковыми маячками, как новогодняя елка. Поравнявшись с компанией, он резко затормозил и остановился.

– Ой, смотрите, это же та, сумасшедшая докторица! – воскликнула Желтая Подлодка.

Из кабины скорой и впрямь вылезла докторица, и подбоченясь, обратилась к ним:

– А, старые знакомые, практиканты! Куда путь держим? У меня тут появились некоторые сомнения, по поводу. Похоже, среди вас есть больной. Я еще тогда заподозрила, но как-то упустила из виду, – сказала она, вперивши взгляд в Зверюгу. За ее спиной тут же выросли два крепких медбрата.

– Вы глубоко заблуждаетесь, глубокоуважаемая коллега, – отвечал за всех Адя, умудренный опытом заговаривания зубов. – Мы все отменно здоровы и до чрезвычайности далеки от заболеваний вашего профиля.

– А вот этот, лохматый, по-вашему, тоже здоров? Это ж до какого состояния себя довести надо! Острый рецидив!

– Да помилуйте-с, наш товарищ всего лишь слегка перебрал вчера, и ему сейчас требуется скорей вытрезвитель, нежели ваша, хоть и скоропостижная, но весьма почтеннейшая помощь.

Зверюга сердито покосился на Адю, но благоразумно смолчал. Они все были на грани попадания в переделку. Докторица не унималась:

– Меня не проведешь, я больных за версту чую!

– А откуда и куда вы так спешили, позвольте полюбопытствовать? – Адя сделал попытку увести разговор в сторону.

– Очень тяжелую и опасно больную подобрали. Сознательные граждане вовремя сообщили. Представьте, слоняется по улице, вся растрепанная, в невменяемом состоянии, какие-то стихи постоянно читает, не ровен час, заразит еще кого.

– А-я-я-й, это ж надо! – продолжал заговаривать Адя. – Как хорошо, что вы всегда на страже общественного здоровья. А нельзя ли взглянуть на больную, в качестве перенимания вашего ценного опыта? Ведь мы, молодые практиканты, обязаны брать с вас пример!

– Ладно уж, в таком качестве можно. Натe, смотрите.

Докторица приоткрыла дверцу скорой. Там сидела молодая, но сникшая женщина. Она как заведенная читала одни и те же стихи, раскачиваясь и глядя в никуда.

«Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье».^[7]

– Вот видите, до чего болезнь довести может! – напутствовала докторица своих «практикантов». – Стихи тоже больные, но и те истину глаголют. Чем меньше глупых надежд, тем больше здоровых песен. И жить веселее, и общество здоровее. А чтоб губы не простудить, одеваться теплее нужно, и гигиенической помадой их смазывать. А то, что нестерпимо больно, так это мы поправим, вмиг приведем в порядок.

Дальше события развивались настолько стремительно, что докторица с медбратьями, остолбенев, не успели и пошевелинуться. Да и вся наша команда замерла от изумления. Зверюга у всех на глазах вдруг трансформировал свой облик, подобно тому как бывает в кино. Но то в кино. В реальности же смотрелось совсем нереально. Лохматое чудовище, в считанные мгновенья, превратилось в миловидного юношу с каштановыми волосами до плеч, одетого в черный бархатный костюм с золотыми пуговицами и белоснежную рубашку.

Из всех присутствующих один Зверюга не успел заметить своего превращения. От того, что он увидел за дверцей скорой помощи, у него похолодело в груди. Там сидела его женщина! Нет, едва ли это могла быть она, та самая, ведь сколько тысячелетий минуло с тех пор. Но ведь и он тоже себя помнит оттуда, из того времени. И ведь он тоже здесь, хоть и в другом обличье. Могло ли случиться такое, что это была действительно она? И неужели не только он был наказан, но и она, каким-то непостижимым образом, очутилась здесь, и с той же проблемой?

Раздумывать и разбираться было некогда. Зверюга, или точнее его новый «релиз», схватил женщину, взвалил ее на плечо, и как прежде, побежал что было сил, прочь...

ОСТАНОВКА СНОВИДЕНИЯ

Если когда-нибудь случится так, что читатель, задремавший с этой книгой в руках, вдруг проснется и обнаружит, что в сон его склонил мерный шелест волн, набегающих на песчаный берег там, где легкий бриз качает пальмы, где жаркий воздух колыхнется в мареве, где бодрствование незаметно перетекает в полузабытье, а явь в сновидение, тогда, быть может, ему посчастливится увидеть некую границу, за которой начинается другой мир, неизмеримо громадный, в сравнении с тем крошечным островком материальной действительности, который нам представляется бескрайней Вселенной.

И тогда, быть может, ему посчастливится разглядеть, как с той стороны зеркала две особы экстраординарной внешности тщетно пытаются проникнуть на эту сторону. У одной из них лицо в ритуальной багровой раскраске, черные волосы каре и длинное платье из темного бархата с бриллиантовым воротничком. У второй на лице театральный грим синего цвета, голубые волосы и зеленый комбинезон с большим розовым бантом на поясице. Внимательный наблюдатель действительно может увидеть в зеркальном мираже диву Матильду и жрицу Итфат, потому что все, что происходит здесь и сейчас, одновременно происходит и там. Ведь между тем миром и этим временной дистанции просто не существует.

Мы оставили диву и жрицу возле зеркала после их безуспешных попыток вырваться из метареальности, в которой они оказались по воле провидения. Подруги еще не успели прийти в себя от неожиданно обретенных вторых имен, как в окружающей среде вновь начали происходить пугающие изменения.

Дневной свет, исходящий неведомо откуда, поскольку солнце на том небе отсутствовало, вдруг стал заполняться полумраком. Но не так, как это бывает, когда смеркается, и день постепенно переходит в ночь. Сумрак вливался в атмосферу клочьями и разводами, подобно чернилам, капнутым в воду. Темные разводы быстро поглощали освещенное пространство, словно тьма была материальной субстанцией.

– Фати, что происходит? – воскликнула Матильда. – Я боюсь!

– Тебе еще не надоело бояться? – ответила Итфат. – Я так уже почти привыкла.

– Ну ты в своем репертуаре! Говоришь о боязни как о занятии!

– Конечно, это занятие. Ты сейчас занимаешься тем, что боишься.

– А ты не боишься?
– Нет, я пугаюсь.
– А это что, не одно и то же?
– Когда я боюсь, я в панике, а когда пугаюсь, то собираюсь.
– Куда собираешься?
– Не куда, а во что. В кучку себя собираю, чтобы встретить опасность.
– Ты лучше меня собери-и-и! – завизжала Матильда, пытаясь отогнать от себя тьму, как дым. – Нет не надоело мне бояться-я-я!

– Тили-Тили, смотри, как интересно, – Итфат провела руку сквозь темный развод, и за рукой потянулся светящийся шлейф. Затем она сама вошла в клубящуюся тьму и покружилась. Вся ее фигура тут же озарилась яркой аурой.

– Фати, мне эти фокусы совсем неинтересны! Ты меня не успокоишь, происходит что-то ужасное!

– Ну ладно-ладно! Ты же сама говорила, что бы здесь ни происходило, все ужасно. Но мы до сих пор живы-здоровы.

– Фати, я удивляюсь твоему спокойствию!

Через считанные мгновенья клубы полумрака заполнили уже все пространство, и только с реальной стороны зеркала по-прежнему беззаботно сиял морской пейзаж, смотревшийся как экран из темного кинозала.

– Вот видишь, – сказала Итфат, – хочешь, не хочешь, а придется успокоиться. Невозможно ведь продолжать тревожиться по поводу того, что уже наступило и длится.

– Нет возможно! Нет возможно! – не унималась Матильда.

– Ну все, все, Тили, представь, что просто наступила ночь.

– Что мы теперь будем делать?

– Пойдем к мегалиту.

– Я боюсь туда идти, там темно и страшно-о-о!

– Зато внутри него светло и есть корм. Ты разве забыла?

– Да? – удивилась Матильда, словно впервые об этом узнав. – Корм? Я бы сейчас что-нибудь съела.

– Вот и пойдем, потихонечку-потихонечку, все видно, и совсем не страшно не страшно.

Итфат взяла Матильду за руку и повела за собой, как ребенка. Та и впрямь успокоилась и послушно последовала за жрицей. Было хоть и темно, но окружающая обстановка все же проглядывалась, и контуры домов чернели неподалеку, среди которых башня мегалита выделялась еще более черным силуэтом. Зато фигуры подруг были окутаны светящимися

аурами, что придавало жутковатой ночной прогулке оттенок фэнтезийной романтики.

– Вот ты какая, Тафти, – сказала Матильда. – Отважная жрица. А я без тебя тут просто легла бы и померла.

– Тили, не произноси мое второе имя понапрасну. Вернее, произноси его, но только в особых случаях. А я буду так же поступать с твоим.

– Это почему? Почему это?

– Мне кажется, здесь оно имеет какой-то магический смысл. Когда я его впервые услышала, у меня в голове пронесся целый шквал воспоминаний и знаний, но затем он так же внезапно исчез, и в моей памяти опять туман. А сейчас, когда ты меня так назвала, мне вспомнилось то, что я знала о мире сновидений.

– И что же?

– Я тебе уже говорила, что метареальность, где мы находимся, и пространство сновидений, это одно и то же. Когда мы видим сон, наше внимание летает здесь. А сейчас мы не только во внимании, но и в теле.

– Так, и что же?

– Сновидение крутится лишь тогда, когда присутствует наблюдатель. Если наблюдателя нет, в этом мире все покоится, как в статичной картине. Все события, все эпохи заморожены в одном бесконечном ландшафте. Течения времени нет. Но стоит сновидящему проникнуть сюда своим вниманием, и картина оживает. Внимание запускает время. Или точнее, время в метареальности проявляет себя как течение лишь потому, что внимание здесь летает и смотрит.

– Хела! Как в кино, что ли? На киноленту отснято – покоится. А когда смотрим – движется.

– Да, только я не понимаю, почему остановились эти серые манекены? Они ведь персонажи сновидения, а сновидение должно крутиться, поскольку мы как наблюдатели присутствуем.

– Но тут не все остановлено. Постоянно что-то происходит, даже гламроки и вода, как ты сама заметила, двигаются, только замедленно.

– Но почему наше время не синхронно с их временем?

– Да бог его ведает. Я проснулась, со мной все в порядке, а они как статуи.

– Похоже, остановка произошла в момент моего появления. Когда я здесь очутилась, мне показалось, что время замерло.

– А что ты делала перед этим в реальности, не помнишь?

– Нет.

– Давай, Тафти, вспоминай!

– Тафти-Тафти, жрица-жрица, чем же ты занималась? – спросила сама себя Итфат. – Погоди, Илит, а что ты сама делала, с зеркалами в театре? Ой, твое второе имя по отношению к тебе звучит как-то странно... Будто к твоему двойнику обращаюсь.

– К моему отражению, ты хочешь сказать? Мы тогда зеркала на полу и на стенах установили, чтобы зритель не мог уловить, где настоящее, а где мнимое. Что-то в этом роде.

– С зеркалами шутить нельзя. Реальность сама зеркальная, она не любит, когда играют с ее моделями. Она тоже, может такую шутку выкинуть, что не обрадуешься, как вышло с тобой, например.

– Да, наверно ты права. А мне еще известно, что реальность не любит, когда в нее пристально всматриваются.

– Как это?

– В квантовой механике есть такое понятие, принцип неопределенности называется.

– Тили, откуда ты такие слова заумные знаешь? По тебе не скажешь.

– Ага! А я сейчас не Тили, я Илит! У меня бой-френд был, студент-физик, так он мне много чего нарасказывал. Я тогда не все поняла, но кое-что запомнила.

– Давай-давай, выкладывай.

– Так вот, этот принцип неопределенности состоит в том, что, если пристально вглядываться в реальность, она ускользает.

– Как понять, ускользает?

– Не хочет себя показывать, свою суть. Например, если попробовать досконально выяснить, из чего состоит луч света, так он не дается. То сплошным потоком прикидывается, а то вдруг оказывается, что он распространяется порциями, квантами. И чем внимательней его рассматриваешь, тем непонятней становится, что такое свет.

– Тили, это все удивительно, потрясающе! И я вспомнила! – Итфат отпустила руку подруги и принялась кружиться, как делала всякий раз, когда была чем-то взволнована. За ее платьем тут же потянулся шлейфом светящийся вихрь.

– Вспомнила-вспомнила!

– Фати, ты опять меня пугаешь! Дай мне руку! Ты можешь говорить спокойно?

– Ну ладно, ладно. Похоже, перед тем как здесь очутиться, я как раз и занималась пристальным разглядыванием реальности.

– В каком смысле?

– Есть такая магическая практика. Когда находишься в пограничном

состоянии между сном и явью, тебе может открыться истинная природа реальности.

– И тебе что-то открылось?

– Да, я увидела, что реальность двигается не сплошным потоком, а порциями, как свет, о котором ты рассказывала.

– В самом деле, что ли? Кино тоже складывается из отдельных кадров.

– А как вы его смотрите? Картинку за картинкой?

– Нет, кинолента быстро прокручивается, и кадры сливаются в непрерывное движение, даже мелькания незаметно.

– Значит, ваше кино, это одна из моделей реальности. Все сходится. Реальность дискретна, вот что я увидела!

– Интересно. Выходит, ты разозлила реальность тем, что застала ее врасплох, за переодеванием, и она забросила тебя сюда?

– Да, реальность не хочет раскрывать свои секреты, как снимается ее кино. Но мне по-прежнему непонятно, почему сновидение остановилось.

– А, ну так это наверно все тот же принцип неопределенности. Реальность старается ускользнуть, когда ее разглядываешь, а может и совсем замереть, как делает жук, когда его берешь в руки.

– Вот оно что! Тили, ты вовсе не такая простушка, какой иногда кажешься.

– Сама ты простушка-веснушка!

– Если мы вернемся в мой мир, сделаем тебя жрицей.

– Покорно благодарю. Не хочу быть жрицей, хочу быть обычной девицей.

– Ты необычная. Ладно, будешь дивой. У нас тоже есть что-то наподобие вашего театра.

– Да? Вот, этого я хочу. Но давай продолжим. Что ты там говорила по поводу наблюдателей?

– Наблюдателем является наше внимание, – сказала Итфат. – Здесь, в пространстве сновидений, внимание запускает кино и смотрит его как сон. В реальности же, с той стороны зеркала, наоборот, кино крутится само, а внимание живет в нем.

– Живет как персонаж в кинокартине? – спросила Матильда.

– Мы и там, и тут персонажи.

– Тогда в чем разница между тут и там?

Итфат на минуту задумалась.

– Знаешь, принципиальной разницы вроде как и нет. Я еще не до конца разобралась. Реальность, как ты говоришь, ускользает, когда пытаешься в ней разобраться. Условно можно считать, что там все материальное, а здесь

виртуальное.

– Но мы же тут в своих телах?

– С точностью можно утверждать лишь то, что мы в своих манекенах. Разница между материальным и нематериальным тоже условна. В сновидении ведь, все предметы ощущаются нами как твердые. Если, конечно, внимание находится в манекене. Я, пока свой манекен не встретила, сквозь стены проходила.

– А я? Мое настоящее тело все-таки здесь, или там осталось?

– Судя по тому, что твой Виктор сокрушался: «Где ты, моя Тиличка, моя ляля», – твоего тела не обнаружили. А вот насчет меня, не знаю. Мы видели только мою статую, а если тело осталось там, то его похоронили.

– Фати, так ты что тогда, не сможешь туда вернуться?

– Смогу-смогу! Реальность может все что угодно устроить, если захочет. Если с ней договориться. А мы договоримся, не сомневайся.

НАБЛЮДАТЕЛИ И ПЕРСОНАЖИ

– Ух, – выдохнула Матильда, очутившись, наконец, внутри мегалита. – Прямо жуть! Жуть прямо!

– Вот мы и дома, – сказала Итфат.

Да, после жутковатой прогулки во тьме, которая, как оказалось, могла быть вязкой, подруги вернулись к исходной точке своего пребывания в метареальности.

– Фати! Если это наш дом, плохи наши дела.

– Ладно-ладно! Зато здесь светло, и видишь, стульчики и столик на месте, и покормят нас наверно опять.

Они подошли к черному цилиндру и уселись передохнуть.

– Теперь твоя очередь, – сказала Матильда. – Ты будешь меня кормить, а я буду тебя лакомить.

– Как это, лакомить? – спросила Итфат.

– Увидишь. Давай, попробай теперь ты задать цилиндру свое меню. Я хочу попробовать ваши блюда.

– А если у меня не получится?

– Тафти, жрица отважная! Ты меня удивляешь. Как ты можешь в критических ситуациях быть такой смелой, а сейчас, когда вообще бояться нечего, такой нерешительной?

– А ты, Илит, дива премудрая, разве не понимаешь, что так и должно быть? Обычные люди в критических ситуациях впадают в сон, а видящие реальность, наоборот, просыпаются. Ты ведь тоже видящая, Тили.

– Какой уж там сон! Я просто вне себя, когда мне угрожает какая-то опасность.

– Вот именно, ты вне себя, а значит, не в себе. Паника, это тот же транс. Когда ты не в себе, ты собой не владеешь.

– Что верно, то верно. Когда я не в себе, мной владеет страх или тревога, гнев или неприязнь, и прочие эмоции.

– Не совсем так. Эмоции лишь погружают тебя в сон, а владеет тобой кино, в которое ты погружаешься.

– Мной владеет кино? Интересненькая мысль. Я бы даже сказала, странненькая мысль.

– Ничего странного. Разве не помнишь, мы только что говорили о наблюдателях и персонажах. Находясь в пространстве сновидений, внимание запускает кино и смотрит его как зритель. В реальности же

наоборот, кино крутится само, а внимание живет в нем как персонаж.

– Да, ты говорила, мы персонажи, и тут, и там. Однако в это с трудом верится.

– Тебе еще и верится с трудом? После всего пережитого?

– Просто, в голове не укладывается, как это я могу быть персонажем кинокартины.

– Ну так будь наблюдателем! Чтобы перестать быть персонажем, необходимо проснуться. Эмоции должны пробуждать, а не усыплять. Это, своего рода, привычка наоборот.

– Фати, у тебя такая привычка, оказывается? Я бы тоже такую хотела.

– Можешь приобрести, если постараться.

– И как я должна постараться? – спросила Матильда.

– В моей стране видящие учатся зарабатывать такую вот обратную привычку, – ответила Итфат. – Как только тебя что-то испугало, встревожило, разозлило, так сразу, вместо того чтобы погрузиться в свои страсти, как в сон, просыпаешься и начинаешь действовать осознанно. В отличие от эмоционального транса, состояние осознания дает тебе возможность действовать решительно, правильно и четко.

– Этак можно превратиться в мраморное изваяние. Без эмоций, без страстей...

– А кто сказал, что эмоции надо подавлять? Бушуй своими страстями, сколько душе угодно. Бойся, злись, ненавидь, но делай это осознанно.

– Красота! Это как это? Как я могу бояться, или злиться, или ненавидеть сознательно? Намеренно, что ли?

– Не сознательно, а осознанно, не путай. Находиться в состоянии осознания означает быть вменяемой, отдавать себе отчет, что делаешь. Можешь вытворять что хочешь, главное, наблюдай за собой в то время как боишься, злишься, ненавидишь. Владей своим вниманием. Следи за ним, где оно, кому принадлежит: тебе, или кинокартине, в которую ты погрузилась. Когда владеешь своим вниманием, владеешь собой.

– Фати, ты вроде говоришь о таких простых и очевидных вещах, но у тебя они превращаются в совсем неочевидные! Ты начинаешь вспоминать свое Знание?

– Да, в голове постепенно что-то проясняется, как и обещало Преддверие.

– А вот это состояние осознания, как в него войти?

– Очень просто. Нужно включить своего Очевидца.

– Это еще что такое?

– Внимание над самым вниманием, как надстройкой. Очевидец может

следить за тем, на чем сосредоточено внимание, где оно находится: внутри себя, в своих мыслях, или снаружи, в окружающей реальности. У обычных людей Очевидец почти всегда спит, поэтому они не обращают внимания, куда их внимание погружено. У видящих, напротив, чуть что случись, малейшее дуновение пространства, их Очевидец сразу просыпается и вытаскивает внимание из зоны погружения наверх, в центр осознания: вижу себя и вижу реальность.

– Ах вот оно что! – воскликнула Матильда. – Я кажется поняла! Я действительно могу видеть, где находится мое внимание. И могу одновременно видеть реальность и себя в этой реальности. Хела! Я могу за собой наблюдать!

– Правильно, – сказала Итфат, – когда ты за собой наблюдаешь, твой Очевидец активирован, он не спит, и ты отдаешь отчет в своих действиях. Но включить Очевидца вот так, по возникшему желанию, совсем нетрудно. Гораздо трудней включить его в ситуации. Ситуация поглощает твоё внимание, ты забываешься и впадаешь в сон, в транс.

– Ух ты, верно! И как же научиться вовремя включаться?

– Поставить себе такую цель. Буквально, задаться целью: я буду просыпаться всякий раз, когда что-то происходит, или когда меня что-то гнетет, или когда что-то не так со мной и окружающей реальностью.

– Ладно, теперь чуть что, сразу просыпаюсь. И что дальше?

– Видишь себя и видишь реальность. Отдаешь отчет в своих действиях. Можешь бояться, беситься, неистовствовать... что угодно, главное осознанно, наблюдая за собой и реальностью.

– И что это дает?

– Вот то и дает. Возвращает тебя тебе. В таком состоянии ты можешь справляться с проблемами и в любой ситуации действовать безупречно.

– Красота! Все, я буду, я этого хочу! Сколько нужно тренироваться?

– Пока привычка засыпать не превратится в обратную: просыпаться. Придется немножко позаставлять себя поначалу. Это как чистить зубы. Сначала лень, не хочется, а потом пару десятков раз заставишь себя, или тебя заставят, и тогда в привычку войдет, и процедура будет уже сама собой разумеется и не в тягость.

– Здорово! И как все просто! Полезная привычка – это даже лучше, чем сила воли или какое-то умение. Не нужно что-то из себя выдавливать, ты делаешь это легко, потому что привычка такая. Во как!

– Да-да-да, вот так вот так!

– У нас даже пословица есть: «хорошие привычки лучше хороших манер». А есть и другая: «за худую привычку умного дураком кличут».

– Точные у вас пословицы, запомню.

– Ну, Фатичка, давай уже кормиться, – Матильда встала и подошла к цилиндру. – Заболтались мы. Хотя, с тобой любая болтовня прямо в философскую беседу превращается.

– Не люблю философствовать, – ответила Итфат, тоже поднявшись. – Предпочитаю практику.

– Вот и давай, корми меня! Как ты там говоришь, уже скорей-скорей!

– Тили-Тили, ты меня испытываешь! Я и вправду боюсь, вдруг не получится.

– А ты бойся и наблюдай за собой. Хи-хи! Ладно, Фати, у тебя не может не получиться, ты ведь жрица.

– У меня нет такого бантика, как у тебя.

– Не притворяйся! Ты знаешь, что бантик здесь ни при чем. Это все какой-то там движочек-рычажок. Так ты его называла?

– Я забыла, как он на самом деле называется и как им пользоваться. Расскажи еще раз, что ты делаешь со своим бантиком?

– С бантиком я ничего не делаю, он мне просто напоминает о чем-то таком, о каком-то ощущении за спиной.

– Что это за ощущение, и где?

– Где-то за лопатками или чуть ниже, на расстоянии в половину локтя от спины, возникает какое-то томительное ощущение, не могу объяснить какое. Знаешь, попробуй вот что. Представь, что спереди, из середины груди, что-то продавливается, проталкивается сквозь тело, назад, к спине, и выходит из спины. Неважно, что именно проталкивается и выходит, просто ощущение. Потом зафиксируй это ощущение за спиной и тут же представь желаемое.

– Хорошо, сейчас попытаюсь.

Не успела Итфат договорить эти слова, как цилиндр загудел, и из него один за другим стали выдвигаться сегменты со всевозможными блюдами.

– Тафти-Тафти! – закричала Матильда. – Жрица-жрица! Ну ты даешь! А еще жаловалась, боюсь, не умею! Почему у тебя так быстро получилось?

– Да как-то спонтанно, задней мыслью. Пока ты рассказывала, я все это представляла-ощущала, а затем сразу представила вкусный стол, как мы его накрываем на праздник.

– Ничего себе, вкусный стол у вас! Выглядит роскошно.

– Ага-ага! Попробуй.

Матильда взяла сразу две тарелки и уселась за столик.

– Ого-ого! Он не только смотрится вкусно. Естся еще вкуснее. Не пойму, что это?

- Водоросли, специально приготовленные.
- Никогда бы не подумала. А вот это что, какое-то ракообразное?
- Да, у нас в основном растительная и морская пища.
- Ну Фати, это слишком вкусно. С тобой трудно соревноваться.

ДВИЖОЧЕК-РЫЧАЖОЧЕК

Они поочередно напробовались всех блюд понемножку, пока не наелись.

– Ну спасибо, накормила, – сказала Матильда. – Шикарно живем! Вот если бы нас еще хотя бы на море пустили, так и жить было бы можно.

– Сначала говоришь «живем», а потом «жить было бы можно». Смешная. Погоди, мы только начали проверять свои возможности. То ли еще будет.

– Да, и возможности у нас шикарные!

– Тили, знаешь, я тебе очень благодарна за то, что ты помогла мне активировать мой движочек-рычажок. Теперь я запомню это ощущение и смогу использовать.

– Моя Фатичка, Фати! – Матильда придвинулась к жрице и обняла ее. – Ты для меня куда больше сделала и делаешь! Без тебя бы я однозначно пропала.

– Я тоже без тебя бы здесь долго не протянула. Как хорошо, что мы встретились, и дополняем друг дружку!

– А напomini мне, что ты понимаешь под задней мыслью? Ты уже как-то говорила об этом.

– Реальность повелевается не волевым усилием или приказом, и не просьбой или мольбой, а некой задней мыслью, которая возникает как бы мимолетно, ненавязчиво, – сказала Итфат.

– Она сама, что ли, возникает?

– Иногда сама, спонтанно. Но можно и намеренно ее создать. Если чего-то желаешь совершенно нестерпимо, неистово, надо сделать так, чтобы желание стало задней мыслью.

– Но у меня получается запускать цилиндр безо всяких таких задних мыслей.

– То в мегалите. Здесь все легко удастся. С реальностью гораздо сложнее. С метареальностью, как оказалось, тоже.

– Но, когда меня «вели на заклятие», я желала совершенно нестерпимо, неистово, чтобы все обошлось. И у меня тогда получилось.

– Ты использовала свой движочек-рычажок. Конечно, неистовое желание тоже может сработать. Но задняя мысль в комбинации с движочком работает еще мощнее.

– Я все же пока не понимаю, что это такое, задняя мысль, – сказала

Матильда.

– Я и сама толком еще не могу вспомнить. Знаю лишь, что реальность не любит, когда ей приказывают, а к мольбам равнодушна. Задняя мысль, это не желание, не повеление и не просьба, а скорее позволение. Реальность, как ребенок, любит, когда ей позволяют то, что она хочет.

– И что же, я должна сказать ей, мол, позволяю тебе осуществить то, что я хочу?

– Не то, чего ты хочешь, а чего хочет реальность. Надо сделать так, чтобы она захотела того же, чего и ты.

– И как это сделать?

– Пока не могу объяснить. Интуитивно чувствую, что задняя мысль возникает где-то позади тебя, помимо тебя, потому она и называется задней.

– И движочек ведь сзади! И даже не на спине, а позади нее. Он в тонком теле находится, что ли?

– Тили, тебе известно о существовании тонких тел? – удивилась Итфат.

– Ну да, краем ушка слышала, что у нас есть аура, и все такое. Только вот это «все такое» еще мало изучено.

– У нас лучше изучено, но я, к сожалению, пока не все могу вспомнить.

– Ничего, Фати, постепенно Знание вернется к тебе, Преддверие ведь обещало. Ты уже и так раскрыла мне много такого, о чем я никогда и не задумывалась.

– Ну и ладно-ладно, все в свое время раскроется. А ты не забыла, что обещала меня полакомить? Я уговор исполнила, тебя покормила. Теперь ты.

– Нет не забыла нет не забыла, – ответила Матильда, передразнивая манеру Итфат. – Сейчас-сейчас, буду тебя лакомить.

Она по привычке поправила свой бант, что-то там про себя поколдовала, и тут же из цилиндра выдвинулись сегменты, на которых стояли красивые бирюзовые блюдца с голубой каемочкой. На блюдцах лежало что-то соблазнительно пахнущее.

– Вот вам, всемогущая жрица Тафти, восточные сладости на блюдечке с голубой каемочкой!

– Почему именно с голубой каемочкой?

– У нас так говорят. Это когда все желания и капризы исполнены, и хотеть больше нечего, начинаешь еще больше капризничать: хочу голубую каё-ё-ё-мочку-у-у!

– Ой, как вкусненько! Что это?

– Это халва, это лукум, а это щербет. Пока хватит, а то объединимся. В следующий раз что-нибудь еще придумаю.

– К этим сладостям чая не хватает, – сказала Итфат. – Я угощу тебя популярным у нас напитком.

На этот раз жрица уже уверенно подошла к цилиндру, слегка наклонилась, опустив голову, а затем одним движением вскинула руки до уровня плеч, согнув их в локтях, и распрямилась. Из цилиндра незамедлительно выдвинулись сегменты с двумя аккуратными чашечками и высоким кувшинчиком с длинным горлышком.

– Фати, что это ты сейчас изобразила? – спросила Матильда.

– Даже не знаю, у меня это получилось само собой, – ответила Итфат. – Мне кажется, таким жестом я уже неоднократно пользовалась. И кажется, я догадываюсь, зачем он нужен.

– И зачем же он, зачем?

– Похоже, он мгновенно активирует движочек-рычажок.

– Интересно, дай-ка я испытаю.

Матильда встала и повторила жест Итфат.

– Да, что-то такое чувствуется. Но почему ничего не происходит?

– Так ты наверно ни о чем не думала в этот момент. Когда движочек активирован, надо задать установку, заднюю мысль, для осуществления задуманного.

– А, ну да, я ничего не задавала.

– И не надо. С задними мыслями и движочком следует обращаться осторожно.

– Понятно дело. Ну, давай попробуем твой напиток, – сказала Матильда, взяв одну из чашечек. – Какие калямбочки!

– Что-что, какие-какие?

– Калямбочки, говорю, маленькие чашечки.

– Они маленькие, потому что напиток производит действие, его нужно пить понемножку.

– Какое действие?

– Сейчас узнаешь.

Итфат разлила напиток по чашечкам, и они приступили к церемонии. Матильда хмыкала то и дело, отпивая из своей чашки.

– Что-то не пойму. Что-то напоминает, не пойму что, – сказала она.

– Это чай на травках, – ответила Итфат.

– Хх-мм. Еще по калямбочке?

– Ладно, – Итфат снова наполнила чашечки.

После второй глаза у Матильды заблестели, и она заметно оживилась.

- Фати. Это что такое, а?
- Я же тебе сказала, чай на травках.
- На травках, говоришь? На безобидненьких, таких, травках?
- Ах-ха-ха! Тили, ты не подумай, этот напиток не вводит в измененное состояние сознания и не вызывает привыкания.
- Травки-травки, безобидненькие травки. Еще по калямбочке?
- Тили, ты смотри осторожней. Напиток живительный, но его много нельзя.
- Вот-вот, мне надо оживиться. Снять стресс. Наливай.
- Итфат налила и себе, и ей.
- А ты не натворишь ничего с реальностью?
- Не знаю. Посмотрим.
- Тили-Тили!
- Ага! Теперь моя очередь тебя пугать! Еще по калямбочке?
- Все, больше нельзя, а то я не знаю, что заведу с тобой делать. Ты слишком экспрессивная дива. Не забывай, где мы находимся.
- Ладно-ладно, я пошутила, – сказала Матильда. – Славный напитокок. Я прямо духом воспряла. И вот, представляешь, прямо так и хочется чего-нибудь сотворить с этой зловредной реальностью. Не все же ей с нами играть.
- С реальностью шутки плохи, сама знаешь.
- Да, но Фати, мне тут подумалось, почему бы нам не запустить сновидение с помощью наших движочков?
- И что будет? И что из этого выйдет?
- Но ты же сама удивлялась, почему остановились манекены. И говорила, что сновидение должно крутиться, поскольку мы как наблюдатели здесь присутствуем.
- Может, лучше бы ему и не крутиться, а то как бы хуже не стало.
- Но ведь в таком подвешенном состоянии, когда ничего не происходит, мы можем здесь всю жизнь проторчать! В жизни должна быть движуха, а не томное чаепитие.
- Хей-хей! Тили, мне нравится твое настроение.
- Только я сначала хочу разобраться. Вот ты говорила, что в пространстве сновидений внимание смотрит сон как зритель, а в реальности живет как персонаж, так?
- Так.
- А в чем разница между зрителем и персонажем?
- Зритель просто смотрит, а персонаж участвует.
- Но ведь сон можно не только смотреть, но и участвовать в нем?

– Умничка, девочка Матильдочка. Внимание в сновидении может быть как зрителем, так и участником. Бывает, просто смотришь сон, будто летаешь в кино, а бывает, участвуешь в нем, будто живешь во сне.

– А в чем тогда разница между зрителем и наблюдателем?

– Зритель просто пассивно смотрит, а наблюдатель и смотрит, и участвует.

– А в чем тогда разница между наблюдателем и персонажем?

– Какая ты дотошная. Наблюдатель – это осознанный участник. Если, будучи участником, ты спишь во сне, тогда ты бессознательный персонаж. Если спишь в реальности, то же самое, ты такой же несамостоятельный персонаж, кино владеет тобой. А если просыпаешься, в сновидении ли, наяву, неважно, то становишься наблюдателем, то есть, самостоятельным, осознанным индивидом.

– А в чем тогда разница между реальностью и сновидением? Ты ведь говорила, что мы сейчас в пространстве сновидений как в кино. А теперь и о реальности говоришь: кино владеет тобой.

– Тили, это уже очень сложный вопрос. Если мы найдем на него ответ, реальность может нас вообще уничтожить. Она не любит раскрывать свои секреты. А это ее самый большой секрет. Ты не боишься?

– Нет не боюсь нет не боюсь! Я больше всего боюсь остаться здесь навсегда.

– Ладно, один из ответов известен, я его уже называла. В пространстве сновидений все покоится, как в статичном ландшафте, пока никто не смотрит. Но как только сюда проникает внимание сновидящего, для него тут же запускается время как движение кадра и сновидение как кино. В реальности наоборот, кино крутится само, а сновидящий живет в нем.

– Так ты считаешь, мы и в реальности сновидящие?

– Ну конечно, мы же с тобой это обсуждали. Обычные люди спят, и потому они персонажи. А у видящих реальность обратная привычка, и потому они наблюдатели.

– А мы сейчас кто?

– Мы с тобой, скорее, наблюдатели, поскольку проснулись и понимаем, где находимся.

– Так. Значит. В реальности кино крутится само, а мы в нем живем. В метареальности наоборот, кино запускается нами. Но ведь мы здесь, в метареальности, не только вниманием присутствуем, но и живем здесь! Почему запустить не можем? Или потому и не можем, что живем здесь?

– Не знаю, Тили.

– Ну так давай попытаемся запустить, своими движочками.

- И как ты себе это представляешь?
 - Пойдем, найдем парочку гламроков, и запустим их.
 - Прямо сейчас?
 - А у меня терпения нету-у-у! Терпения нет никакого-о-о!
 - Ладно, пошли. И куда только твой страх подевался? Напиточек, что ли, подействовал?
 - Неважно. Идем уже скорей, Фати, пока он не перестал действовать.
- А нельзя ли нам взять с собою кувшинчик?
- Нет, Тили, давай лучше быстренько-быстренько, туда и обратно.

ЗАПУСК СНОВИДЕНИЯ

Как только дива и жрица вышли из мегалита, их тут же обволокла тьма, казавшаяся чуть ли не осязаемой. Это было очень необычное ощущение. Ведь под темнотой обычно понимается пустота при отсутствии чего-либо, даже света. Однако в ночной метареальности свет присутствовал, с тем лишь отличием, что не освещал предметы, а окрашивал в различные оттенки черного. Воздух, и тот был буквально выкрашен в черный цвет. Строения были еще чернее. И только фигуры подруг светились, особенно яркие их детали.

У Матильды лицо и волосы сияли голубым свечением, а туфли на платформе и бант розовым. У Итфат лицо горело багровой раскраской, а бриллиантовый воротничок искрился всеми цветами радуги. Темно-зеленый комбинезон дивы и темно-синее платье жрицы светились глубоко густыми тонами. Причем волосы жрицы, и без того черные, казались еще чернее. А вот руки у обеих были ослепительно белыми.

Общая картина со стороны выглядела так, будто изображенные на ней две светящиеся персоны ожили и гуляют в застывшей акварели. Особо если учесть, что подруги были заметно «оживлены» после распития живительного, хоть и безобидного напитка. Матильда семенила на своих платформах, а Итфат шагала, широко размахивая руками.

Напиточек, видимо, придал им храбрости, поскольку подобная прогулка никак не сходила за увеселительную. Жутковатое пространство сновидений теперь превратилось в еще более пугающее пространство теней. И чего в их отчаянной вылазке было больше, смелости или безрассудства, сказать трудно. А может, уже и освоились так, что все было нипочем.

– Фати, тебе страшно? – спросила Матильда. – Мне нет.

– Мне тоже не очень, – ответила Итфат. – Страх уже как-то выродился, выцвел.

– Как старое платье?

– Типа того. Когда страшнее дальше некуда, тогда дальше и не страшно.

– У тебя всегда такие точные фразы! Я горжусь тобой. Тем, что у меня есть такая подруга.

– Я тоже, Тили, тобой горжусь.

– А я бóльше тобой горжусь!

– Нет я больше!

– Нет я!

Подружки рассмеялись. Так, хихикая и толкаясь, они незаметно для себя ушли на приличное расстояние от спасительного мегалита. Оказавшись в темном лабиринте улиц, обе замолчали и стали двигаться осторожней, оглядываясь по сторонам. Все же, обстановка была отнюдь не идиллической. А стук их каблуков в мертвой тишине звучал как-то неестественно и странно.

Завернув за угол, они внезапно остановились. Теперь тишина была действительно мертвой. Посреди улицы стояли два манекена, застывшие в таких позах, словно о чем-то меж собой переговаривались. Их глаза зловеще горели во тьме. Дива и жрица, несмотря на свое бахвальство, замерли от испуга. Представшее зрелище вводило в оцепенение, буквально гипнотизируя своей абсолютной неподвижностью.

Наконец, подружки очнулись и принялись ходить вокруг, осматривая истуканов.

– У меня аж все похолодело внутри, – сказала Матильда.

– А у меня мурашки по коже так и бегают, – сказала Итфат.

– Ну, кто первый попробует?

– Давай ты. Ты все же видела их живьем.

– О мама-моя, я бы не сказала, что они живые, в полном смысле. Они даже не живые мертвецы, а как бы ожившие манекены.

– Ну так они и есть, манекены сновидения. Чистые персонажи, без души и сознания. Если сновидение крутится, они действуют не по своей воле, а по сюжету.

– Ты хочешь сказать, подчиняются сценарию, как герои кинокартины?

– Что такое сценарий? – спросила Итфат.

– То же самое, что сюжет, где вдобавок по ролям расписано, кто и что должен говорить и делать, – ответила Матильда.

– Да, вот в этом смысле кино владеет персонажами.

– Но ведь мы тоже можем влиять на персонажей сновидения? У меня, во всяком случае, получалось.

– Можем, если по уровню осознания стоим выше. А если себя не осознаем, тогда мы такие же персонажи, и кино точно так же владеет нами.

– И в реальности, и в сновидении?

– Всенепременно, Матильдочка. Точнее, влиять мы способны не на самих персонажей, а на сюжет, которому они следуют.

– Как это? Выходит, я повлияла не на гламроков, а на сценарий? А мне казалось наоборот, будто я подчинила их своей воле.

– Это только кажется. На самом деле, сновидящий задает именно сюжет сновидения. Вольно или невольно.

– Так в реальности то же самое! Например, если чего-то боишься, оно как назло случается.

– Да, это когда невольно.

– А вольно когда?

– Когда намеренно задаешь ход сюжета.

– И такое тоже, и в сновидении, и в реальности возможно?

– Всенесомненно, Матильдочка.

– Фати, ты меня постоянно удивляешь. Ну в сновидении ладно, понятно. Но как в реальности? Как я могу задавать ход событий? Они ведь сами собою катятся!

– Тили, это **ты** меня постоянно удивляешь. Ты уже проделывала подобный фокус с реальностью.

– С метареальностью, ты хочешь сказать? Здесь-то все проще, мы в пространстве сновидений.

– Нет, с реальностью. Ты что, забыла, как опрокинула ту, красулю, свою дублершу?

– А-а-а! Ну так все равно, я это сделала отсюда, с этой стороны зеркала.

– А какая разница?

Данный вопрос, казалось, поставил Матильду в тупик. Потеряв дар речи, она с раскрытым ртом уставилась на жрицу.

– Какая разница? – повторила та.

– Но ты же сама говорила, в реальности все гораздо сложнее, чем здесь.

– Сложнее не значит невозможно.

– Ну вот, мы опять возвращаемся к вопросу, в чем разница между реальностью и сновидением. Ты считаешь, разницы нет?

– Данный вопрос пока лучше оставить в покое. Меньше знаем, дольше проживем.

– А почему ты уверена, что мы влияем на сюжет, а не на персонажей?

– Не знаю. Уверена и все. Не могу объяснить.

– Но ведь я заставила дублершу упасть!

– Ты представила, как она падает, верно?

– Да.

– Ну так это сюжет.

Матильда опять застыла с раскрытым ртом.

– Ладно, Фати, тогда что нужно представить, чтобы запустить

гламроков?

– Активируй свой движочек и просто вообрази, что они ожили и двигаются.

Не успела Итфат закончить фразу, как манекены вдруг резко тронулись с места и заговорили на повышенных тонах, активно жестикулируя.

– Бросай курить, тварь! Качай мясо!

– Ты че, вахлак!

– Завали хайло и мотай на рыло че я тебе толкую!

– Да ты че, вахлак! Отвали!

– Я сказал стоять! Полрайона на нож посажу!

– Ты из какого района, вахлак?

Перепалка сопровождалась характерными жестами с растопыренными пальцами.

– Уважай наших!

– Ваши не наши, наши не ваши! Отвали, ублюдыш!

– Хорош бухать! Займись спортом!

– Я уе щас занят! Завтра приходи, завтра!

– Ты, тварь, люби родину! Качай мясо...

На полуслове гламроки внезапно замерли и опять превратились в неподвижных манекенов. Дива и жрица с изумлением смотрели то на них, то друг на дружку.

– Тили, это ты сделала? – спросила Итфат. – Это что, твое сновидение?

– Не знаю, как так получилось, – ответила Матильда. – Какая-то задняя мысль в голове мелькнула.

– Но что это вообще такое было?

– Два пацана встретились на районе, и состоялся между ними такой вот серьезный разговор. Хи-хи!

– Я ничего не поняла!

– Да неважно, забудь. Просто, я как представила этих двух вахлаков, так они мне напомнили кое-кого из наших. Но почему они опять остановились? Попробуй теперь ты.

– Хорошо.

Итфат снова повторила свой магический жест. Слегка наклонилась, опустив голову, а затем одним движением вскинула руки до уровня плеч, согнув их в локтях, и распрямилась, на этот раз с необычным возгласом:

– У-У-У-У-ЛЯ!

Гламроки резко дернулись, завелись, сделали несколько движений, и так же резко замерли.

– У-ля-ля, Фати! Это что за возглас? – удивилась Матильда.

– Не знаю. Наверно, я так привыкла.
– Но вот, они опять остановились. Почему?
– Видимо, с запуском сновидения все не так просто.
– Да, здесь требуется нечто другое. Нечто другое требуется.
– Нечто-нечто, чего мы не знаем.
– Это как: «Девочка Надя, что тебе надо? Ничего не надо, надо шоколада!»

– Что-что? Тили, я опять тебя не понимаю.
– Это я так, типа к реальности обращаюсь: чего же тебе надобно?
– Да, вот чего, вообще? И от нас, в частности?
– Ладно, Фати, пойдем уже обратно.
– Ладно-ладно, – ответила Итфат в своей манере. – Пойдем-пойдем.

Итак, подруги двинулись в обратный путь. Шли молча, уже порядком уставшие и без прежнего энтузиазма. Их самый первый и самый длинный день в метареальности закончился безрезультатно. Вопросов оставалось намного больше, чем ответов. Придя в мегалит, они уселись за стол и выпили чаю на травах, «еще по калямбочке», чтобы немного взбодриться.

– Что будем делать, Фати? – спросила Матильда.
– Положительно, спать, – ответила Итфат.
– И то верно. Утро вечера мудренее, как у нас говорят. А положительно на что ляжем?
– А у вас на чем спят?
– Сейчас-сейчас, покажу тебе. Надеюсь, мегалит сработает и на этот раз.

Матильда поколдовала со своим бантиком, и из пола выросла уютная кровать. Она была аккуратно убрана чистым бельем, с подушечкой, одеяльцем и пижамкой, как обычно стелила мама для своей любимой Тилички, ляли.

– Какая прелесть! – воскликнула Итфат. – Что все это такое?
– Это лоскутное одеяльце, – начала показывать и рассказывать Матильда. – Оно сшито из разноцветных лоскутков, внутри хлопковая ватка, я люблю такое. А это пуховая подушечка. А это моя мягкая пижамка, я всегда сплю в ней.

– Тили, да ты лакомка! Я тоже хочу все это!
– Кто бы сомневался! Сейчас сделаем.

Дива сгенерировала все то же самое для жрицы. Та уселась на свою кровать и принялась все трогать и осматривать.

– Нравится? – спросила Матильда.
– Очень, – ответила Итфат.

– А вы на чем спите?

– В другой раз, покажу тебе.

Они обе начали дружно зевать, а затем, выполняя одинаковые действия, как двойняшки, сняли, наконец, свою усталую одежду, облачились в пижамки и улеглись.

– А чем закончилась та история с молочным супом? – спросила Итфат, уже почти засыпая.

– Не заставили. Выросла большая и красивая, – сквозь сон отвечала Матильда.

КРАСНАЯ КОРОЛЕВИЦА

Жрица Итфат стояла привязанная к столбу на площади возле мегалита. Вокруг столба вереницей топтались гламроки и монотонно бормотали заученную мантру:

Мана-миа, хир а го эген,
Ма-на, ха кэн а резист ю.
Мана-миа, даз ит шо эген,
Ма-на, даст ха мач а мист ю.

Время от времени они останавливались, поворачиваясь в центр круга, и резко выкрикивали:

– Красная королевица! Съедем ее! Съедем!
А затем вновь продолжали свое топтание и бормотание:
Ес ав бин брокенхаре,
Блю син зе дэй ви паре.
Вай-вай, дид а эва лет ю го.

Во внешнем облике оживших манекенов ничего не изменилось. Серые балахоны с капюшонами, лица и руки тоже серые, восковые. Несмотря на эмоциональные выкрики, их физиономии хранили бесстрастное выражение. Жрица держалась гордо и невозмутимо, как индейский вождь у столба пыток. На дикарей внимания не обращала и молча глядела куда-то вдаль, поверх голов.

Невозмутимость жертвы уже понемногу начала раздражать гламроков. Они прекратили топтаться и бормотать, повернулись к ней, высунули языки и с дружным воем принялись мотать головами. Сие действие, по всей видимости, имело своей целью устрашение пленницы, однако должного впечатления так и не произвело, напротив, на лице Итфат проявилась ироничная улыбка.

– Красная королевица! – продолжали они, не то грозить жертве, не то самих себя раззадоривать. – Съедем ее! Съедем!

Теперь дикари удумали новый ритуал. Каждый, поочередно подбегая к пленнице, снимал капюшон, терся лысой головой о ее живот, затем оборачивался к остальным и выкрикивал:

– Красная королевица! – и тут же быстро нахлобучивал капюшон и отскакивал в общий строй. Остальные, в свою очередь, дружно подхватывали:

– Съедем ее! Съедем!

На большее разнообразие слов и действий у них фантазии, видимо, не хватало. Но большего и не требовалось. Судя по торжествующим крикам, такое обращение должно было сходить за неслыханную дерзость и святотатство по отношению к «королевице».

После того как в измывательском обряде поучаствовали все, самый отважный решился на совсем уж из ряда вон выходящий поступок. Забежав за спину жертве, гламрок соорудил страшную гримасу, высунул язык и лизнул бриллиантовый воротничок на платье Итфат. Толпа отреагировала одновременно удивленным и одобрительным воем. Однако смельчак тем не ограничился. Выступив вперед, он огласил ключевой вопрос:

– А как мы ее съедим? Как?

Из толпы наперебой посыпались ответы, по обыкновению, в двух вариантах:

– Зажарим ее! – кричали одни.

– Нет, сварим! – вторили другие.

Дикари уже легко произносили букву «р», так что перебранка шла без фонетических проблем, как торг, в котором выигрывает тот, кто орет громче. Победили первые.

– Зажарим! – пришли они к дружному соглашению.

Несколько гламроков, недолго собиравшись, откуда-то приволокли огромную сковородку, диаметром с человеческий рост. Остальные принялись, кто разжигать костер, кто плясать вокруг жертвы с высунутыми языками и выпученными глазами. Вся вакханалия сопровождалась двумя стандартными воплями: «Красная королевица!» и «Съедим ее! Съедим!»

– Матильда! – подала наконец голос Итфат, – Матильда-а-а! – позвала она громко, но совершенно спокойно, будто приглашала заспавшуюся подругу к завтраку.

Та, вероятно лишь только сейчас разбуженная шумом, выбежала из мегалита босиком в одной пижаме.

– А-а-а-а! – закричала Матильда. – Что же вы делаете, уроды страшные! Сейчас же ее освободите! Фати! – она подбежала к столбу и попыталась развязать ремни, но те были затянуты накрепко.

– Ах вы уроды страшные! Освободите ее сейчас же!

Гламроки на мгновение опешили, прервав свои занятия, и взволнованно заголосили:

– Мана-тида! Мана-тида! Наша мана!

– Что вы должны делать? – спросила Матильда, сообразив, что дикарей необходимо как-то взять под контроль.

– Читать бредни! – хором ответили те.

– Чего нельзя делать?
– Нельзя делать то, что нельзя!
– Точнее! Чего делать нельзя?
– Нельзя поедать друг друга!
– Что вы собираетесь делать?
– Съедем ее! Съедем!
– Вам же сказано, нельзя поедать друг друга!
– Можно-можно! Нельзя наших! Она не наша! – это был безапелляционный аргумент гламроков, и они с прежним энтузиазмом продолжили подбрасывать дрова в костер.

– Но я ваша мана! – возразила Матильда. – Я запрещаю вам! Это моя подруга, и вы сейчас же отвяжете и отпустите ее!
– Мы не можем! – отвечали гламроки. – Мы должны ее съесть!
– Они не могут, Тили, – спокойно сказала Итфат. – Они подчиняются своему сценарию, как безусловному рефлексу, инстинкту.
– Это мы еще посмотрим! Эй, вы, слышите, вам нельзя ее есть!
– Можно-можно!
– Если вы это сделаете, будет полный краш!
– Не будет! Не будет!
– Будет-будет! Она тоже мана! Мы обе маны!

Гламроки пришли в некоторое замешательство. Они посоветовались меж собой, и один из них, храбрец-удалец, который отважился лизнуть воротничок жрицы, выступил вперед.

– Пусть докажет, что она мана!
Матильда встревоженно посмотрела на Итфат.
– Не волнуйся, Тили, пусть меня отвяжут.
– Слышите, вы, охламоны, отвязывайте! – приказала Матильда. – Сейчас вы убедитесь, что она тоже мана! – а шепотом спросила, – Фати, что ты собираешься делать?
– Взломаю сценарий, – ответила Итфат.
– Как?

Договорить они не смогли, потому что два гламрока взялись отвязывать ремни, а остальные плотным кольцом выстроились вокруг. В центре стоял храбрец-удалец. Как только жрица была освобождена, он по привычке запел:

– Красная короле... – но допеть до конца не успел.

Итфат стремительно подскочила к нему, наклонилась, схватила его под коленки и резко дернула на себя. Гламрок упал навзничь. Не дав ему опомниться, жрица завалилась на него, стиснула ему голову между ладоней

и приложилась губами к его губам в долгом поцелуе. А затем встала и принялась кружиться и хохотать.

Храбрец-удалец так и остался лежать, обалдевший, а все остальные, включая Матильду, так и замерли с раскрытыми ртами. Итфат внезапно остановилась, вытянула руку вперед и обернулась вокруг, обводя ладонью всех окружающих. Поворачиваясь, она повторила трижды один вопрос:

– Вы знаете, что я сплю, а вы мне снится?

– Вы знаете, что я сплю, а вы мне снится?

– Вы знаете, что я сплю, а вы мне снится?

Оторопевшие гламроки, похоже, вопрос не поняли, но их волновало другое. Они принялись удивленно восклицать:

– Она сделала ему сажé! Она сделала ему сажé! Она мана? Она тоже мана?

– Кто ты? – спросил, поднявшись, храбрец-удалец, все еще не оправившийся от шока.

– Это великая и всемогущая жрица Итфат! – торжественно провозгласила Матильда, с почтением воздев к ней руки.

– Мана-фата! Мана-фата! – озабоченно загомонили гламроки. – Великая мана!

– Да, – отозвалась Итфат. – А сейчас, чтобы вы хорошенько это поняли, я буду вас всех поедать!

Гламроки восприняли эту новость буквально, а потому не на шутку переполошились.

– Нет! Нет! – заголосили они.

– Да! Да! – передразнила их Итфат.

– Нельзя! Нельзя! Абу!

– Можно-можно! – вступила в роль Матильда. – Я тоже буду вас поедать. Мы обе маны, и мы вместе будем вас поедать. Аба!

Дикари не нашли чем возразить и сгрудились в кучку, трепеща от страха. Сценарий был взломан, и роли поменялись местами. Подруги стояли подбоченья и примерялись оценивающим взглядом к своим жертвам. Костер уже хорошо разгорелся, рядом с ним лежала сковородка.

– Негодные гламрочки! – грозно закричала жрица.

– Да, жалкие и негодные! – сердито закричала дива.

– А на что они годны?

– На мясо!

– Съедем их!

– Съедем!

Маны начали угрожающе наступать на гламроков. Те подняли вой и

трусливо попятились.

- Мана-фата, у меня аппетит зверский прямо! Прямо зверский!
- Мана-тида, а у меня просто звериный! Звериный просто!
- Чур мозги мои! Мои все мозги! Они такие жирные, вкусные!
- А мои, глаза! Они так хрустят! Так лопаются!
- Негодные гламрочки!
- Съедем их! Съедем!

Кровожадные маны настолько вжились в роль, что даже домашняя пижамка дивы и изящное платье жрицы не позволяли усомниться в серьезности их намерений.

- А как мы их съедем? Как? – спросила Матильда.
- Зажарим их! – отозвалась Итфат.
- Нет, давай живьем съедем!
- Нет зажарим!
- Нет живьем! Живьем их!

Они повернулись друг к другу и устроили нешуточную перепалку, едва не подравшись. Наконец, придя к единому мнению (Зажарим!), маны подбежали к сковородке, ухватили ее с обеих сторон и решительно водрузили на костер. Отряхнувши руки, они засучили рукава и вперились хищными взглядами в гламроков. Те с воем бросились в рассыпную. Маны же, с торжествующими криками, пустились вдогонку.

- Лови их!
- Держи их!
- Дави их!
- Души их!

Гламроки как обреченные метались на площади. Им почему-то не приходило в голову, что можно просто разбежаться по городским улочкам. Беспорядочная беготня, похожая на игру в пятнашки, продолжалась бы еще неизвестно сколько, но манам все-таки удалось поймать одного гламрока, того самого, храбреца-удальца. Они повалили его на землю и поволокли к костру. Несчастный с перепугу был не в силах сопротивляться и только истошно вопил. Остальные опять сгруппировались в кучку и объятые страхом наблюдали за происходящим.

Дотащив свою жертву до костра, маны взяли его за руки за ноги и начали раскачивать с намерением кинуть на сковородку, приговаривая:

- Съе-е-е-дим! Съе-е-е-дим! За-а-а-жарим! Съе-е-е-дим!

Вся процедура сопровождалась полным трагедии и ужаса воем дикарей. Несмотря на то, что гламрок был довольно увесистым, у подруг откуда-то нашлись силы его качать. Наконец, наизмывавшись вволю, они не

сговариваясь отбросили его в сторону на землю. Гламроки, включая поверженного, замерли в ожидании. Немного отдышавшись, дива и жрица взглянули на них, потом друг на дружку, а затем принялись безудержно хохотать и кружиться.

ВЗЛОМ СЦЕНАРИЯ

Дива и жрица внезапно прекратили свое веселье и, нахмутив брови, воззрились на гламроков.

– Негодные гламрочки должны быть наказаны за то, что хотели съесть великую Мана-фату! – сказала Матильда.

– А они еще и великую Мана-тиду хотели съесть! – сказала Итфат. – За это им полагается очень страшное наказание!

– И мы, великие маны, сейчас пойдем держать совет, каким оно должно быть, это страшное наказание!

– Да! А вы, негодные гламрочки, ждите и трепещите!

Подруги одновременно повернулись и зашагали к мегалиту. Дикари, и впрямь исполненные благоговейного трепета, проводили их преданными взглядами. Самая страшная расправа, пожалуй, миновала, и это оставляло надежду на то, что наказание будет уже не таким страшным.

Очутившись внутри мегалита, дива стиснула жрицу в объятиях.

– Моя Фатичка, Фати! Ты не представляешь, как я была напугана, когда проснулась, а тебя рядом нет! Что произошло?

– Тили, я не стала тебя будить, только выглянула на улицу, а там эти серые бестии, так неожиданно на меня накинудись, что я успела испугаться.

– Не успела, ты хочешь сказать?

– Нет, именно успела. Чем быстрее, внезапнее сваливается опасность, тем лучше, основательнее пугаешься. А вот опомниться не успеваешь.

– Опомниться, в смысле, как?

– В смысле проснуться. Если творится что-то неладное, надо увидеть реальность и себя в ней. Обратная привычка, помнишь?

– Да, это когда мы говорили о персонажах и видящих.

– Так вот, я испугалась, мой Очевидец не активировался, и я согласилась.

– Согласилась? С чем? – удивилась Матильда.

– Со сценарием, ах-ха-ха! – рассмеялась Итфат. – Что я «красная королевица», и что меня должны съесть.

– А разве у тебя был выбор?

– Выбор всегда имеется: соглашаться или не соглашаться. Если соглашаешься, кино овладевает тобой, и ты превращаешься в персонажа. Более того, если Очевидец спит, ты соглашаешься всегда, что бы ни

происходило.

– Фати, что-то я не понимаю, как это я могу согласиться с тем, что меня должны съесть?

– Ты можешь этому противиться, тебя это может не устраивать, но это другое. Соглашаться, означает принимать как возможное, как то, что вполне может случиться. Когда во сне творятся всякие невероятные вещи, тебе кажется, что это все вправду, реально. Потому что мы все привыкли: в реальности случается лишь то, что вполне может случиться.

– А что значит не соглашаться?

– Это когда ты понимаешь, что видишь сон. Тогда просыпаешься в сновидении и можешь менять сценарий.

– Ну а если это не сон? Мы ведь не спим сейчас?

– Без разницы. Сновидение – это реальность, а реальность – это сновидение. Сценарий можно менять и там, и там.

– А если я не могу не согласиться? Если происходящее вполне может случиться? Тебя же вполне могли съесть, как и меня.

– Но ты ведь, когда подобное случилось с тобой, нашла силы собраться и сказать себе: «Это моя реальность? Нет, это не моя реальность. Со мной все будет хорошо».

– Я тогда свой движочек использовала. А ты сейчас, похоже, сделала нечто другое.

– Да, я взломала сценарий.

– Это как, поясни?

– Если кино уже покатило по неминуемому сценарию, движочек может и не помочь. Со мной так и произошло: я испугалась, согласилась, а опомнилась, когда уже было поздно, когда уже была привязана и приговорена. В таком случае необходимо предпринять нечто из ряда вон выходящее, что совершенно не вписывается в логику развития событий. Тогда сценарий оказывается буквально сломан, и в этот момент, если не упустить инициативу, его можно повернуть по-своему. Да что я тебе рассказываю? Та твоя проделка с мертвой головой, это блестящий образец взлома.

– Я тогда поступила интуитивно, – сказала Матильда. – Даже не знаю, почему так поступила. А теперь я понимаю принцип. Фати, а каково это было, целовать гламрока? Не противно?

– Я представила, что это манекен, – ответила Итфат. – К тому же, он и есть манекен.

– Да не совсем! Слушай, а почему они ожили? Сновидение само собой закрутилось?

- Похоже, сновидению был необходим перезапуск.
- Типа, перезагрузка, что ли?
- Да. Помнишь, оно остановилось с моим появлением здесь. Я как новый наблюдатель вошла в твоё сновидение.
- И оно зависло!
- Да. А для перезапуска нам требовалось всего лишь заснуть вместе и потом проснуться.
- И как мы сразу не догадались!
- Вот так вот так!

Они уже привычным делом организовали себе завтрак посредством черного цилиндра, который оставался наверно самым таинственным и непостижимым объектом из всех здесь увиденных. Теперь подругам надо было думать, что предпринять дальше. Кровать жрицы была уже аккуратно убрана. Дива тоже прибрала кроватку, сняла пижаму и надела свой экстравагантный наряд: темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на платформе. Итфат, помогая Матильде с ее не менее экстравагантным розовым бантом, приговаривала, хихикая:

- Тиличка, ляля! Тиличка-Тиличка, ля-я-я-ля!
 - Тафти, перестань меня дразнить! Ты пробуждаешь во мне грустные воспоминания.
 - Ладно-ладно!
 - Неужели мы больше никогда не вернемся в свою реальность, в свой дом?
 - Вернемся-вернемся, Тили. Либо в твою реальность, либо в мою, а может каждая в свою.
 - Нет, я хочу, чтобы мы были вместе!
 - Ну так и будем вместе. Как захотим, так и будет.
 - Единственное, за что я на тебя злюсь: как ты могла меня оставить одну?
 - Тили, ты спала, а я собиралась только выглянуть наружу, на минутку. Все ведь окончилось к лучшему.
 - А могло и к худшему окончиться! А могло и к худшему! Обещай, что никогда меня не бросишь, иначе я умру!
 - Обещаю. Я тоже без тебя пропаду.
- Они присели за стол, чтобы обдумать план действий.
- Что будем делать, Фати? – задала свой типовой вопрос Матильда.
 - Надо как-то обуздать гламроков, – ответила Итфат. – Привести их в стабильное состояние.
 - Но ведь мы их и так обуздали. Мы для них как богини.

– Так да не так. Они могут выйти из-под контроля в любой момент. Что толку: «Мана-ти-и-и-да! Ты наша ма-а-а-на!», – а меня уплели бы за милую душу, и твой приказ им не указ.

– Да, мало ли что им еще в голову взбредет. Что ты предлагаешь?

– Придумаем для них систему наказаний, – сказала Итфат.

– Бесполезно, – возразила Матильда. – Они ведь персонажи, их ведет сценарий.

– Тогда систему устрашений.

– Страх тоже не остановит. Все это пройдено и испытано, с библейских времен.

– С каких-каких времен?

– Ла-ла, неважно. Еще есть идеи?

– Установим жесткую иерархию. Мы великие маны, мы главные. Из них назначим одного высшего куратора и двух-трех его помощников, вождей.

– Они станут плести закулисные интриги, и вся эта иерархия будет постоянно разваливаться.

– Тогда установим равноправие. Как они решают споры? Ссорятся, дерутся? Научим их принимать решения большинством голосов.

– А! Демократия? И это уже проходили.

– Какая-какая кратия?

– Ай, Фати, неблагодарное это занятие, привносить и насаждать отдельному обществу что-то чужое, извне. Общество должно самоорганизовываться само, естественным образом.

– Тили, откуда у тебя такие мудрые познания по устройству общества?

– Потому что наше общество, в котором я жила, все время переустраивалось, но так и не устроилось. Да и вообще, у меня нет никакого желания обустривать общество гламроков. Я хочу поскорей отсюда убраться.

– Вообще-то, я тоже. И что бы ты предложила, пока мы здесь?

– Надо их чем-то занять.

– И чем же, чем?

– Пусть займутся собой, это лучший вариант.

– И как же это сделать, как?

– Они лишены самоидентификации. Живут как безмозглое стадо. У них даже имен нет. Надо им дать имена и внушить, что они сами могут быть манами, если захотят, и могут сами создавать свою реальность. И пусть тогда сами разбираются, с собой и со своим обществом.

– О-го-го! Глобальная задача! А ты забыла, что их жизнь, это наше

сновидение, и оно крутится постольку, поскольку мы как наблюдатели здесь присутствуем. Без нас здешняя реальность опять остановится.

– А ты уверена, что метареальность без наблюдателей не живет и не движется? Кто это может подтвердить? Если нет наблюдателя, то и подтвердить некому. Тем более, что мы пока не понимаем, чем отличается реальность от сновидения.

– Сдаюсь, здесь я ни в чем не уверена.

– Вот! А еще, ты сама говорила, манекены сновидения именно потому манекены, что у них нет души и самосознания. Насчет души, конечно, не знаю, но если попробовать им внушить, что «ты это ты», тогда, быть может, они проснутся и смогут сами запускать метареальность?

– Ну, Матильдочка, ты умничка! – воскликнула Итфат. – Ты меня иногда просто поражаешь! Только, все-таки, зачем нам их пробуждать?

– Да хотя бы затем, чтобы они, наконец, занялись собой, а нас оставили в покое. А еще затем, чтобы их привести в мало-мальски вменяемое состояние и расспросить, что это за место, и как отсюда выбраться.

– Сомневаюсь, что они смогут ответить, но согласна, давай попробуем. А как ты мыслишь все это реализовать?

– Увидишь. У меня уже имеется опыт массовика-затейника. Идем, посмотрим, чем они там заняты.

– Идем-идем. Только сначала давай сами проснемся и соберемся. Дело нешуточное.

– Да ладно, самое худшее уже позади.

– Не забывай, владеть собой означает владеть своим вниманием. Не засыпай, и если что не так, не соглашайся. Не погружайся в чужое кино!

– Теперь знаю, Фати! Ну, проснулись, двинули!

Подруги встали из-за стола и вышли из мегалита.

Я ЭТО Я

Когда дива и жрица вышли наружу, их взорам предстала следующая картина. Костер и сковородка были убраны. Очевидно, от греха подальше. Все гламроки лежали на земле смиренно в ряд, словно чего-то ожидая.

– Так, – сказала Матильда, подбоченясь.

– Так, – сказала Итфат, сделав то же самое.

Они прошлись вдоль лежачего строя, оглядывая лежачих не то с удивлением, не то с иронией.

– Вы чего это тут разлеглись? – спросила Матильда.

– Чего разлеглись, сердешные? – спросила Итфат.

Гламроки не двигались и молча следили за своими господами. Наконец, один из них приподнялся и выдал как на духу:

– Мана-фата, сделай нам саже!

– Сделай нам саже! – подхватили остальные, – Мана-фата! Мана-фата!

– Ах-ха-ха! Да щас! – развеселилась Итфат.

– Ишь чего захотели! – возмутилась Матильда.

Гламроки не унимались. Они поднялись на четвереньки и поползли к жрице. Те, что были в первых рядах, старались ухватить ее за платье.

– Мана-фата! Сделай нам саже! Мана-фата!

Итфат уворачивалась и отступала.

– Вы негодны! – со смехом отвечала она.

– Мана-фата!

– Вы недостойны!

Но гламроков сие порицание не смущало, они уже на ногах гурьбой волочились за жрицей, бубня свое:

– Мана-фата! Сделай нам саже!

Итфат убегала и хохотала:

– Ах-ха-ха, обойдетесь!

Таким образом странная процессия курсировала вокруг мегалита. Матильда смотрела на все это действо с негодованием:

– Нет, ну вы поглядите! Совсем обнаглели! Совсем бояться перестали!

– Стойте! – Итфат остановилась, чтобы отдышаться, и с хитрецей взглянула на подругу, – Может, Мана-тида сделает вам саже?

– Что?! – оторопела дива, – Фати!

Гламроки быстро переключились на свою вторую ману.

– Мана-тида! Сделай нам саже!

Теперь уже Матильде пришлось от них убегать. А Итфат хохотала и хлопала в ладоши, наблюдая как процессия делает тот же круг.

– Прекратите сейчас же! – кричала на них Матильда. – Отстаньте!

– Мана-тида! – не отставали те.

Наконец, когда Матильде все это порядком надоело, она повернулась к своим преследователям и вскинула руки:

– Так, ну-ка всем стоять!

– Негодные гламрочки! – присоединилась к ней Итфат.

Гламроки замерли в ожидании, а дива и жрица встали перед ними, оперев руки в бока.

– Вы что, забыли о страшном наказании? – спросила Матильда.

– Зачем костер убрали? – спросила Итфат.

– Сейчас мы снова будем вас поедать!

– Да-да-да, будем-будем!

– Они не будут! Они не будут! – уверенно загомонили гламроки.

– Это почему? Почему это? – удивилась Матильда.

– Маны добрые! – ответили те.

– А вот и нет, – возразила Итфат. – Ну-ка, где сковородка, куда дели?

– Раз вы так плохо себя ведете, будем вас всех поедать, – сказала Матильда.

– Да, без вариантов, – подтвердила Итфат.

– Нет! Нет! – заголосили гламроки.

– Тогда ведите себя прилично, – сказала Матильда. – Что вы должны делать?

– Читать бредни!

– Сейчас мы разучим новую бредню.

– Мана-тида-енька! Мана-тида-енька! – оживились гламроки. – Нас приглашает танцевать!

– Нет, летка-енька была развлекательная. А сейчас будет новая, воспитательная. Это больше, это лучше! Слушайте.

Дива приняла театральную позу, возвела руки кверху и начала декламировать:

– Пусть всегда будет солнце!

Не успела она продолжить, а на небе внезапно засиял солнечный круг. Небо метареальности, как мы уже отмечали, было хоть и освещенным, но без солнца. А сейчас все стало как положено, ко всеобщему изумлению, включая диву и жрицу.

– Тили, ты полна сюрпризов, – шепнула ей Итфат. – Это опять твой бантик?

– Фати, я сама не ожидала! – ответила шепотом Матильда.
– Здесь надо быть осторожней с движочком и мысленными установками.

– Я помню. Точнее, забыла. Случайно получилось.

– Ладно-ладно, может оно и к лучшему. Но будь внимательней.

Гламроки приветствовали свершившееся чудо восторженными возгласами:

– Аба! Аба!

А затем все как один пали ниц:

– Мана-тида! Великая мана!

– Перестаньте! Встаньте! – повелела им Матильда. – Или нет, лучше сядьте. Садитесь все.

Дива и жрица присели на большой валун, а гламроки расположились на земле полукругом.

– Мы обе великие маны, – сказала Матильда. – А вы должны нам повиноваться.

– Да! Да! Мы будем!

– Но и вы тоже можете быть манами.

– Как это? Как это? – удивленно загомонили гламроки.

– Мы, великие маны, вас научим.

– Да, вы сами станете манами и сами сможете делать друг другу саже, – сказала Итфат.

– Разве можно? Разве можно?

– Можно-можно! – сказала Матильда. – Я же научила вас читать букву?

– Да, да! Мы читаем букву!

– Тогда слушайте новую бредню, – Матильда, уже сидя и не размахивая руками, произнесла:

– Пусть всегда будет солнце,

Пусть всегда будет небо,

Пусть всегда будет мама,

Пусть всегда буду я.^[8]

– Пусть всегда будет мана! Пусть всегда будет мана! – загалдели гламроки.

– Не мана, а мама, – поправила их Матильда. – А теперь повторите всю бредню.

Гламроки нестройным хором начали старательно выводить:

– Пусть всегда будет солнце,

Пусть всегда будет небо,

Пусть всегда будет мана,

Пусть всегда будет Я.

– Идиоты, у вас мама есть? И надо читать не «будет я», а «буду я». Давайте снова.

Однако гламроки упорно твердили четверостишье на свой лад.

– Ну хорошо, пусть будет мана, коли вам так нравится, – сказала Матильда. – Но вы должны читать «Пусть всегда буду я!», это главное.

Гламроки пришли в замешательство. Они немного посоветовались меж собой, после чего один из них вышел и спросил:

– Кто такой Я? Где он? Пусть маны покажут.

– Так, – сказала Матильда. – Ну-ка иди сюда. Отвечай, кто ты?

– Мы гламроки, – ответил тот. – Мы читаем бредни. И мы читаем букву! Аба!

– Это они гламроки, – указала она на остальных. – И это вы все гламроки. А ты кто?

– Мы гламроки... – манекен был сильно озадачен, остальные тоже.

– Тили, они не понимают, у них нет собственного Я, – сказала Итфат. – И мамы у них нет. Они манекены, модели людей.

– Ладно. Вот смотрите, я спрашиваю ее, – Матильда повернулась к жрице. – Кто ты?

– Я Мана-фата, – ответила Итфат.

– А теперь ты меня спроси.

– Кто ты? – спросила Итфат.

– Я Мана-тида. Понятно вам?

– Да! Да! – отвечали хором гламроки. – Вы маны!

– А теперь я тебя спрашиваю, – Матильда опять обратилась к манекену. – Кто ты?

– Мы гламроки! – ответил тот.

– Это безнадежная затея, Тили, – сказала Итфат.

– Нет, я не сдамся! – Матильда на минуту задумалась. – А давай их отведем к зеркалу. Пусть на себя посмотрят. Заодно попробуем расспросить, что им известно.

– Конечно, давай. Будет любопытно.

– Слушайте! – обратилась к гламрокам Матильда. – Сейчас мы пойдем к зеркалу. Вы там были хоть раз? Знаете, что это такое?

– Зеркалу не знаем, – отозвались гламроки. – Что это такое?

– Зеркало. Это где море, пальмы. Там, – Матильда указала в сторону, где они с Итфат пытались проникнуть сквозь невидимую стену.

– Край мира! Край мира! – встревожились дикари. – Нельзя пройти!

Нельзя ходить! Абу!

– С нами можно, – успокоила их Матильда. – Мы великие маны, и мы поведем вас.

Гламроки в нерешительности топтались на месте. Преодолеть свое абу им было непросто.

– Вы же хотите стать манами? – обратилась к ним Итфат.

– Да, да! Хотим!

– Тогда надо идти.

– Надо-надо! – авторитетно подтвердила Матильда. – Вы станете манами, и вам будет ошо. Нет, будет не просто ошо, а хо-ро-шо. Это больше, это лучше. Аба!

– Аба! – воодушевились гламроки.

Соглашение было достигнуто, и вся процессия двинулась в направлении к мета-объекту, который мы, за неимением другого определения, назвали зеркалом. По дороге дива и жрица воспользовались возможностью посовещаться.

– Тили, какие у тебя идеи, что ты намерена делать? – спросила Итфат.

– Поставим их перед зеркалом, пусть увидят себя, – ответила Матильда.

– Но это может не сработать. Увидеть себя в зеркале еще не значит обрести свое Я.

– Поясни, что ты имеешь в виду?

– Мы об этом уже говорили. Персонажи и наблюдатели, помнишь?

– А! Гламроки, они чистые персонажи.

– Да, и потому у них нет собственного Я. Или наоборот, у них нет собственного Я, и потому они персонажи.

– А вообще, что такое Я? Я вот могу сказать, что я это я. Но что это такое, Я?

– Очень просто, это твое внимание.

– Как это? Не поняла.

– У гламроков нет своего Я, потому что их внимание целиком погружено в происходящее с ними кино. Они бессознательные персонажи. Точно таким же персонажем становится человек, когда видит сон. Он как в тумане, как в бреду, забывает о своем Я, потому что его внимание поглощено сновидением. Но стоит ему вспомнить о своем Я, то есть, взять внимание под контроль, и он просыпается во сне, или пробуждается ото сна.

– Тафти-Тафти! Жрица-жрица! – воскликнула Матильда. – Твоя память, похоже, совсем к тебе вернулась?!

– Тише ты, Илит, еще не совсем. Мне лишь время от времени припоминается, чему меня учил Наставник.

– Ты снова рассказываешь о таких простых вещах, но так необычно! Никогда не задумывалась. Значит, я, это мое внимание? И все?

– Все. А что ты хотела?

– Ну, за любым обычным человеком ведь стоит его некая высшая сущность.

– Душа, да, имеется. Только обычный человек не только свою душу не чувствует и не слышит, но и разумом пребывает в неменяемом состоянии. Что толку от того, что ты, будучи высшей сущностью, себя не осознаешь?

– Но как же не осознаю? – удивилась Матильда. – Вот она я! Я это я!

– Ты это ты, лишь когда задаешься таким вопросом. Ты становишься собой лишь в тот момент, когда возвращаешь себе свое внимание. Когда вытаскиваешь его из внешнего кино, или из внутренних размышлений. Только тогда ты можешь сказать, что «ты это ты». Все остальное время ты бессознательный персонаж, и кино владеет тобой. Ты себя не осознаешь, и даже себе не принадлежишь, поскольку тебе не принадлежит твое внимание.

– И во сне, и наяву?

– Без разницы.

– Лаха! Точно же! Фати, мы уже сколько раз на эту тему беседовали, а мне все никак не уяснить.

– Да, все это одновременно и просто, и сложно.

– Так. Я попробую разложить по полочкам.

Когда я сплю и не понимаю, что сплю, я персонаж, и меня ведет сновидение. Внимание мне не принадлежит, оно целиком в сновидении.

Когда я вдруг понимаю, что сплю, то просыпаюсь во сне и могу осознанно жить в сновидении, наблюдать, и даже влиять на происходящее. Внимание у меня под контролем. Как только контроль пропадает, я опять забываю, что сплю, и себя забываю, теряю.

А когда я наяву себя забываю, тогда тоже превращаюсь в персонажа. Внимание мне не принадлежит, оно погружено в кино, и кино владеет мной.

Значит, Я, это мое внимание. Если оно мое, то я это я. А если мое внимание чем-то поглощено, то меня вроде как и не существует, а существует лишь вот это кино, которое меня поглотило.

Фати! Я вдруг отчетливо осознала! Во сне меня будто нет, я как потерянная, как в беспамятстве! И наяву примерно то же самое, я часто действую бессознательно, на автомате, будто это не я сама, а я это

персонаж какого-то кино. Выходит, я постоянно, почти всегда, существую как персонаж? Прямо жуть! Жуть прямо!

– Все верно, Тили, – сказала Итфат. – Ты, это твое внимание. И ты, либо осознанный наблюдатель, либо персонаж. В зависимости от того, где ты своим вниманием находишься. В себе или не в себе.

– Обалдеть! Я, наконец, поняла!

– Да, мы хотя бы время от времени способны просыпаться и осознавать себя. А вот гламроки никак не могут сказать, что «я это я», поскольку их внимание накрепко завязло в сновидении, в кино.

– О боже, и как все это объяснить нашим дикарям?

– Ах-ха-ха! Объяснить, нет шансов. Ты и сама-то не сразу поняла. Но ты умничка, Матильдочка, а они манекены. Прикинь разницу.

– И как же нам быть? Ничего не получится?

– Посмотрим. Задача в том, чтобы каким-то образом выбить их внимание из сновидения.

Тем временем процессия, наконец, прибыла в пункт назначения.

КАЛЕЙДОСКОП РЕАЛЬНОСТИ

Дива и жрица в компании с гламроками подошли к зеркалу. Или точнее сказать, к невидимой стене, отделяющей явную реальность от мнимой. Единственное, чем стена выдавала свое присутствие, это резкий переход от каменистой пустоши к травянистому покрову. С той стороны, как и прежде, крутилась стандартная заставка. Морские волны, набегающие на песчаный берег, и пальмы, качающие листьями на ветру. Зато здесь, со стороны метареальности, теперь тоже сияло солнце, «сотворенное» Матильдой. Так что на том небе и на этом располагались симметрично два солнца.

Гламроки, узрев открывшуюся перед ними картину, пришли в состояние крайнего возбуждения.

– Большая много! – удивленно закричали они. – Большая много!

Морской пейзаж, казалось, им виделся впервые.

– Да, большая вода, – согласилась Матильда. – Много воды. Это море. А вы что, первый раз видите? Вы же говорили, что бывали здесь.

– Бывали, бывали! – ответили те. – Не было, не было!

– А что же здесь было?

– Стена! Край мира! Стена в небо!

– Странно, – сказала Матильда.

– Да, странно-странно, – сказала Итфат. – Похоже, они здесь видели стену во все стороны и во все небо.

– Она и сейчас во всю ширь, но сейчас прозрачная, – Матильда приблизилась к зеркалу и потрогала незримую поверхность.

– Нет, стены нету! – убежденно говорили гламроки. – Мы пойдем туда!

– Стойте, погодите, – крикнула им Матильда. – Поглядитесь в зеркало! Вы себя видите?

– Тили, смотри, они не отражаются! – воскликнула Итфат.

Действительно, отражения дивы и жрицы хоть и виднелись как в тумане, но все же виднелись, в то время как у гламроков отражений совсем не было.

– Может, здешние персонажи и не должны отражаться? – предположила Матильда.

– Может и так, – сказала Итфат. – Если они чистые прототипы, у них нет реализаций с той стороны, в реальности.

Гламроки уже были все в нетерпении поскорее двинуться к морю. От прежнего «абу» по поводу «края мира» и следа не осталось.

- Мы хотим туда! – сказали они. – Мы пойдем туда!
- Все хотят к морю, – сказала Матильда. – Но вы не пройдете, глупые!
- Да пусть попробуют, – предложила Итфат.

Но дикари уже и не слушали своих ман. Влекомые дивным пейзажем, они всей гурьбой устремились в его сторону, будто стены не существовало. Дива и жрица, открыв рты, приготовились к тому что вот, сейчас олухи натолкнутся на стену и расшибут себе лбы. Однако произошло нечто непредвиденное.

Гламроки один за другим утопали в стене, исчезая бесследно и с той стороны не показываясь. Но тут же, через мгновение, они вдруг начали выходить обратно передом, словно отражения из зеркала. Вот только облик выходивших был уже совсем другой. То были мужчины и женщины, облаченные в костюмы эпохи Возрождения. Женщины в роскошных платьях с широкими юбками, мужчины в трико и шелковых камзолах. На головах парики, у женщин высокие и светлые, у мужчин темные, завитые в кудри. Лица были скрыты позолоченными масками с эмалевой росписью. Все так, как в том театральном представлении, которое подруги уже видали в зеркале реальности. Только теперь представление переместилось по эту сторону, и дива со жрицей оказались в центре действия.

Сейчас же откуда-то зазвучала клавесинная музыка, дневной свет сменился приглушенным освещением, а каменистая земля превратилась в деревянную сцену. Пары выстроились в шеренги друг против друга и принялись танцевать менуэт. Мужчины отвешивали грациозные поклоны, женщины приседали в изящных реверансах, с распущенными веерами в руках. Пары то расходились, то сходились вместе и, сложившись ладонями, неторопливо кружились. Все было как в театре Матильды, с тем лишь отличием, что наряды были классические и пристойные, а режиссер со съемочной командой и дивой-дублершей отсутствовали. Между тем картина в зеркале оставалась неизменной: море все так же гнало флегматичные волны.

Дива и жрица наблюдали за происходящим молча, в изумлении переглядываясь. Наконец, Итфат шепотом спросила:

- Тили, это опять твои фокусы? Твое сновидение?
- Фати, я тут вообще ни при чем, – прошептала в ответ Матильда. – Оно само собою творится.
- Тогда я ничего не понимаю.
- Я тоже.

В какой-то момент темп музыки начал ускоряться, а танцующие стали выстраиваться в хоровод, двигаясь быстрее и быстрее. Их фигуры

постепенно растаяли-растворились в воздухе, словно размешанные в гигантской чашке, и все завертелось-закрутилось в вихре с нарастающим гулом... И внезапно остановилось-стихло, обратившись в клубы зеленоватого тумана. Дива и жрица внутри всех этих метаморфоз оставались неподвижными и нетронутыми наблюдателями.

Вскоре туман рассеивается, обнажая новую картину и новое действо. В пещере, едва освещенной пламенем костра, сидят полудикие люди в шкурах, что-то едят. Поели, занялись нехитрыми делами, кто-то шитьем из шкур, кто-то изготовлением орудий. Один рисует на стене животных с рогами. Изображения вдруг оживают, начинают шевелиться, бегут. Свод и стены пещеры разворачиваются в открытый ландшафт.

Кругом от края и до края степь, пасется дикое стадо, в траве неподалеку затаились люди с копьями. Внезапно охотники вскакивают, бросают копья, стадо срывается в галоп, несколько раненых животных отстают, падают, их добивают, снимают шкуры, разделявают, несут. Приносят в пещеру, жарят на костре мясо, едят, занимаются своим хозяйством, художник на стене рисует сцену охоты. Изображение снова оживает, а пещера снова разворачивается в степь.

Теперь пасется домашнее стадо овец, пастухи в грубых шерстяных одеждах ходят вокруг, подгоняют стадо. Тут же стоят примитивные жилища, сложенные из шестов и шкур, внутри сидят женщины с детьми, что-то мастерят, готовят. Шаман отплясывает вокруг костра, бьет в бубен. Старик на отрезке кожи углем рисует какие-то знаки. Знаки оживают, двигаются, кусок кожи разворачивается в широкое поле.

На поле работают люди в льняных одеждах, жнут серпами пшеницу и собирают в снопы. Урожай складывают в повозки, запряженные волами, везут на водяную мельницу, пекут хлеб. Пространство перемещается, меняется, появляется античный храм с колоннами, мраморные статуи, рабы несут амфоры, грузят на корабли, стоящие в гавани. Философ чертит на песке геометрические фигуры. Фигуры поднимаются, расширяются, вырастают в средневековый город.

Узкие улочки, каменные стены, черепичные крыши. Гончар сидит за гончарным кругом, лепит глиняный сосуд. Кузнец работает с молотом и наковальней. На рыночной площади идет торговля. Группа рыцарей, залатанных в доспехи, на лошадях, с копьями и флагами, направляется в замок. Ворота поднимаются, внутри двор, дамы в богатых платьях садятся в карету. В келье замка алхимик с пробирками и колбами, что-то записывает в книгу. Страницы книги шелестят, вздымаются, открывают новую картину реальности.

Рабочий стоит за ткацким станком. В большом цеху много станков, все шумят. Над зданиями мануфактур возвышаются трубы, из них валит дым. Паровоз мчится по рельсам, за ним вагоны, состав прибывает на вокзал, из вагонов выходят леди и джентльмены. Грузчики в порту, поднимаясь по трапу, несут мешки и ящики. В доках строятся корабли. Пароход дымит, выходит из гавани. Ученый стоит возле доски, пишет мелом. Доска испещрена заумными формулами. Записи становятся все сложнее, изгибаются, вылетают, пространство закручивается, переходит в звездный космос, а потом обратно на Землю.

Мегаполис горит огнями высоток, дороги запружены непрерывным потоком автомобилей, прохожие идут по улицам, уткнувшись в светящиеся экранчики. В квартирах и офисах люди тоже сидят перед экранами. В цехах заводов идет конвейерная сборка, рабочие в белых халатах у пультов управления, повсюду мигают лампочки и двигаются механизмы. Ученый, сидя за монитором компьютера, манипулирует сложными схемами и объемными проекциями. Проекции выходят наружу и охватывают все пространство.

Мегаполис превращается в скопление громадных черных кубов и цилиндров, соединенных тоннельными переходами. Внутри цилиндров концентрическими кругами подвешены капсулы с человеческими эмбрионами. Кубы заполнены одинаковыми ячейками-сотами, в которых сидят взрослые особи, по-прежнему не отрываясь от экранов, все в однотонных комбинезонах цвета металлик. Лампочек, машин и механизмов больше нет, кругом только светящиеся панели и мониторы. Лишь изредка кто-то встает, касается панели, оттуда выдвигается плоский сегмент с чашкой, человек быстро выпивает ее содержимое и снова садится за экран. Повсюду царит тишина, слышен только тихий электрический зуммер.

Внезапно зуммер стихает, и свет везде гаснет. Люди в панике мечутся от панели к панели, они не знают, как все это работает и как все запустить. В полной прострации, они выходят на улицу и бредут куда глаза глядят, даже не общаясь друг с другом. Постепенно улицы пустеют, стекла на кубах и цилиндрах трескаются, осыпаются, сооружения приходят в ветхость, рушатся, их заносит песком, потом все зарастает травой и деревьями. В пещере у костра опять сидят полудикие люди. И снова доисторический художник стоит у стены и рисует сцену охоты.

Дива и жрица очнулись на площади возле мегалита. Гламроки толпились тут же, в недоумении оглядывая друг друга и озираясь по сторонам. Их облик вернулся к прежнему, это были все те же манекены в серых балахонах с восковыми лицами.

– Фати! – воскликнула Матильда. – Что это было? Я в шоке!

– Судя по всему, нам показали историю цивилизации, – усмехнулась Итфат.

– Нашей?!

– Не знаю какой. Может и вашей. На вас похоже?

– Еще как! Лаха! И это то, что нас ждет?

– Неизвестно. Будущее не статично, вариантов бесконечное множество.

– Как это, не статично?

– Да так. Будущего вообще нет. Оно меняется, в каждый момент, с каждым кадром реальности, в зависимости от того, что в данный момент происходит. Точнее, меняется возможная версия будущего. Если оно всякий раз меняется, разве можно сказать, что оно есть?

– А что же нам тогда показали? – спросила Матильда.

– Либо вероятный исход, либо то, что уже случилось с одной из цивилизаций, – ответила Итфат. – Их на Земле много было. И наверно еще много будет.

– Ой, Фати, это очень похоже на нас! Прямо очень-преочень! И я боюсь!

– Тили, ты верно забыла, где находишься. Надо сначала вернуться туда, чтобы бояться.

– А на вашу цивилизацию не похоже?

– Нет, мы не изобретаем механизмы и экранчики. У нас иной путь.

– Да, я это поняла. И я хочу к вам. А к себе вернуться теперь боюсь. Вообще-то я думала, что нас может уничтожить война, но оказывается, есть вещи и пострашнее.

– Ну Тили, еще не факт, что у вас все произойдет как было показано. Реального будущего никто не знает.

– Даже зеркало?

– Даже-даже! Да и потом, повторяю, это могли быть картины какого-то прошлого, что происходило когда-то.

– Ох, Фати, мы ведь даже не знаем, откуда мы сами. Ты из будущего, а я из прошлого, или наоборот? Или погоди, если будущего, как ты говоришь, нет, тогда ты из прошлого? Или я? Что-то я совсем запуталась.

– Тили, не ломай себе голову. Ни будущего, ни прошлого по факту нет.

Есть только настоящее, текущий кадр. Мы с тобой сюда попали с разных кинолент, которые пересеклись в текущем кадре. Тебе кажется, что в прошлом было то-то и то-то, потому что твоя память привязана к твоей киноленте. Точно так же кажется и мне. Но вообще наши киноленты, то есть, наше прошедшее, и варианты грядущего, существуют одновременно и равновероятно.

– Ты хочешь сказать, что для прошлого тоже существует бесконечное множество вариантов?

– Конечно. Если будущее многовариантно, тогда прошлое и подавно.

– Как это и подавно?

– Потому что будущее вытекает из прошлого. Веер грядущего идет из веера прошедшего.

– Но если я помню, что происходило то-то и то-то, ведь это действительно было? Вот мы с тобой здесь встретились, разве этого не было? Разве то, что прошло, не происходило по факту?

– И да, и нет, – вздохнула Итфат.

– Фати! – воскликнула Матильда в нетерпении. – Объяснить можешь?

– Не-мо-гу! Могу лишь констатировать, что прошлое и будущее виртуальны. Реально происходит только настоящее, сейчас.

– Но вот оно произошло, и ушло в прошлое. Ведь оно происходило? Значит реально было!

– И да, и нет.

– Фати! Ты меня с ума сведешь! Я уже и сама с ума схожу!

– Тили-Тили, успокойся. Если ты чего-то не понимаешь, это еще не повод сходить с ума. Я тоже не могу постичь, что такое прошлое, настоящее и будущее. На самом деле, никто не может. Главный вопрос в том, что такое текущий кадр. Что есть настоящее, которое происходит? Чем является? Что это вообще такое?

– Никогда не задумывалась. Оно просто есть, и все. Я реально вижу и ощущаю, значит оно есть. И значит было.

– Во сне ты тоже все реально видишь и ощущаешь. А теперь ответь: то, что случилось в сновидении, реально случилось?

Матильда замерла с открытым ртом.

– Но погоди. Из сновидения я никогда не приносила никаких материальных доказательств случившегося! А в реальности, если я разбила чашку, она и лежит разбитая!

– Ну-ну, Тили! И где сейчас материальные доказательства твоего реально случившегося прошлого?

Матильда опять раскрыла рот в замешательстве.

– Фати, не сбивай меня с толку. Вот хотя бы мой бантик, моя одежда, и я сама!

– В сновидении ты тоже присутствуешь, и сознанием, и в одежде, и даже тело свое ощущаешь. Так сновидение реально было, или не было?

– И да, и нет...

– Вот то-то же! То-то же, Тили!

– Но я все равно ничего не понимаю. Ты меня совсем запутала. Не понимаю, почему о прошлом можно сказать, что оно было, и в то же время не было.

– Потому что все твои воспоминания о прошлом зиждутся на привязке твоей памяти к твоей киноленте. То же самое касается и всех остальных людей как персонажей данной киноленты. А все свидетельства произошедшего материализуются в текущем кадре, поскольку виртуально они на киноленте и в прошлом присутствовали, но были ли они реально материализованы раньше, не факт, поскольку таких лент бесконечный веер.

– Но Фати, я же помню не бесконечность вариантов прошлого, а только один!

– Ты помнишь, или точнее, тебе кажется, что ты помнишь, только один вариант прошлого, потому что текущий кадр может находиться в один момент только на одной киноленте. Вот с нее ты и помнишь прошлое. И даже материальные свидетельства о произошедшем присутствуют именно такие, что все сходится.

– А вот и не всегда сходится, Фати! – воскликнула Матильда. – Я когда-то читала, у нас случались аномальные такие явления, люди из прошлого появлялись ни с того ни с сего, и из будущего тоже, и они не понимали, как здесь оказались, и при них были вещи из их времени, это было даже документально зафиксировано, но никто все равно не верил, и ничем не могли помочь этим людям, и как-то их истории сходили на нет.

– И эти люди помнили свое прошлое так, будто оно происходило реально, хотя на вашей киноленте этого не было?

– Да!

– Вот видишь! Ленты иногда перепутываются и пересекаются. Так и наши пересеклись.

– Слава-то богу, Фати, что мы встретились, а не потерялись здесь поодиночке! Ты права, мы не только не можем сказать о прошлом ни да ни нет, но даже не можем быть уверены, что сейчас реально, а что виртуально.

– Да, – сказала Итфат. – Все опять сводится к вопросу о том, в чем разница между реальностью и сновидением.

– И когда найдем ответ, то выберемся отсюда?

– Не знаю, может и раньше. Но вот, смотри, кажется, гламроки о чем-то спросить хотят.

ИНИЦИАЦИЯ ГЛАМРОКОВ

Гламроки были весьма озадачены метаморфозами, которые с ними случились после попытки пройти через зеркало. Они сгруппировались в кучку и в растерянности поднимали и опускали руки, глядя то друг на друга, то на своих ман.

– Ну, идите сюда, – обратилась к ним Матильда. – Что вы хотели?

– Мы что-то хотели, мы что-то хотели... – принялись твердить они, как в беспамятстве.

– Что именно?

– Что-то, что-то... – гламроки мялись с ноги на ногу, не зная, как выразить то, о чем сами не знали.

– Вы хотите задать вопрос? – подсказала им Итфат.

– Да, да! Мы хотим задать вопрос! Мы хотим задать вопрос!

– Задавайте.

Гламроки переглянулись меж собой и выдали хором:

– Кто мы?

– Наконец-то, – сказала Матильда. – Хотя какие-то проблески сознания.

Но Итфат помотала головой:

– Вопрос неправильный.

– А как надо? А как надо? – удивились те. Матильда тоже была заинтригована.

– А надо правильно! А надо правильно спрашивать! – сказала Итфат.

– А как правильно? А как правильно?

– Вы хотите быть манами?

– Хотим! Хотим!

– Тогда думайте, какой надо задать вопрос!

– Какой задать вопрос? Какой надо?

– Фати, они наверно и думать-то не умеют, – сказала Матильда. – Они уже и так выдали сверх того, на что были способны.

– Мы уже и так! – подтвердили гламроки. – Пусть маны скажут, кто мы?

– Ладно, – сказала Итфат. – Вы гламроки. Вас это удовлетворяет?

– Нет, нет! – ответили те.

– Почему же?

– Мы не знаем. Мы гламроки, но мы не знаем, кто мы.

– Вот, уже ближе, уже теплее. Задайте правильный вопрос!

Манекены принялись меж собой совещаться.

– Фати, я и сама-то не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, – негромко сказала Матильда.

– Тили, смысл в том, чтобы они вообще задавались вопросами. Мы ведь хотели их выбить из сновидения? Вопросы как раз и выбивают.

– Они и так уже выбиты из своих шаблонов, после того что с ними случилось.

– Нет, пока лишь сбиты с толку.

– Но какой, все-таки, правильный вопрос?

– Да ты его уже задавала. Только теперь они должны сами его задать.

– А, поняла!

Гламроки тем временем, похоже, нашли решение. Радостные, они хором закричали:

– Мы знаем правильный вопрос! Мы знаем!

– Давайте, давайте – сказала Итфат.

– Какие мы такие? Вот.

– Ах-ха-ха! – развеселилась Итфат.

– Вот такие вы! Вот такие! – передразнила их Матильда, показывая рожки.

– Вы такие радостные, но вопрос неправильный, – сказала Итфат.

Гламроки погрустнели, насколько можно так выразиться о манекенах, и посоветовавшись, стали выкрикивать наугад:

– Где мы?

– Куда мы?

– Когда мы?

– Хей-хей! Так вы не угадаете! – замахала на них руками Итфат.

– Нет, не угадаете так! – сказала Матильда. – Вспомните, о чем я вас недавно спрашивала?

Гламроки на минуту задумались, и выдали:

– Чьи мы?

– Уже ближе, но не то, – сказала Итфат.

– Ну, и чьи же вы? – спросила Матильда.

– Да, чьи вы? – повторила вопрос Итфат.

– Мы ваши? – ответили те в нерешительности.

– Фати, так мы не продвинемся, – сказала Матильда. – Сами они не дойдут.

– Ладно, – сказала Итфат, что-то шепнув Матильде на ушко. – Да, вы наши. А коли так, сейчас мы будем вас брать по одному и спрашивать.

Гламроки забеспокоились, а дива со жрицей подошли к ним и вытащили одного из толпы. Тот заверещал:

– Маны хотят меня съесть! Маны съедят меня!
– Да не съедим мы тебя, не верещи, – прикрикнула на него Матильда.
– Отвечай, кто ты? – начала допрос Итфат.
– Мы гламроки, – заладил свое тот.
– Да, вместе вы все, гламроки. А зачем тогда у нас спрашиваете, кто вы?

– Мы не знаем.
– Не знаете, значит вы не гламроки.
– А кто же мы? – испугался гламрок.
– А кто же мы, кто? – встревожились остальные.
– Задайте правильный вопрос.
Гламрок попытался вырваться и убежать, но Матильда держала его.
– Спроси меня, кто я? – продолжила Итфат.
– Кто ты?
– Я Мана-фата. А ты кто?
– Мы гламроки, – ответил тот, оглядываясь на остальных.
– Вы помните, что было с вами? – обратилась Итфат ко всем. – Когда происходило действие, какими вы были, помните?

– Мы были разными! Разными! – наперебой отвечали все.
– А ты каким был?
Тот снова попытался вырваться, но Итфат не отставала.
– Ты чей? Ты потерялся?
– Я потерялся, – ответил гламрок, и тут же остолбенел от сказанного.
– Задай правильный вопрос! – Итфат взяла его за грудки и встряхнула.
– Кто я? – спросил гламрок, как громом пораженный.
– Вопрос правильный! – торжественно объявила Итфат. – Но ты у кого спрашиваешь?

– Пусть маны скажут, – ответил тот, – Маны знают?
– Себя, себя спроси! – еще раз тряхнула его Итфат.
– Кто я?
– Кто ты?! – разом выкрикнули дива и жрица.
– Я... – гламрок был ошарашен. – Я Татана! – наконец, выдал он, или точнее она, поскольку после этих слов произошло нечто необычайное.

Восковая маска потрескалась и отвалилась, обнажив женское лицо, вполне живое и привлекательное. То же самое произошло с руками. А серый балахон пластично трансформировался в черно-белую сутану, так что глазам изумленных присутствующих предстала монахиня-кармелитка.

– Ладно, – Итфат первой оправилась от удивления. – Никогда ничего подобного не видала.

– А я видала! – встрепелась Матильда, – Татана, говоришь? Будешь Мана-тана. Теперь ты тоже мана!

– Я мана? – новопретображенная не могла еще прийти в себя, и все себя оглядывала. – Я тоже мана?

– Да-да, Мана-тана, – сказала Итфат и обернулась к гламрокам, которые глазели на чудесное превращение, раскрыв рты. – Следующий!

Но манекены были так поражены увиденным, что ни один не тронулся с места. Тогда дива и жрица взяли под руки очередного и отвели в сторону.

– Кто ты? – спросила его Матильда.

– Мы гламроки... – заладил было тот, но Итфат его прервала:

– Вы уже не гламроки! Ты видишь? – указала она на кармелитку. – Хочешь быть маной, задай правильный вопрос!

– Кто я? – нерешительно промямлил тот.

– Кого спрашиваешь? – обрушилась на него Матильда. – Себя спроси! Кто ты?

– Я Таташа! – сказал он, и чудесное превращение сей же миг повторилось. На месте гламрока теперь стояла вторая кармелитка, в той же одежде, но с другим лицом.

– Мана-таша! – провозгласила Итфат, возложив руки на плечи новоиспеченной.

– Следующий! – позвала Матильда. – Ну идите уже, смелее!

Так по одному все гламроки прошли своего рода обряд инициации своих личностей, задавая вопрос себе, и сами же на него отвечая. Имена были все женские, а соответственно и индивиды получались исключительно женского пола, и почему-то сугубо послушницы. Адалина – Мана-лина, Азабела – Мана-бела, Бетариса – Мана-риса, Валатина – Манатина, Васалиса – Мана-лиса, и так далее, пока не набрался приличный монашеский орден.

– У-ля-ля, Фати! – воскликнула Матильда, любуясь на претображенных святых угодниц, переминающихся с ноги на ногу и не знающих куда себя деть. – Что будем с ними делать?

– Теперь уж пусть они сами что-то с собой делают, – ответила Итфат. – Ты же так и хотела. Но что у них за образы?

– Это монахини. В моем мире есть такие.

– Какие-какие?

– Послушницы, которые посвятили свою жизнь служению Богу. Что-то наподобие ваших жриц.

– Жрицы? Они тоже жрицы?

– Ну, не совсем. Как бы тебе объяснить... Они скорее смиренные и скромные, такие, девы.

– Странно. Из гламроков получились девы.

– Да уж. Но и благо что не бандиты, не разбойники! А то бы нам с ними туго пришлось.

– Теперь надо проверить, насколько они вменяемы.

– Вот ты, подойди сюда, – Итфат подозвала к себе монашку. – Кто ты?

– Я Мана-лиса, – ответила та.

– Так. Уже лучше. А теперь ответь: что ты?

– Мы гламроки...

– Нет, не сбивайся! Ты Мана-лиса. А что ты? Можешь ответить? Ты знаешь, **что** ты есть? Ты есть то, что ты делаешь! Что ты делаешь?

– Мы читаем бредни...

– Фати, они по отдельности еще не совсем проснулись, – сказала Матильда. – Может, сначала опросить их вместе? Кто вы? – обратилась она к остальным.

– Мы кармелитки, – робко заговорили те. А потом уже увереннее:

– Кармелитки! Мы кармелитки!

– Вот! Молодцы! – поддержала их Матильда. – А что вы должны делать?

– Читать бредни!

– Нет, не сбивайтесь, не сбивайтесь! – закричала на них Итфат. – Вы кармелитки. Вы маны. Что делают маны?

– Задают вопросы?

– Нет! Они делают что хотят! Что сами хотят.

– Как это? Как это? – удивились монашки.

– Мана-лиса, – Итфат снова позвала свою знакомицу. – Скажи, когда ты что-то делаешь, ты это делаешь сама, или что-то ведет тебя?

– Мы кармелитки... – монашка замялась, не понимая, что от нее требуется.

– Вы, это вы все вместе. А ты, Мана-лиса, сама, или не сама? Ты чья?

– Я моя! – монашка, кажется, что-то поняла, и оживилась. – Я сама!

– А раньше, когда ты была гламрочкой, ты была сама?

– Нет, я была не моя, и не сама! А теперь я моя и сама!

– Так, замечательно, – подытожила Итфат. – Раньше ты была сама не своя, а теперь ты проснулась, и ты это ты.

– Да, я это я! – радостно воскликнула монашка.

– И теперь, что ты? Что ты делаешь?

- Я мана, и делаю что хочу! Что хочу, то и делаю!
- Нет, стоп! – вмешалась Матильда. – Этак они могут далеко зайти, далеко забраться! Вы помните, что такое абу?
- Да, мы помним! Нельзя делать то, что нельзя.
- А что можно?
- Можно делать то, что можно.
- А конкретней, что можно и что нельзя? – не отставала Матильда.
- Нельзя поедать друг друга! – ответили монашки.
- А других можно?
- Можно-можно! Нельзя наших! Другие не наши!
- Так я и думала! – всплеснула руками Матильда. – Приехали.
- Они еще не совсем осознали себя как личности, – сказала Итфат. – Когда они по отдельности, они сами свои. А когда вместе, у них общее сновидение, как коллективное помешательство.
- Ох, Фати, мне кажется, подобное помешательство не только гламрокам свойственно! У людей все то же самое, мне кажется!
- И что будем делать, Тили?
- Теперь ты меня спрашиваешь? А я знаю? Нет, по-моему, я знаю. Надо им кое-что показать. Показать кое-что надо!
- Матильда что-то шепнула на ушко Итфат, а монашкам сказала:
- Стойте здесь и ждите. Мы скоро вернемся.

ВОПРОСЫ В СНОВИДЕНИИ

Дива и жрица зашли в мегалит, оставив новоиспеченных сестриц ожидать снаружи.

– Фати! – воскликнула Матильда, когда они остались одни. – Я поняла!

– Что-что, Тили-Тили? – спросила Итфат.

– Все! Поняла, что означает задаваться вопросами, и в чем смысл вопросов, которые ты задавала. Когда я не задаюсь вопросами, я словно в беспамятстве, во сне. И знаешь почему?

– Почему-почему, Тили-Тили?

– Потому что безропотно принимаю все, что бы ни случилось, даже если не нравится и не устраивает. Мне даже в голову не приходит остановиться и подумать: «Что вообще происходит вокруг меня и со мной?» Я просто безвольно плыву по течению, или в лучшем случае беспомощно барахтаюсь.

– Все правильно, Тили. Безропотно принимать означает принимать как должное. А принимать как должное означает принимать как возможное, как то, что вполне может случиться. И если принимаешь, то неизбежно погружаешься в сновидение. Помнишь, мы говорили по поводу «соглашаться или не соглашаться»? В сновидении ты беспомощна, и с тобой может твориться всякая несуразица именно потому, что ты соглашаешься, принимаешь как должное.

– Именно так, Фати! Во сне я не задаюсь вопросами, я безвольна, я сама не своя, себе не принадлежу, и меня ведут. Ведет сновидение. Но и наяву все то же самое, хоть и в меньшей степени.

– Совсем ненамного в меньшей, – заметила Итфат.

– Я и хотела сказать, – продолжила Матильда, – практически все то же самое. Дело не в том, нравится мне происходящее или не нравится, устраивает или не устраивает. Если я это принимаю как возможное, как свою реальность, тогда оно со мной случается, хочу я или не хочу.

– Верно, если соглашаешься, кино овладевает тобой, и ты превращаешься в персонажа.

– Да, но я вот что поняла. **Когда** я соглашаюсь? Когда не задаюсь вопросами! Выходит, чтобы проснуться, надо задаться вопросами: «Где я? Что со мной происходит? Это моя реальность?» И главное: «Я чья сейчас? Я действую сама, или кино ведет меня?»

– Ты все правильно поняла, Тили.

– Теперь о смыслах. С вопросом «Кто ты?» все ясно. Мне больше всего понравилось другое: «Ты чей?» Обычно это глупый вопрос, который задают глупые взрослые потерявшемуся ребенку.

– Ах-ха-ха! – рассмеялась Итфат. – Действительно, глупый.

– Ну в самом деле, вот ребенка спрашивают: «Ты чей, ребеныш?» Что он может ответить на такой идиотский вопрос? Я мамин и папин? Или, я национальное достояние?

– Что-что такое национальное достояние?

– Да это у нас, лукавый телевизор, называет нашим достоянием то, что нам не принадлежит.

– Не поняла не поняла! – озадачилась Итфат.

– Неважно, долго объяснять. Так вот, – продолжила Матильда, – если ребенок потерялся, им овладевает паника. А паника, это самое глубокое сновидение, в котором не можешь ничего, кроме как метаться, плакать и кричать.

– А ты когда-нибудь терялась?

– Да, однажды. У-у-у, я тогда расплакалась и раскричалась так, как только была способна маленькая ляля! И ко мне тогда подошли с этим вопросом: «Ты чья?»

– И что ты ответила?

– Разумеется, ничего. Разумеется, я продолжала плакать и кричать. Но я помню, о чем тогда подумала. Я подумала: что за дурацкий вопрос? Для меня было очевидно, что я сама своя! Но я тогда не придавала этому значения. И только сейчас поняла, в чем истинное значение вопроса.

– И в чем же?

– Ты и сама знаешь. Люди, которые его задают ребенку, не понимают, о чем спрашивают. Но ты-то понимала, когда задавала вопрос гламроку, а потом монашке! Смысл в том, действуешь ли ты самовольно и сознательно, или же кино ведет тебя. Или иначе: ты сам или не сам, сама или не сама?

– Да, все правильно. И ответ: я сам свой, или я сама своя. Если конечно проснулся, или проснулась.

– Я тогда знала правильный ответ, но он не помог мне проснуться, потому что я не до конца понимала смысл, – сказала Матильда. – Суть в том, кому ты принадлежишь: себе, или какому-то внешнему сценарию.

– Точнее, кому принадлежит твое внимание: тебе, или захватившей тебя кинокартине, – добавила Итфат. – А еще, ты не проснулась потому, что не задавалась вопросами.

– Вот, вот! И я продолжала плакать и кричать. А надо было всего лишь остановиться и спросить себя: «Что такого страшного случилось? Ну, мы с

мамой разминутись. Но разве мама может меня бросить? Она меня скоро сама найдет. А я пока тоже сама погуляю и понаблюдаю спокойно вокруг. Сама!» Вот что значит проснуться!

– Ты говоришь про детство, но во взрослой жизни все то же самое. И во сне и наяву, тоже одинаково.

– Точно так, Фати! А вообще, все это круто! Очень круто.

– Что-что такое круто?

– Ну, классно, здорово! Здорово все это понимать и знать! Никогда не думала, что это так обалденно! Обалденно просто!

– Понимать и знать недостаточно. Надо еще уметь применять. А для этого постоянная практика требуется.

– Да, я помню, наблюдатели и персонажи, состояние осознания и Очевидец, – как на уроке ответила Матильда. – Чтобы стать наблюдателем, необходимо наработать обратную привычку. Теперь, чуть что, я, вместо того чтобы погрузиться в свои страсти-мордасти как в сон, просыпаюсь и начинаю действовать осознанно. Теперь малейшее дуновение пространства должно меня пробуждать. Теперь чуть что, я активирую своего Очевидца и задаюсь вопросами. Теперь я вменяема, и я сама.

– Умничка, девочка Матильдочка! – как ученицу похвалила ее Итфат. – А какой главный вопрос, не забыла? Что нужно сделать, чтобы пробудить Очевидца?

– Нужно обратить внимание, где это внимание находится, кому принадлежит: мне или кинокартине. Короче, надо отслеживать реальность, и чуть что, активировать своего Очевидца. А если творится что-то неладное, надо увидеть реальность и себя в ней.

– А и ладное тоже. Надо почаще **видеть**, как наши видящие делают: вижу себя и вижу реальность.

– Чтобы в гламроков не превратиться?

– Да-да, и это тоже.

– Кстати странно, – сказала Матильда. – Они были дикарями, а преобразились сразу в кармелиток. С чего бы это?

– Да, странно, – согласилась Итфат. – Причуды зеркала. В мире сновидений все причудливо. Но что ты задумала с ними делать?

– Они пока только внешне преобразились, а по сути все те же гламроки. Не до конца еще проснулись. Надо им наглядно показать, что такое хорошо и что такое плохо.

– И как ты это сделаешь?

– Включу свои способности массовика-затейника. Для начала покормим их. Проголодались ведь, наверно.

Матильда подошла к черному цилиндру, привычным движением поправила свой бант и что-то прошептала, видимо, делая заказ. Из цилиндра тут же начали выдвигаться сегменты, на которых стояли корзины с лепешками и печеной рыбой, глиняные тарелки и чашки, а также большие кувшины. Итфат с интересом следила за происходящим, заглядывая в корзины.

- Тили, а почему именно хлеб и рыба?
- Так это ж классика!
- Что-что это? В каком смысле?
- Увидишь.
- А что в кувшинчиках, Тили? Не веселящий ли напиток?
- Нет, там виноградный сок. Тоже классика.

Дива и жрица принялись все это выносить из мегалита наружу и складывать в одном месте. Итфат предусмотрительно материализовала большую скатерть в качестве подстилки. Монашки топтались поодаль и с любопытством наблюдали за приготовлениями, показывая пальцами и о чем-то меж собой переговариваясь. Когда весь сервиз «a la carte» был перенесен на скатерть, Матильда скомандовала:

- Так, голубушки-сестрицы, рассаживайтесь все вокруг!

Монашки послушно расселись большим кругом друг подле дружки. Дива и жрица расположились в центре рядом с накрытой скатертью.

– Сейчас мы с вами освоим особое действо, – обратилась ко всем Матильда, – «делать другим хорошо» называется.

– Другим? Ошо? – загомонили монашки. – Зачем другим? Другие не наши!

- Кого вы называете другими?
- Тех, которые приходят!
- И что вы с ними делаете?
- Съедаем их!
- И скольких вы уже съели?
- Нисколько! Нисколько!
- Это почему же? – поинтересовалась Итфат.

– Мы только собираемся их съесть, а они тут же уходят, – ответила за всех Мана-лиса.

- Как уходят, куда уходят? – спросила Матильда.
- Исчезают. Раз, и нет!

– Понятно, – сказала Итфат. – Другие, это сновидящие. Они тут появляются, когда видят сон. Ну а здесь стандартный кошмар: на сновидящего нападают дикари, и как только собираются его съесть, он от

страха просыпается.

– Почему вы так поступаете с пришельцами? – обратилась к монашкам Матильда.

– Так предписано! – ответили те.

– Кем предписано? Зачем предписано?

– Мы не знаем. Так надо!

– Если будете так делать, перестанете быть манами, и снова превратитесь в гламроков. Вы этого хотите?

– Нет, нет! Не хотим!

– Тогда запомните: нельзя делать другим плохо! Никому нельзя делать плохо. Вот мы с Мана-фатой, что вам плохого сделали?

– Ничего, ничего! Маны добрые!

– А вы? Хотели нас съесть!

– Вы теперь наши! Другие не наши!

– Мана-лиса, ну-ка пойдی сюда, – позвала Матильда. – Вот ты, это ты. А другие, это все остальные, а не только наши или не наши. Нельзя делать другим плохо. Надо делать другим хорошо. Иначе Мана-лиса перестанет быть маной, а станет опять негодной гламрочкой. Ты хочешь превратиться обратно?

– Нет! Не хочу! Я хочу быть маной!

– А вы? – Матильда обвела взглядом вокруг, – Это всех касается! Всем понятно, что значит быть маной? Это значит, делать другим хорошо!

– А как это, как это? – загалдели монашки. – Как делать другим хорошо?

– Сейчас мы вам покажем, – Матильда положила на тарелку рыбу с лепешкой и кивнула Итфат, чтобы та наполнила чашку. Затем они вместе подошли к одной из монашек и дали ей в руки еду.

– Вот, мы делаем тебе хорошо, но ты не спеши есть, сделай то же самое своей сестрице.

Монашка удивилась, но послушалась и передала еду рядом сидящей.

– А теперь ты, – обратилась Матильда к той. – Передавай дальше, чтобы и другим было хорошо. Еды всем хватит!

Так, дива и жрица подавали тарелки и чашки одной, та передавала другой, и далее по кругу, пока еда не оказалась у каждой.

– Всем хорошо? – спросила Матильда.

– Да! Да! – ответили хором монашки.

– Вот видите! А почему всем хорошо?

– Почему? Почему? – ответили те вопросом на вопрос.

– Потому что, если делаешь другим хорошо, хорошо к тебе

возвращается. Поняли?

– Поняли-поняли! – закивали монашки.

– Ну ешьте теперь, на здоровье!

ДЕЙСТВО В СНОВИДЕНИИ

Все принялись за еду, включая диву и жрицу. А когда поели, Матильда снова обратилась ко всем:

– А сейчас, для сравнения, попробуем сделать другим плохо и посмотрим, что будет.

Она выбрала одну монашку и несильно хлопнула ее рукой по голове.

– Вот, я тебе сделала плохо. Не больно, но неприятно, да?

– Да, – ответила та.

– А теперь ты сделай своей сестрице то же самое. А та другой, и так все по кругу.

Монашки принялись усердно хлопать друг дружку по головам, и настолько увлеклись, что Матильде еле удалось их остановить:

– Хватит! Хватит уже! Перестаньте! Всем плохо?

– Да! Да! – ответили хором монашки.

– А почему всем плохо?

– Почему? Почему?

– Потому что, если делаешь другим плохо, плохо к тебе возвращается. Поняли?

– Поняли-поняли! – закивали те.

– Видите, как хорошее, так и плохое возвращается. Отсюда какой вывод?

– Какой? Какой?

– Я вам уже говорила. Нельзя делать другим плохо. Надо делать другим хорошо. Усвоили?

– Усвоили-усвоили!

– А для закрепления, научим вас делать друг дружке саже. Мы ведь обещали. Вы хотите?

– Хотим! Хотим!

– Вот ты, – Матильда обратилась к монашке. – Прикоснись губами к щеке своей сестрицы, а та сделает то же самое другой, и так все по кругу. Начали!

Дива и жрица понаблюдали какое-то время, как преображенные постигают новый для себя опыт. Тем, видимо, понравилось, и их опять лишь с трудом удалось остановить.

– А теперь, – объявила Матильда, – повторим пройденное. Что надо делать манам, чтобы оставаться манами?

– Надо делать другим хорошо! – дружно отозвались монашки.
– А во что превратятся маны, если будут делать другим плохо?
– В гламроков!
– Вы хотите быть гламроками, или манами?
– Манами, манами!
– Вот и славно! – возвестила Матильда с чувством исполненного долга.

– Но это не все, – прибавила Итфат. – Что еще делают маны?
– Делают что хотят? – предположила уже ученая Мана-лиса.
– Делают что сами хотят, – поправила ее жрица. – Ты, Мана-лиса, что ты делаешь сама?

Монашка на минуту задумалась, но тут ее будто осенило.
– Я шью! – воскликнула она в восторге.
Остальные с завистью уставились на счастливицу.
– А мы? А мы что делаем?
– Не вы вместе, а каждая из вас! – поправила их Итфат.
– Сами, сами себя спрашивайте! – помогла Матильда.
– Ты, Мана-таша, – обратилась к монашке Итфат, – спроси себя, что ты делаешь?

– Что я делаю?
– И отвечай сама сразу!
– Я стираю, – сначала недоуменно, а потом уже уверенней ответила та. – Я стираю! И я сама!
– А ты, Мана-бела, что делаешь сама?
– Что я делаю? Я убираю! Сама!
– А ты, Мана-лина?
– Я готовлю! Сама!
– А ты, Мана-тана?
– Я забочусь! Сама!

Так по очереди все кармелитки были опрошены, и у каждой, как оказалось, нашлось свое дело. Тем временем, солнце уже клонилось к закату. Еще один трудный и насыщенный день в метареальности подходил к концу. Напоследок, дива и жрица решили расспросить обитателей этого странного мира, что они, собственно, о нем знают.

– Ну что, сестрицы, – обратилась к ним Матильда. – Теперь, надеюсь, вы не станете набрасываться на других, которые к вам приходят?

– Не станем! Не станем! – отозвались те.
– А что вы будете с ними делать?
– Мы будем делать другим хорошо!

- Bravo! Но мы с Мана-фатой здесь тоже другие. Нам нужно уйти.
- Нет, нет! – заголосили монашки. – Пусть маны останутся!
- Мы должны уйти, – сказала Итфат. – Нам здесь не место. А вы не пропадете. Еда у вас есть, мегалит дает. Мана-лина, знаешь, как получать еду?
- Знаю-знаю!
- Дело у каждой тоже свое есть, – сказала Матильда. – Теперь вам будет чем заняться.
- Будет-будет!
- А раньше, когда вы были гламроками, вы что делали? – спросила Итфат.
- Мы читали бредни!
- И все? И всегда? Только это?
- Всегда. Только это.
- Их сновидение было зациклено, – шепнула Итфат диве. – Это примерно то же самое, что статичная картина, в которой без наблюдателей все постоит.
- Да, единственное разнообразие здесь, приход сновидящих, – ответила жрице Матильда.
- А что это за город? – спросила у них Матильда. – Когда он был построен? И кем?
- Мы не знаем, – ответили монашки. – Он был всегда.
- А вы, как себя помните? С чего все началось?
- Мы не помним. Мы были всегда. И все было всегда.
- Всегда одно и то же, одинаково?
- Одно и то же и одинаково.
- Тили, в отдельном секторе метареальности, в отсутствие наблюдателей, так и должно быть, – сказала Итфат. – Это как на отрезке киноленты: что отснято, то и есть. А вечность и один миг здесь понятия равносильные.
- Похоже, их бесполезно о чем-либо расспрашивать, – сказала Матильда. – Но погоди, ведь они были гламроками, а стали кармелитками! Значит, мы уже на другой киноленте?
- Возможно и так.
- Но как это произошло? Они спали как гламроки, а проснулись как кармелитки?
- Да, в определенном смысле мы их разбудили.
- Выходит они, для себя, проснулись в другом сновидении?
- Они и сейчас спящие персонажи, но их сновидение изменилось.

– А что требуется нам, чтобы что-то изменилось у нас? – спросила Матильда.

– Постой, – встрепелась Итфат. – Ты хочешь сказать, нам надо заснуть, а потом проснуться? Но ведь мы это уже делали.

– Один раз. И в тот раз произошел запуск сновидения, которое было остановлено. А что будет, если нам заснуть и проснуться в сновидении, которое крутится? Должно же хоть что-то измениться?

– Вопрос, что. Но в нашем положении, наверно, другого выхода и нет.

– Значит, надо попробовать.

Монашки, между тем, прилежно убрали всю посуду обратно в мегалит, и теперь сбились в кучку, вопросительно глядя на своих главных ман.

– Ну что, сестрицы, – обратилась к ним Матильда. – День закончился. Вы спать-то ложитесь вообще?

– Да, ложимся! – ответили те.

– А потом просыпаетесь, и у вас опять все по новой, одинаково?

– Да, по новой!

– Ну, теперь уже все иначе будет. Будет вам лучше, веселее будет. Знаете, может случиться так, что мы с Мана-фатой завтра исчезнем, как другие.

– Нет, мы не хотим! Пусть маны останутся!

– Не скучайте, сестрицы! – подбодрила их Итфат. – Может быть, мы еще вернемся, и свидимся еще.

– Да-да! – воскликнула Матильда. – Мы обязательно вернемся, навестим вас! Вот только разберемся сначала, как в этой реальности перемещаться.

– Маны разберутся! Маны умные! – сказали монашки.

– А пока, еще один подарок вам, – Матильда вскинула руки и провозгласила. – Пусть всегда будут звезды!

В тот же миг на темнеющем, но до сего времени пустом небе, загорелись мириады звезд, красивых, разноцветных. Монашки разразились восторженными возгласами. И даже Итфат удивилась:

– Ну ты даешь, Тили!

– А теперь давайте прощаться, сестрицы! – сказала Матильда.

– Пока-пока, подружки, увидимся! – помахала им рукой Итфат.

Монашки переглянулись меж собой, и не сговариваясь, поклонились и выдали хором:

– Спасибо, Мана-тида! Спасибо, Мана-фата! Спасибо вам!

А затем разбрелись по своим домикам.

– Еще один вопрос, Фати, – сказала Матильда, когда они остались одни. – Быть может, самый-пресамый важный.

– Какой-какой, Тили-Тили?

– Если мы заснем, не проснемся ли мы в разных мирах?

– Но ведь в прошлый раз мы заснули вместе, и вместе же проснулись.

– Во-первых, не вместе в смысле одновременно, а во-вторых, предыдущее сновидение было остановлено. И что будет теперь?

– Не знаю, но мне почему-то кажется, что мы останемся вместе. Мы же и так сейчас в пространстве сновидений, а не в проявленной реальности, откуда каждый отправляется в свое сновидение.

– А тебе прошлой ночью что-нибудь снилось?

– Нет.

– И мне нет. Но я все равно боюсь! Давай спросим у Преддверия?

– Ох, оно скупо на ответы, но ладно, давай, – согласилась Итфат. – Эй, Преддверие, ты здесь?! – крикнула она в небо. Небо в ответ, как обычно, зашелестело ветром, и отовсюду, со всех сторон поднялся шепот:

– Я везде и повсюду... Везде и повсюду...

– Только один вопрос! – воскликнула Матильда. – Только не улетай сразу! Ответь! Пожалуйста! Мы не разлучимся, если заснем здесь? Мы вместе проснемся?

– Вы проснетесь вместе... Вместе... – отозвался шепот.

– А скажи еще, – спросила Итфат. – Сможем ли мы вернуться в материальный мир, и когда?

– Всему свое время... Время... – прошептал ветер.

– А скажи еще, сможем ли мы в один мир вернуться? – закричала Матильда. – Ну пожалуйста! Мы хотим быть вместе!

– Хотения мало... Мало... – прошептал напоследок ветер и начал стихать.

– А что еще нужно? А что? – прокричала вдогонку Матильда, но ответа уже не последовало.

– Ну вот, как всегда, – сказала Итфат. – Больше вопросов, чем ответов.

– Главное, нам ответили, что мы проснемся вместе, – сказала Матильда.

– Ну, коли так, пойдем уже спать, Тили. Я так устала!

– Я тоже, пойдем.

Дива и жрица зашли в мегалит, и даже не раздеваясь, упали в свои

кроватьки.

– Не будем раздеваться, Тили, – сказала Итфат. – Мало ли что нас ждет по пробуждении.

– Да, я тоже так подумала, – сказала Матильда. – Но я все же боюсь, Фати. Давай сдвинем кроватьки и возьмемся за руки.

– Давай.

Только лишь они это сделали и улеглись, как заметили, что купол мегалита стал прозрачным, и через него засияли мириады звезд разноцветных, красивых. Дива и жрица любовались звездами молча, на разговоры уже сил не оставалось. Через минуту они уснули.

КОШИСА

Зверюга бежал что есть сил, петляя в узких городских улочках, чтоб запутать следы и скрыться от погони. Он вновь, как прежде, тащил на плече свою женщину, которая каким-то непостижимым образом оказалась здесь, в нынешней эпохе. Только теперь его женщина была одета не в шкуры, а в цивильное платье. Сам Зверюга тоже разительно отличался, как от своего бывшего, пещерного обличья, так и от недавнего, звериного.

Сейчас это был красивый юноша с каштановыми волосами до плеч, одетый в черный бархатный сюртук с крупными золотыми пуговицами, такие же брюки, и белоснежную рубашку с пышным жабо. От прежнего его облика остались лишь большие грустные глаза и никак не вяжущиеся с интеллигентным костюмом лохматые мокасины. Да еще нечто неуловимое, но узнаваемое в лице оставалось, благодаря чему знавшие его могли бы безошибочно определить, что это он, Зверюга.

Зверюга не знал, куда он тащит свою женщину, но точно знал, почему. Потому что, если женщине угрожает опасность, и если эту опасность невозможно устранить, значит, надо хватать женщину, и тащить ее тащить, подальше от этой опасности. Тем более что в этот раз его женщина не брыкалась и не орала, как тогда на весь лес. Напротив, сейчас она издавала негромкие, и можно сказать, довольные звуки, напоминающие кошачье мурлыканье.

«Странно, чего это она мурчит?» – подумал Зверюга. Только он об этом подумал, как женщина вдруг издала, опять же, не человеческий возглас, а громкое и протяжное «Ма-а-а-а-у-у-у!»

И тут Зверюга к своему чрезвычайному удивлению обнаружил, что несет не женщину, а большущую кошку, размером с хорошую пантеру.

Да, это было нечто. Но чему уж тут удивляться, если он сам еще несколько минут назад был Лохматой Зверюгой. Зверюга-юноша продолжал бежать со своей ношей, не останавливаясь.

В тот же момент, видимо, услышав реликтовый зов, со всех закоулков, со всех подъездов и подворотен, выскочили-выбежали коты и кошки, какие только имелись в округе, и пустились вдогонку за беглецами, отчаянно мяукая всяко-разно на свой лад.

И так, вся кошачья орава неслась по улице, пополняясь по ходу новыми членами, и не уставая вопить «Мяу-мяу!» Большая же кошка на плечах у Зверюги, в свою очередь, вторила им «Мау-мау!»

И сколько бы так продолжалось, и чем бы закончилось, неизвестно, только Зверюга-юноша, забежав в небольшой сквер, опустил, наконец, свою кошку на землю, встряхнулся, и превратился вдруг назад, в Зверюгу Лохматую. Все кошки, все коты, собравшиеся вокруг, все замерли от неожиданности. А Зверюга на них, как заревет: «Р-р-р-а-а-а-у-у-у!»

Все кошки, все коты, тут же все разбежались в разные стороны с воплями «Мяу-мяу!» А большая кошка, усевшись на землю, обернув вокруг себя хвост, и расплывшись в кошачьей улыбке, удовлетворенно промурлыкала: «Мур-р-р-ма-а-а-у!»

* * *

Тем временем докторица с медбратьями, а так же команда «экспедиции», вышли из состояния оцепенения лишь когда похититель уже скрылся за углом.

– Это что такое-е-е-е! – завизжала докторица.

– Полундра! – закричала Желтая Подлodka.

– Караул! – закричала Оранжевая Корова.

– Рота подъем! Тревога! Тревога! – закричал Адя Зеленый.

– В машину! Живо! – скомандовала докторица. – За ними!

Медбратья замычали и завалились в карету скорой помощи.

– Догоните их догоните! – кричал Адя, подложив свою дубину под заднее колесо.

– Излечите их излечите! – кричала Подлodka, зацепившись якорем за бордюр, а руками за машину сзади.

– В погоню за кровавым маньяком! – кричала Корова, прыгая перед машиной.

– В погоню за изуверским садистом! – кричал Адя, размахивая руками. – Быстрее, что же вы стоите!

Только воительница Брунхильда сохраняла спокойствие, оглядываясь по сторонам и к чему-то прислушиваясь. Скорая, между тем, буксовала, не трогаясь с места.

– Так, это что здесь происходит? – докторица и медбратья вывалились из машины чтобы осмотреться.

Подлodka быстро отскочила в сторону, а Адя засунул руки в брюки.

– Ой, парадоксальное открытие! – воскликнул он. – У вас под колесом имеет место быть коряга неизвестного происхождения. Так вот что препятствует успешному продвижению наискорейшей помощи!

– Этот террорист, из вашей шайки! И вы, похоже, с ним заодно! – сказала докторица, обводя всю компанию пристальным взглядом.

Один из медбратьев вытащил дубину из-под колеса, а другой снял с пояса наручники.

– Ну что вы! – молвил Адя. – Мы до крайности заинтересованы в торжестве закона над всякого рода проявлениями неправомерных инициатив, а так же в повальном выздоровлении всех подотчетных членов общества.

– Вы мне зубы не заговаривайте! – выкрикнула докторица. – Ну-ка выкладывайте, что это за субъект, и с какой целью он похитил нашу больную?

– Достопочтеннейшая коллега, – ответствовал Адя. – Как уже было нами заявлено, мы имеем честь являться сотрудниками Красного креста и полумесяца, а точнее, практикантами-измышлителями... э-э-э, точнее, исследователями, практикующимися в изыскании и исследовании всевозможных средств и методов излечения всевозможных болезней. Какими мотивами руководствовался наш сотоварищ, нам самим неведомо, мы сами теряемся в бредовой тьме догадок и инсинуаций. Но одним из разумно компетентных предположений могло бы быть следующее.

– Этот ваш измышлитель, опасный любовный маньяк! – в нетерпении закричала докторица. – А вы все, его сообщники, или хуже того, вы целая банда любовных маньяков!

– Простите, коллега, за несправедливым обвинением в наш благопристойный адрес, вы позволили себе упомянуть незнакомый нам медицинский детерминант. Нельзя ли просветить нас, в чем заключается глубокомысленный смысл термина «любовный маньяк»? Или быть может, вы имели в виду «эротический мечтатель», или «амурный изыскатель», или «романтический домогатель»?

– Домогатели нас не интересуют. Наш профиль – любовный недуг. А любовная мания – это наипаснейшая форма заболевания. Да вы, милейший, мне опять зубы заговариваете!

– Ни милейшим образом! Никоим, то есть, образом. Мы просто хотим разобраться...

– Так, все, у меня нет времени тут с вами лясы точить!

– Но я еще не высказал свое знаменательное предположение по поводу мотивов скоропалительного поступка нашего товарища. А предположение сие состоит в следующем.

– Короче!

– Если коротко, то вещественный смысл предположения заключается

вот в чем. Наш товарищ вовсе не патетический обожатель, замышляющий осуществить над пациенткой любовь, а слишком рьяный естествоиспытатель, который, поддавшись своему непомерному рвению, измыслил отнять у вас, так сказать, пальму первенства в успешном излечении больной, посредством метода ее похищения, и тем самым введения в стрессовое состояние, отчего больная, по его строго научной гипотезе, должна была скоропостижно выздороветь, и...

– А вот мы сейчас вашего испытателя-изыскателя поймаем, и тогда разберемся, – прервала проникновенную речь докторица. – Все! В машину, поехали! – скомандовала она медбратьям.

– Так мы же только за! – подала голос Брунхильда, прежде шепнув что-то на ухо Корове. – Будем активно содействовать!

– Да-да, окажем многостороннее и непомерное пособничество! – подтвердил Адя.

– Я буду лететь и указывать направление, – предложила Корова, расправив крылья. – Мне сверху видней, куда они подевались.

– Ладно, запускайте вашего дрона, – согласилась докторица, – поедем за ним.

Карета скорой взревела мотором, включила мигалку, и со страшной сиреной рванула в ту сторону, где скрылся похититель. А Корова поднялась в воздух, чтобы направить погоню по ложному следу.

* * *

Зверюга стоял и смотрел на большую кошку, а кошка сидела и смотрела на него. Породы она была такой. Черная, с белыми носочками на лапах, гладкошерстная, но с роскошным пушистым хвостом рыжего цвета с белыми вкраплениями. Такого же рыжего с белым цвета были и уши. В общем, незаурядная, но красивая кошка.

Смотрели они друг на друга, смотрели, а потом, не сговариваясь, разом приняли человеческий облик. Зверюга снова стал юношей, а в кошке он опять увидел свою женщину. Вся эта череда превращений, похоже, их обоих несколько не удивила.

– Это ты? – спросил он.

– Я, – ответила она.

– Ты меня узнала?

– Да, мой господин.

– Как ты здесь? Что ты здесь?

– Не знаю. Я здесь. Вот так. А ты, мой господин? Ты как?
– Я тоже не знаю. Ты помнишь?
– Помню.
– Я всю жизнь жалел, и до сих пор жалею, что так нехорошо тогда поступил.
– Ничего, мой господин. Я сама виновата. И я наказана.
– Я тоже наказан. Меня никто не любит. А ты как наказана?
– Меня все любят, и все бросают.
Они немного помолчали.
– Ты превращаешься? – спросил Зверюга. – Когда? Как?
– Когда страдаю или перестаю страдать, – ответила женщина. – Когда меня бросают, превращаюсь в женщину. А когда кто-то подбирает, в кошку. Но в обычном состоянии у меня вот какой вид.

Она тут же на глазах у Зверюги преобразилась в нечто среднее между женщиной и кошкой. Теперь она была одета в черную меховую курточку с рукавичками до середины предплечий и такие же штанишки до колен. Одевание, очень схожее с тем, что сшил для нее Зверюга, еще тогда, в пещере. Голову украшала густая копна черных волос, на ногах белые сапожки, а на руках белые перчатки. Лицо симпатичное, но в чертах явно проглядывалось что-то от кошачьей породы. Кроме того, сзади торчал немного приподнятый кверху роскошный пушистый хвост ярко-рыжего с белым цвета, и такие же ушки на макушке. В остальном внешний облик был вполне человеческий, а в общем целом, шикарный.

* * *

В таком виде, сидящими на лавке, Зверюгу-юношу и женщину-кошку обнаружили Брунхильда, Адя и Подлодка. Они прибежали, запыхавшись, и молча с удивлением разглядывали парочку, пока не отдышались. Сирена сумасшедшей скорой завывала где-то вдалеке, из чего можно было заключить, что Корова успешно дезориентировала погоню.

– Наконец-то, мы вас нашли, – прервала молчание Брунхильда. Королева не отрывала глаз от Зверюги, явно заинтригованная его новым обликом.

– Я был категорически прав, впрочем, как и всегда, утверждая, что нам следует держать курс на это безбожно отъявленное мяуканье, – вымолвил Адя.

– Это прямо какой-то карнавальный маскарад! – воскликнула

Подлодка. – Или маскарадный карнавал?

– Зверюга, может представишь нас? – обратилась к нему Брунхильда.

– Моя женщина, – указал на нее Зверюга, вставая с лавки. – Была когда-то. А это мои друзья, – сказал он ей. – Королева Брунхильда, Адя Зеленый, Желтая Подлодка.

– Ты забыл добавить **моя** королева, – заметила Брунхильда, ревниво покосившись на женщину. – Да ты ли это сам?

– Да, моя королева, это я. Мой облик изменился. Не знаю, почему. Так уже не раз бывало.

– А кто же ты, о чудо из чудес? – молвил Адя, обращаясь к женщине.

– Я Кошиса, – ответила та, поднявшись.

– Она тоже превращается, – объяснился за нее Зверюга.

– Так ты Киса, или ты Кошиса, чудеснейшая из чудесных? – спросил Адя.

– Совершенно кошевидно, что я и Киса, и Кошиса, – ответила женщина-кошка и прошла туда-сюда, с удовольствием себя демонстрируя.

– Ах вот как, – обронила королева. – А кем ты была до этого?

– Бывала и женщиной, и кошкой, потом опять женщиной, и опять кошкой, много раз.

– И надо полагать, ты пользуешься всеобщим обожанием? – продолжила интересоваться Брунхильда.

– Не совсем так. Меня сначала любят, а потом бросают.

– И что с тобой случилось? Как ты попала в скорую?

– Меня в очередной раз бросили.

– Кто же тебя бросил?

– Мой Котиша.

– Расскажи нам.

– Он был, такой импозантный, такой усатый, хвостатый, полосатый! Настоящий Котофей! Как он ходил, вальяжно, вокруг меня! Как щекотал мне ушки своим хвостиком! Как терся мордочкой о мою шейку! А еще, он так обольстительно мурлыкал! И я, кошеверчивая, прельстилась.

Жили мы с ним кошелюбно и кошеладно, но потом он все чаще стал от меня убегать. Связался с какими-то котобандистами и начал промышлять котобандой. А за ним стали охотиться котоможенники, чтобы посадить его в котолашку. Тогда он скрылся в котокомбы и уже редко оттуда показывался. Последний раз он ко мне заявился, собрал все свои котовещи и сказал, что у нас разкошелад и разкошевод, потому что я не выгляжу.

– Как это, ты не выглядишь? – спросила Подлодка.

– Вот и я говорю: как это я не выгляжу? Вы сами посмотрите, ведь я выгляжу?

Кошиса прошлась по кругу, красуясь и водя руками, как передними лапками.

– О да, ты выглядишь! – сказала Подлодка.

– Вот! Совершенно кошевидно, что я выгляжу. А он меня бросил! Представляете, какое кошеломство!

– А ты не пробовала его гладить по шерстке и говорить ему: «Котиша, не ходи в котокомбы, простудишься»? – эта фраза была произнесена откуда-то сверху, и в тот же момент Корова шлепнулась на землю.

– Ух, еле удалось от них оторваться и скрыться! Я тут услышала конец вашего разговора и зависла наверху, не хотела прерывать.

– Ой, а вы кто, простите? – удивилась Кошиса.

– Это наша Оранжевая Корова, – сказал Зверюга.

– Она сбивала погоню со следа! – добавила Подлодка.

– Приве-е-е-т! – улыбнулась Корова.

– А почему вы такое спросили? Я Кошиса, здравствуйте, – сказала Кошиса.

– Может я не права, но мне кажется, Кошису бросают, потому что Кошиса склонна думать только о себе, – ответила Корова.

– Нет, вы правы! Как вы угадали? У меня действительно имеется такой недостаток, я излишне кошецентрична, наверное, – сказала Кошиса, поглядев на Зверюгу. – Но я стараюсь исправиться.

* * *

Между тем вой сирены, до сих пор слышимый лишь издали, стал приближаться.

– Ой, это сумасшедшая скорая! – воскликнула Подлодка. – Что будем делать?

– Надо куда-то спрятаться, – предложила Корова.

– Но мы не можем вечно прятаться, – сказала Брунхильда.

– Это из-за меня у вас проблемы, – сказала Кошиса. – Давайте больше не будем бегать, я сама с ними разберусь.

– Но как? – спросил Зверюга.

– Я уже пришла в форму и могу за себя постоять.

– Но как? – спросил Адя. – Лично мне больше не удастся заговорить им зубы.

– Я никого в обиду не дам, и сам не дамся! – Зверюга выхватил у Ади дубину.

– Мой друг, сей инструмент последней аргументации, тебе, в твоём изысканном обличье, не к лицу, – заметил Адя.

– Если бы вопрос решался силой, я бы уже давно все решила, – сказала королева, приподняв юбку, под которой обнажился меч. – Но мы не можем себе этого позволить, наживем еще больше проблем.

Не успели они договорить, как из-за угла вынырнула карета скорой и, взвизгнув тормозами, остановилась, не переставая выть сиреной. Из кареты выскочила докторица и уперла руки в бока:

– Так! Попались, измышлители-изыскатели!

– А мы как раз собирались вам сообщить радостную весть, дела пациентов идут на поправку, – сообщил Адя, указав на беглецов. – Ваша помощь настолько скоростная и беспощадна, что больные аж сами внезапно выздоравливают, от одного лишь благодатного звука вашей сирены.

Докторица прищурилась и надула губы.

– Не утруждайтесь, милейший, в изящной словесности, – она махнула, чтоб отключили сирену. – Больные сами не поправляются, больных лечить надо. Как следует лечить! А ваш зоопарк, так тем более, лечить-залечить! Ну-ка, – она кивнула нарисовавшимся тут же медбратьям, – хватайте этих двоих!

Зверюга с дубиной загородил собой Кошису.

– Ах так! – закричала докторица. – Оказание сопротивления при исполнении! Сейчас вызовем подмогу и всю вашу шайку-лейку оприходуем!

– Минуточку, – Кошиса вышла из-за спины Зверюги. – Ваша кошеловка взята на перо. Ликвидацию запускать?

Докторица внезапно переменилась и побледнела.

– Это как же..? Это зачем же..? – еле выговорила она, запинаясь. – Да вы кто такая будете?

– Я писательница, – ответила Кошиса. – Я вас напишу, и вы исчезнете.

– Писательница..! Она писательница..! – медбратья впервые, но шепотом, подали голос, и спотыкаясь попятились назад.

– Милочка, что же вы сразу не сказали! – докторица быстро сменила тон. – Так вам уже лучше? А мы хотели, а мы думали, как бы вам помочь! А то у вас был такой несчастливый вид!

– Вы полагаете? – безразлично осведомилась Кошиса, играя руками со своим хвостом. – Нет, я абсолютно, всекошечно счастлива.

– Да? Значит, произошла ошибка. Но вы должны нас понять, нас долг обязывает! Мы занимаемся приведением пациентов в счастливое состояние...

– А я занимаюсь сочинением и устранением персонажей. Так мне запускать ликвидацию?

– Нет-нет, что вы! Я вижу, вам действительно лучше! А нам пора, мы очень спешим!

Весь экипаж скорой торопливо погрузился в машину.

– Маниакально вас благодарим! – крикнул им вдогонку Адя.

Докторница окинула его недобрым взглядом и хлопнула дверью. Скорая с визгом сорвалась с места и умчалась прочь.

ВЫ СЕБЯ ЗНАЕТЕ?

Как только сумасшедшая скорая скрылась из виду, вся компания обступила Кошису и принялась расспрашивать.

– Вынужден признать, что ты, о чудо из чудес, удивила даже меня, давно уж всем и вся удивленного, а потому удивляться переставшего, – изрек Адя.

– Как тебе это удалось? – спросила Корова.

– Что ты сделала? – спросила Подлодка.

– Что ты имела в виду, когда сказала, что занимаешься сочинением и устранением персонажей? – уточнила Брунхильда.

– С тех пор как стала писательницей, – ответила Кошиса, – я убедилась, что описанное в книгах нередко воплощается в действительность. А в здешней действительности, так и подавно, что ни напишешь, почти все сбывается.

– В какой-такой здешней действительности? – спросила Брунхильда.

– А вы разве не здешние? Разве не знаете? – удивилась Кошиса. – Ах, ну о чем я спрашиваю! Кошечно же, вы не отсюда. А откуда вы?

Данный вопрос, как оказалось, привел компанию в замешательство.

– Как это, откуда мы? А откуда мы? – спросила сама себя Подлодка.

– Ну, мы оттуда, откуда мы... – сказала Корова.

– Адя, сформулируй, откуда мы пришли, – Брунхильда была сама в недоумении, но не хотела этого показывать.

– Очевидно, мы оттуда, – сказал Адя, сделав неопределенный жест. Он тоже был в растерянности.

– Мой господин, – обратилась Кошиса к Зверюге. – А ты можешь ответить?

– И да и нет, – сказал Зверюга в задумчивости. – Мы отправились в путь с целью выяснить, что это за крышка над нами нависла. Но как-то странно... Я не могу вспомнить, откуда мы отправились. В голове туман какой-то...

– Похоже, никто из нас не может вспомнить, – сказала Брунхильда. – Наверно это как-то связано с местом, где мы сейчас находимся. Может ты, Кошиса, нам объяснишь?

– Я и сама не совсем понимаю, где нахожусь и как сюда попала, – ответила Кошиса. – Знаю только, что этот мир... он вроде как ненастоящий.

– Как это, не настоящий? – изумились все дружно.

– Ну, он такой, кошеобразный... как бы это объяснить... У меня такое чувство, что я попала в кукольный спектакль. Будто он не существует сам по себе, а его играют. И люди здесь, они будто не настоящие, а подобные куклам.

– В каком смысле, подобные куклам? – спросила Брунхильда.

– В буквальном. Они себя не знают.

– Не знают? Как это? – удивилась Подлодка.

– Вот так, не знают. Их будто водит кто-то. Куклы в театре марионеток тоже себя не знают. Нет, кошечно, они ведут себя как обычные люди, но с ними что-то не так. Они сами себе на уме, однако не вполне вменяемы. Да вы наверно и сами успели заметить.

– О да, – сказал Адя, – заметили кое-что. Кое-какие соображения имеем. Точнее, можно констатировать полное отсутствие соображения с их стороны. И да, они себе на уме, но их можно водить вокруг пальца. Хотя и с трудом иногда.

– Вот именно! – подтвердила Кошиса. – Они невменяемые! Не будь я писательницей, я бы даже затруднилась, как их назвать, но теперь я знаю, это не столько люди, сколько персонажи. Представляете? Как будто их кто-то выдумал, какой-то автор. Кстати, я здесь и своих персонажей повстречала. Это был определенно шокирующий опыт! Потом расскажу.

– Не хочу показаться невежливой, – вставила Корова. – Но Кошиса, тебе не кажется, что и с тобой что-то не так? Ну, самую малость разве что.

– Вы об этом? – Кошиса потрогала свои ушки и хвост.

– Не только. У тебя манера выражаться не совсем обычная. И повадки, извини пожалуйста, интересные, такие.

– Манеры и повадки совершенно кошачьи, согласна. Но тут уж ничего не поделаешь, такова моя натура.

– Натуры наши оставим в покое, – сказала Брунхильда. – Они у нас у всех, мягко говоря, экзотичные. Лучше объясни подробнее, почему эти люди себя не знают? Как это понимать?

– Я же говорю, они как в беспамятстве. Действуют с виду осмысленно, но сами себя не осознают, и не отдают отчета в том, что делают. Словно их водят, как марионеток.

– Это очень странно.

– Не только странно, жутковато даже. Я тут всем задаю этот вопрос: «Вы себя знаете?»

– Зачем?

– Чтобы найти хоть одного вменяемого.

– Ну, и нашла?

- Нет, здесь таких нет. Вы первые.
- А что они отвечают?
- Ничего. Всячески увиливают от прямого ответа. Да еще при этом очень раздражаются и злятся.
- А почему этот вопрос не задаешь нам? – продолжала расспрашивать Брунхильда с видимым беспокойством.
- Но вы же себя знаете? Я сразу почувствовала, что вы не такие, как те. Тем более, мы с моим господином давно знакомы.
- Вот это меня и беспокоит. Если честно, я почему-то не могу ответить на твой вопрос.
- Да вы что! Как это не можете? – Кошиса так и замерла с раскрытым ртом.
- Адя, скажи, ты себя знаешь? – спросила Брунхильда.
- Ваше величество, боюсь сойти за персонажа, но мне тоже, если честно, хочется увильнуть от ответа.
- На минуту воцарилось молчание. Адя, прослышавший тем, что за словом в карман не лезет, наверно впервые попал впросак.
- Так, значит, уже не я одна. А ты, Подлодка, ты себя знаешь?
- Ну как же я себя не знаю? Конечно я себя знаю!
- И что ты знаешь?
- Я Желтая Подлодка!
- И все?
- Ой, кажется, все... Но как же так?
- А ты, Корова?
- Я уже думаю.
- Пойдите-пойдите! Сейчас, сейчас вспомню! – Подлодка заметалась, а потом задумалась и замолчала.
- Корова тоже замерла в оцепенении. И тут произошло очередное превращение, теперь уже с этими двумя особами. Корова у всех на глазах обернулась в миловидную толстушку с рыжими волосами, одетую в оранжевое платье до колен и черные аляповатые туфли. Из остального туалета, на шее и руках у нее выделялись крупные синие бусы. А крыльев и след простыл. Подлодка же преобразилась в легкомысленную с виду блондинку в желтом брючном костюме. Оранжевые сапожки на ней остались прежние. Обе новоиспеченные девушки оглядывали себя в недоумении, как, впрочем, и все остальные. Однако несмотря на кардинальные перемены в их облике, это были все те же, безошибочно узнаваемые Оранжевая Корова и Желтая Подлодка.
- Так, – прервала всеобщее молчание Брунхильда. – Теперь у нас уже

четыре оборотня. Поздравляю.

– Ой, это что-то невообразимое со мной! – воскликнула Подлодка. – Ущипните меня!

Адя не замедлил тотчас выполнить просьбу.

– Больно же!

– Сама просила. Так-то лучше смотришься, ей-богу. Кого еще ущипнуть требуется? Пожалуй, меня самого, наверно.

– А я почему-то не очень и удивлена, – сказала Корова. – Мне кажется, я что-то такое про себя знала... Или как-то так себя представляла... Даже и не знаю.

– Так знаешь, или не знаешь? – спросила ее Брунхильда.

– Нет, пока не могу с уверенностью сказать, что знаю. Прошное не помню, а настоящее не понимаю.

– А ты, Зверюга, теперь тебя спрашиваю, ты себя знаешь?

– И да и нет, моя королева, – отозвался, наконец, доселе хранивший молчание Зверюга.

– Мы от тебя это уже слышали. Что означает твое «и да и нет»?

– В моей жизни было много превращений, я все их помню, но сейчас себя чувствую будто заново родившимся. Точнее даже, не родившимся, а появившимся. Странное ощущение. Вроде знаю себя, и в то же время не знаю.

– А расскажите, остальные, как вы себя ощущаете? – осведомилась Кошиса.

– Лично я себя ощущаю чистым листом, – сказала королева. – Знаю только, что я королева Брунхильда, но больше ничего о себе не знаю. И не помню момента, когда это произошло, когда перестала знать.

– Вот! И у меня то же самое! – воскликнула Подлодка. – Я будто появилась только здесь и сейчас, и непонятно откуда.

– А я знаю лишь то, что я это я, – сказала Корова. – Но больше, кажется, ничего.

– Итак, – подытожила Брунхильда, – что мы имеем. Кто мы и откуда пришли, не знаем. Но знаем, зачем шли. Наша цель крышка, верно?

– Да, да!

– Мы хотим выяснить, что она такое и почему. А еще, трое из нас испытали превращения. В прежнем облике, если я не ошибаюсь, остались только мы с Адей. Мой меч и остальное, все при мне.

Она потрогала оружие, скрытое под юбкой. На королеве было средневековое платье из грубого полотна, русые волосы заплетены в косицу, а голову венчал плоский золотой обруч. Ну и Адя был все тот же.

Зеленый, как Шрэк, и в зеленом же бесформенном балахоне. На вид, точно варвар. С тем лишь отличием, что всегда неизменно ходил в солнцезащитных очках. Подлодка во время похода ругалась с ним: «Сними очки, придурок! Солнце ведь крышкой закрыто!» А он отвечал: «Сияние очей моих, прозрение несущих, ослéпит вас, беспомощно во тьме бредущих, что допустить недóлжно и не след». «Ты в них выглядишь, как идиот!» «Но идиот авторитетный, заметь». «А чего такой балахон дурацкий носишь? Под Ошо косишь?» «Одно могу ответить смиренно: общение со мной несет вам просветленья миг волшебный, и честь для вас огромную притом». «Да ну тебя к лешему!»

– А твое красноречие, Адя, при тебе ли осталось? – спросила его Брунхильда.

– Питать надежду смею, Ваше величество.

– Вот и ладно. Остается главный вопрос: как нам вернуть обратно то, чего мы о себе не знаем?

– А ведь я вас знаю! – заявила Кошиса.

– Как? Откуда?

– Я вас читала. Вы, Ваше величество, живая легенда. Корова и Подлодка тоже известные персонажи. Ну а с моим господином мы знакомы с начала времен. Одного лишь уважаемого Адю не имела чести знать до сих пор.

– Это потому что моя слава скромно следует за мной, не смея обгонять меня самого, – констатировал Адя.

– Так выходит, что: мы тоже ненастоящие? – спросила Брунхильда.

– Нет, совершенно кошевидно, что вы настоящие! – ответила Кошиса.

– Но ведь по-твоему получается, мы персонажи?

– Вы настоящие, потому что способны сами задаваться вопросом, а так же осознаете себя собой. То есть, можете сказать, что «я это я». Значит, вы не персонажи, а личности.

– А по поводу здешних персонажей, ты, помнится, говорила, что напишешь их, и они исчезнут. Как это происходит?

– Да просто, когда создаешь их образы в книге, они материализуются. А когда по какому-либо сюжету списываешь со счетов, они ликвидируются, уходят со сцены действия. Вот такая здесь кошевительность.

– Ничегошеньки себе! – воскликнула Подлодка. – А нас тоже можешь списать со счетов?

– Ой, как вы могли такое подумать! Я очень кошелюбно к вам расположена. Напротив, я бы очень хотела вас попросить принять меня в свою компанию. Меня тоже беспокоит крышка.

– А почему ты не можешь просто написать о том, что крышка исчезла? – спросила Корова.

– Уже пробовала, не получается. С реальностью все намного сложнее, не как с персонажами. Так возьмете меня с собой?

– Конечно, мы такую Кису, такую Кошису, с собой возьмем. Будешь нашей Кисой-Кошисой, – сказал Адя.

– Адя, с каких это пор ты здесь распоряжаешься? – возразила Брунхильда.

– Ваше величество, я весь покорнейше к вашим услугам.

– Моя королева, – вступил в разговор Зверюга, – я тоже прошу тебя.

– И я! – сказала Корова.

– И я! – сказала Подлодка.

Королева была в раздумье.

– Я правда, вам пригожусь! – продолжала Кошиса. – Могу быть вашей кошеведчицей, например.

– Кем-кем? – спросила Брунхильда.

– Могу заниматься кошенажем, участвовать в кошеведовательных операциях. Все могу выкошеведать, и даже укокошить кого, если надо.

– Как это, укокошить? – рассмеялась Брунхильда.

– Ну это, извините, облапошить, огорошить, заговорить, или голову вскружить.

– Не сомневаюсь, что ты это умеешь. Главное, чтобы это не было направлено против нас, особенно касательно того, что называется «вскружить голову», – сказала Брунхильда, покосившись на Зверюгу.

– Ну что вы, это исключено! Мой господин меня знает, я в общем-то безобидна. Я даже к ликвидации своих персонажей прибегаю только в самом крайнем случае, а о чужих и речи нет, профессиональная этика не позволяет. Не говорю уж о людях.

– Так каково твое решение, моя королева? – спросил Зверюга.

– Да, мы возьмем с собой Кошису, – сказала королева.

– Ура! – закричала Корова.

– Ура-ура! – закричала Подлодка.

– Добро пожаловать в нашу команду, – сказал Адя.

– Спасибо вам! – обрадовалась Кошиса. – Это просто кошевательно! Только вы меня не бросайте, ладно?

– Не бросим, – заверил ее Зверюга.

– Теперь, нам следует подумать о наших дальнейших действиях, – сказала Брунхильда.

– Осмелюсь предложить, Ваше величество, если позволите, – молвил

Адя.

– Что?

– Не мешало бы подкрепиться, для начала.

– Я знаю здесь недалеко кафе, – сказала Кошиса.

– Веди нас.

И они отправились вслед за Кошисой.

СЮРРЕАЛЬНОСТЬ

Кошиса, во главе процессии, двигалась кошачьей походкой, покачивая хвостом и водя «передними лапками». Зверюга пристроился рядом с ней.

– Значит, вот ты какая стала? Ты сильно изменилась с тех пор.

– Да и ты тоже, мой господин.

– Мне несколько неловко, от того что было, и что сейчас.

– Мне тоже, мой господин.

– Однако со мной ты разговариваешь, как прежде, немногословно и в своей манере.

– Для тебя, мой господин, я и осталась прежней.

– И все же, мы теперь другие. Много пережили оба, наверное.

– Да, и нам есть что рассказать друг другу.

– Еще будет время.

– Корова, а как же ты теперь, без крыльев? – спросила Подлодка. – Ой, а можно ли тебя так называть? Как-то не вяжется, с твоим нынешним обликом.

– А с твоим, разве вяжется? – ответила Корова. – Ты Подлодка, или кто?

– Я да, я Подлодка!

– Ну вот и я Корова. А как мы еще можем друг друга называть, если даже сами себя не знаем? А насчет крыльев, мне почему-то кажется, что я еще смогу превратиться обратно. Пока не знаю как, но смогу.

– И мне тоже так кажется. Хорошо бы научиться это делать по желанию.

– А ты, Зверюга, – спросила Брунхильда, – не думаешь ли снова обернуться Лохматою Зверюгою?

– А тебе бы этого хотелось, моя королева?

– Нет, оставайся таким.

– Значит, как прикажешь, моя королева.

– Оставайся-оставайся! – закричала Подлодка.

– Мы и не предполагали, что Зверюга может быть таким, собой, привлекательным, – добавила Корова.

– Да и вы тоже ничего себе стали. Хотя и раньше были ничего.

– О! Вот это «ничего» из уст нашего немногословного друга звучит как изысканный комплимент, – сказал Адя.

– Спасибо-спасибо! – кокетливо отозвались Корова с Подлодкой.

– А он и раньше был ничего, – вставила Кошиса. – Еще тогда, когда мой господин был в своем первом обличье, когда в мы пещере жили. А я, мой господин, я была ничего тогда?

– Да, Кошиса, – ответил Зверюга в своей скупой манере.

– А сейчас? А сейчас? – продолжала допытываться Кошиса.

– Да, Кошиса. Только зачем ты называешь меня «мой господин»?

– А я не могу иначе! А я привыкла! Это такой вот у меня, кошизм.

Что подразумевалось под словом «кошизм», друзья не совсем поняли, но это было неважно, потому что они уже подошли к заведению с вывеской «Кафе». Внутри сидела немногочисленная, но разношерстная публика. Посетители одновременно и как-то подозрительно уставились на нашу компанию, некоторое время их разглядывая, как это обычно бывает в устоявшейся среде, где все друг друга знают, но через минуту принялись за свои дела: кто за еду, кто за питье, вместе с тем эпизодически посматривая на новоприбывших и о чем-то меж собой перешептываясь.

Наша компания нашла свободный стол с достаточным количеством стульев и уселась в ожидании, стараясь не слишком усердно крутить головами, чтобы, в свою очередь, ненавязчиво разглядеть обстановку и остальных посетителей. Ничего особо примечательного в глаза не бросалось, но все же, и в людях, и окружении присутствовала некая странность, или так скажем, несвойственность. В чем именно эта несвойственность заключалась, наши друзья сформулировать не успели, поскольку пауза продлилась недолго. К их столу уже направлялась не очень дружелюбная с виду официантка.

Одета она была в синюю униформу с белым передником, на котором большими буквами был выведен вопрос: «Что еще?» Одной рукой она несла записную книжку, а другой вела за собой цаплю, держа ее за клюв. Цапле, в таком положении, ничего не оставалось как покорно следовать за ведущей, торопливо перебирая лапками.

Представ в таком виде у стола, официантка небрежно бросила:

– Зволитэ?^[9]

– Сударыня, мы не зволим, а изволим откушать, или, **и**наче выражаясь, отобедать, – сказал Адя.

– Вот я и спрашиваю, пока вежливо: зволитэ?

– Мау! Пока? – удивились гости.

Тут к их столу подскочил чудаковатого вида джентльмен в латиноамериканской накидке, видимо подслушавший разговор, хотя джентльмен не должен бы, и встрял:

– А я вам больше скажу! Если вы бывали в Гондурасе, так там вообще

не церемонятся!

Но официантка отмахнулась от него книжкой, как от назойливой мухи, и тот удалился.

– Ладно, – сказала Кошиса. – Мне, пожалуйста, коше без кошеина.

– Хо-хо! – воскликнул Адя. – А мне тогда алкоголь без алкоголяина.

– А мне молоко без милкивэя, – пошутила Корова.

– А мне воду без водолея, – подхватила Подлодка.

– Так, – ответила официантка. – Кофе мы не подаем, остальные напитки тоже.

– Как же вы не подаете кофе? – удивилась Кошиса. – Ведь вы же называетесь «Кафе»?

– Вот именно, – парировала официантка. – Если бы мы назывались «Кофе», то кофе бы и подавали. А так, вы можете выйти наружу и по слогам прочитать, там написано: «Ка-фе».

– Что же у вас есть? Кафе? – спросила Кошиса.

– Такого напитка не существует, к вашему сведению, – отповедала официантка. – Можем предложить наш фирменный коктейль.

– А что он из себя представляет?

Тут к их столу подскочила очередная особа – включенная дама с длинным боа из перьев, которая в экзальтации принялась восклицать:

– Это божественный, божественный напиток! Я его обожаю! Безумно! Безумно!

Но официантка раздраженно замахала на нее книжкой, и той пришлось ретироваться.

– Так вы будете заказывать?

– Уважаемая, – сказал Адя, – э-э-э, простите, как вас...

– Я стэвардэсса, – надменно ответила официантка.

– Ага... ладно, мы, так сказать, рискнем заказать то, что вы предлагаете.

– Так, – сказала стэвардэсса, – записываю.

Она достала из кармана карандаш, вложила его в клюв цапли, зажала его рукой и принялась старательно выводить в книжке: «Коктейль». Птица жалобно попискивала, но сопротивляться не смела. Наши гости в изумленном молчании наблюдали за изощренной процедурой. Наконец, Адя решил задать вопрос:

– Сударыня... э-э-э, уважаемая стэвардэсса, зачем же вы птичку мучаете?

– Так положено, – резко ответила та, а затем указала жестом на свой передник.

– Что? – поднял брови Адя, от удивления даже сняв очки.
– Здесь вопрос, который мне надоело постоянно и непрестанно задавать. Сами читайте.

Гости за столом уже готовы были все воскликнуть от возмущения, но Адя прервал их, взяв инициативу на себя:

– Уважаемая, мы хотели бы прежде ознакомиться с меню, с вашего позволения.

– Меню у нас нет. Не держим.

– То есть как это? А как же мы будем делать заказ?

– Вы либо делаете заказ, либо нет. А для особых пожеланий имеются отдельные прейскуранты.

– Для каких-таких особых пожеланий?

– Они у вас появятся. Тогда и узнаете.

– Ладно, давайте, повторюсь, пока рискнем с коктейлем.

Официантка молча развернулась и направилась к бару, волоча за собой птицу. Только лишь она отошла, как к столу подскочил моложавый старичок в спортивном костюме и загомонил:

– А вы ребята рисковые! Я это сразу понял! Нам с вами нужно устроить забег! Непременно!

– Какой еще забег? – спросил Адя, отвечая за всех, поскольку остальные не знали, что и сказать.

– Соревновательный! Состязательный! Очень бодрый забег! Можно с препятствиями! С препятствиями даже лучше! Это отменно мобилизует! Непременно! Непременно!

– А я вам больше скажу! – присоединился уже известный джентльмен. – Вам обязательно следует посетить Гондурас! Вы не бывали в Гондурасе? Это очень бодрящая страна! Там сразу с самолета отбирают документы и сажают в тюрьму, и лишь потом разбираются! Можем туда отправиться сейчас же! Немедленно!

– Но сначала устроим забег! Непременно! Очень бодрый забег! – не унимался старичок.

– Да погодите вы! – включилась дама с боа. – Они сперва должны отведают наш коктейль! Он умопомрачительный! Безумно! Безумно!

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта какофония, но тут королева встала, окинула приставалок грозным взглядом и, не говоря ни слова, властным жестом указала им убираться прочь. Что они и сделали немедленно, не уставая между тем твердить свое: «Безумно! Безумно! Гондурас! Устроим забег!» Но усевшись, наконец, за свои столики, кое-как угомонились.

Тем временем, любезнейшая стэвардэсса не заставила себя долго ждать. В одной руке она принесла поднос, на котором стояли шесть высоких стаканов, а другой рукой по-прежнему держала за клюв злосчастную цаплю. Расставив стаканы, она принялась поигрывать подносом, не отпуская птицу.

Стаканы были наполнены зеленоватой жидкостью, в них, как положено, торчали соломинки, какие-то зонтики, дольки... Однако наряду с привычными такого рода деталями, в коктейль был включен один, мягко говоря, неожиданный атрибут, повергший всю нашу компанию в шок.

В стаканах, уцепившись за край передними лапками, сидели живые лягушки. Они то и дело разевали роты, будто хотели что-то сказать. Наша команда только сейчас обратила внимание, что в стаканах на других столиках была та же картина.

– Позвольте, – спросил, еле сдерживаясь, Адя, – а это еще зачем?!

– У лягушек лапки как ласты, – ответила официантка, – ими практически размешивать коктейль.

– Размешивать лапками лягушек?! – воскликнул Адя, находясь в крайней степени удивления, хотя хвалился, что его ничем не удивить. – Но не проще ли принести ложки? Это, конечно, милые земноводные, но у них мягкие, неудобные для этой цели лапки, и они ведь живые!

– А вы что, хотели вареных? Варите сами своих лягушек!

– Но позвольте, а стоит ли его размешивать? И как вы это себе представляете?

С соседних столиков уже порвались было вскочить старые знакомые, чтобы услужить ценными советами, но королева остановила их резким жестом.

– Коктейль перед употреблением необходимо размешать, – отрезала официантка. – Таковы правила заведения. Посетители обязаны это знать. Хотя, для вас я готова пойти на снисхождение, коли вы приезжие, что сразу видно, – сказала она, несколько смягчившись.

– О, умоляем вас, снизойдите! – молвил Адя, не решаясь на более пространную тираду, дабы не вызвать очередного раздражения.

– Нет ничего проще. Вы что, не видите, стол сервирован зубочистками. Нужно пощекотать зубочисткой брюшко лягушки, та начнет сучить лапками, и сама размешает коктейль.

– Очаровательно! Прелестно! – воскликнул Адя.

Остальные члены команды предпочитали помалкивать, однако их душевное состояние выдавала весьма выразительная мимика. Королева, вся вне себя от возмущения, уже готова была встать и уйти, но Корова

прошептала ей:

– Ваше величество, давайте еще немного потерпим. Интересно, что будет дальше.

– Уважаемая стэвардэсса, – продолжил Адя, – а нельзя ли осведомиться, что еще мы можем заказать?

– Так-то лучше. Начинаете усваивать уроки, – снисходительно ответила официантка, указав на свой передник. – Вы можете сделать заказ.

– А что именно? Что конкретно?

– Повторяю, вы либо делаете заказ, либо нет. А есть будете то, что сами захотите.

– Но как мы можем захотеть, если не знаем, что предлагается?

– Так вы делаете заказ или нет? – официантка опять начала терять терпение.

– Мау. Делаем, – решила ответить за всех Кошиса.

– Тогда записываю.

Официантка привычным движением достала из кармана карандаш и, зажав его в клюве цапли, принялась выводить в книжке слово «Заказ».

– Еще только один вопрос, если позволите, – сказал Адя.

– Ну?

– А зачем такая сложная процедура записи? Причем здесь птица?

– Прямо кошевательство какое-то! – не выдержала Кошиса.

– А потому что, нефиг ей, птице, задаром кормиться. Птица тоже должна трудиться.

– Вы крайне заблуждаетесь, уважаемая. Птица вам ничего не должна. Вы ее отпустите, и она сама себя прокормит, – заметил Адя.

– Вот и особые пожелания пошли, – оживилась официантка. – Так вы настаиваете на том, чтобы я ее отпустила?

– Вынужден признать, что настаиваю.

– Пожалуйста. Платите по прейскуранту, и цапель будет свободен.

Официантка бросила на стол какой-то листок и ткнула пальцем в цифру.

– В самом деле? – в очередной раз удивился Адя. – Что ж...

Он достал из кармана бумажник, отсчитал требуемую сумму и вручил официантке. Та взяла деньги, и наконец, отпустила птицу. Цапля раскрыла клювик, но не решалась двинуться с места.

– Вот, возьми, птичка, лягушечку, – Адя вытащил из своего стакана лягушку и вложил ее в раскрытый клюв. – Ты свободна!

Птица проглотила лягушку, растопоршила крылья и спешно побежала к выходу, благо что дверь была распахнута.

– Если будут еще особые пожелания, милости просим, – сказала официантка и отправилась выполнять неведомый заказ.

Оставшись наедине, наши друзья вздохнули с облегчением.

– Браво, Адя! – воскликнула Подлодка.

– Благородный поступок, – сказал Зверюга.

– Я бы и не додумалась, – сказала Корова.

– Особые пожелания, значит? Это они таким образом деньги у клиентов выкошачивают! – воскликнула Кошиса.

– То ли еще будет, – предположил Адя.

– Кошиса, а ты разве не бывала здесь раньше? – спросила Брунхильда. – Ты ведь говорила, что знаешь это кафе?

– Я знала, что оно есть, но не была ни разу.

К коктейлям друзья не притронулись, но и ждать им опять же долго не пришлось. Официантка вернулась с пустыми столовыми приборами, разложила их на столе и приняла выжидательную позу.

– Будут еще какие-то особые пожелания?

– Пока нет, любезнейшая, – сказал Адя. – Мы лишь пребываем в томительном ожидании нашего заказа.

– Он перед вами.

– Как это? Но ведь здесь пустые тарелки?

– Заказ выполнен. Чего же вы еще хотите?

– Да просто, хотим поесть, с вашего позволения.

– Ну так приступайте.

– Как? Есть пустоту?

– Говорю же вам, приступайте!

Адя, уже устав удивляться, взял в руки вилку и нож, и лишь ради эксперимента прикоснулся к тарелке. На ней тут же самообразовался большой кусок мяса, любимое блюдо Ади. Он отрезал ломтик, попробовал, проглотил, снял очки и обвел всех многозначительным взглядом. Остальные, последовав его примеру, получили на своих тарелках уже свои блюда, кто что хотел. От комментариев благоразумно воздержались и принялись за еду. Официантка же, закатив глаза к потолку и едва лишь не покрутив пальцем у виска, молча развернулась и удалилась.

– Ну и дела, – только и нашелся что сказать Адя, когда трапеза была закончена. – Однако не мешало бы и попить чего-нибудь.

– Не думаешь ли испробовать фирменного коктейля? – иронично спросила его Подлодка. – Они ведь ничего другого не подают.

– Нет, хочу проверить одно свое предположение.

Он подозвал официантку.

– Уважаемая, а нельзя ли попросить шесть пустых стаканов?

Та хмыкнула, отошла и вернулась с подносом. Не говоря ни слова, она расставила стаканы перед гостями и встала подбоченясь. Адя взял стакан и попытался осторожно пригубить. Стакан тут же наполнился каким-то напитком, который Адя с удовольствием выпил до дна. Остальные, уже привычным делом, последовали его примеру.

– Благодарствуем, – сказал Адя.

– Очень вам спасибо! – добавила Подлодка.

– А теперь счет, пожалуйста, – сказала Брунхильда.

Официантка принесла счет, а королева расплатилась, не поскупившись даже на чаевые. На этот раз, казалось бы, все обошлось без сюрпризов, и оставалось только встать из-за стола и уйти. Но Кошиса всех остановила жестом лапки и задала официантке свой коронный вопрос:

– Скажите, а вы себя знаете?

– Что вы хотите этим сказать? – ответила та, насторожившись.

– Как вам кажется, это вы играете чью-то роль, или кто-то, на месте вас, играет вашу?

– Похоже, вы намереваетесь меня оскорбить?

– Да нет же! Мы просто хотим узнать: вы, это действительно вы?

– Нет, я вижу, вы хотите меня оскорбить.

– Не имеем ни малейшего желания, уважаемая, – включился Адя. – Мы просто любопытствуем, исключительно из глубочайшего почтения к вам.

– А я тоже не имею ничего против оскорблений. Пожалуйста, это относится к особым пожеланиям. Мы вообще стараемся выполнять все пожелания клиентов. Вот прейскурант, можете ознакомиться.

Гости с любопытством взглянули на список всевозможных ругательств, против каждого из которых стояла своя цена.

– Только должна вас предупредить, что за мою ответную грубость вам также придется платить. Это входит в сферу наших услуг, все строго по прейскуранту.

– Да нет же, уважаемая стэврдэсса, – пояснила Кошиса, – мы очень кошевательно к вам относимся и вовсе не собираемся с вами ссориться! Вы можете просто сказать: «Я это я»?

– Данного оскорбления нет в списке, но я сейчас добавлю, – ответила официантка, с решимостью взяв карандаш.

– Да нет же, нет, это не оскорбление! У нас такая игра. Вот сейчас каждый из нас произнесет «я это я», а потом вы, вот и все!

Официантка еще больше насторожилась, но ей не дали опомниться, и

каждый из наших друзей по очереди стал говорить: «Я это я». Однако едва лишь круг замкнулся, как произошло нечто невероятное. Официантка, не успев открыть рот, замерла на пол движения. Ее лицо и руки покрылись восковым налетом, и она буквально превратилась в свою восковую фигуру.

Друзья, в ужасе, и сами остоленели. Оправившись от оцепенения, они огляделись по сторонам. Повсюду наблюдалась одна и та же неподвижная картина. Люди, а точнее сказать, их манекены, поскольку лица у всех были безжизненно восковые, находились в неестественно застывших позах, будто их застал внезапный стоп-кадр.

Для всей команды это был шок почище прежних. Они в растерянности бродили от столика к столику, осторожно трогая манекены.

– Эй!

Но от тех не следовало никакой реакции. Ситуация на улице была аналогичной: застывшие машины и прохожие. Все вокруг замерло в безжизненной сцене. Во всем этом мире живыми оставались только наши друзья.

СУМАСШЕДШИЙ ПИСАТЕЛЬ

– Ой что творится, ой что творится! Ой что происходит, ой что происходит! – восклицала Подлодка.

– Кто-нибудь видел нечто подобное? – спросила Корова.

– За все мои жизни ничего похожего не встречал, – ответил Зверюга.

– Мау! Я же говорила, что этот мир ненастоящий! И люди здесь ненастоящие, будто кукольные! – отозвалась Кошиса.

– Но ведь они только что были настоящими, хоть и странными, – сказал Адя. – И еда в моем животе заявляет, что она вполне себе натуральная.

– Кошиса, мне кажется, это ты своим вопросом их укокошила, как и обещала – заметила Брунхильда.

– Это не я, а мы их укокошили! – возразила Кошиса. – Вспомните, как это произошло: мы все поочередно сказали «я это я», и сразу после этого они окошенели.

– Окошенели – мягко сказано, – отметил Адя. – Они, скорее, трансформировались в манекены, в свои точные восковые копии.

– Да, вопрос Кошисы «Вы себя знаете?» здесь ни при чем, – вступился за свою подругу Зверюга. – Вслед за ним ничего не последовало, кроме разве что недоумения со стороны официантки. Она, кажется, не поняла его смысла. И в том числе не поняла, что означает «я это я».

– О! Мой друг, я впервые слышу от тебя столь подробное объяснение, – сказал Адя. – И в твоих словах, где-то, где-то, не знаю где, кроется ключ к разгадке.

– Вот! – воскликнула Кошиса. – Почему они не понимают, когда их об этом спрашивают, и почему не могут произнести элементарную фразу: «Я это я»?

– Но Кошиса, – сказала Брунхильда, – ты задала еще один вопрос, который официантку совсем в тупик загнал, и смысл которого даже до меня дошел не сразу. Помнишь? «Как вам кажется, это вы играете чью-то роль, или кто-то, на месте вас, играет вашу?» Что ты имела в виду?

– Я же говорила, еще в самом начале, что все эти люди мне напоминают марионеток, будто это не они себя ведут, а кто-то или что-то их водит.

– Вопрос действительно интересный, философский даже, – сказал Адя. – Возможно, если мы найдем на него ответ, то узнаем, что это за люди,

и что здесь вообще происходит. Но если рассудить, данный вопрос вполне уместно задать любому реальному человеку.

– Адя, а если бы тебе задали такой вопрос? – спросила Подлодка.

– О, я бы очень крепко задумался. И не уверен, что вообще смог бы на него ответить.

– А ты, Кошиса, не считаешь себя марионеткой? – спросила Брунхильда. – Нет, я не хочу тебя обидеть, конечно ты не такая, ты настоящая. Просто мне непонятно, почему ты здесь? Как сюда попала? Откуда?

– Не знаю, не помню. Ведь и вы тоже не знаете и не помните, как здесь очутились.

– На философию и воспоминания у нас нет времени, – сказала Корова. – Факт в том, что все замерло в момент, когда мы все по кругу произнесли «я это я».

– Но вот почему? – воскликнула Подлодка. – Что именно произошло? Ой, смотрите, что это?

Подлодка в это время стояла позади фигуры официантки и первой обратила внимание, что у той из затылка выходит какое-то сплетение, похожее на косицу. Сплетение светилось белым сиянием, но довольно тусклым, а потому и не сразу было замечено. Подлодка потрогала косицу, та оказалась неосязаемой. По всей видимости, сплетение имело энергетическую природу. Но еще более удивительным было то, что косица, заканчиваясь где-то между лопаток, переходила в тонкий синий луч света, который уходил вертикально вниз, не оставляя светового пятна, а как бы пронизывая пол. На руке синий луч также не давал отблеска, беспрепятственно проникая сквозь ладонь.

Друзья принялись обследовать остальные манекены. У всех была одна и та же картина: косица, переходящая в синий луч. Потом они оглядели друг друга. У них самих ничего подобного не наблюдалось, если не считать настоящей косицы у королевы.

– Как мы могли сразу такого не заметить? – удивилась Корова.

– Мы были зачарованы их неподвижностью и восковым обликом, на остальное внимания не хватило, – ответил Адя.

– То есть, вы хотите сказать, что эти светящиеся штучки у них появились лишь когда они стали манекенами? – спросила Подлодка.

– Мау! Даю хвост на отсечение: пока они были живыми, у них ничего такого не было, – сказала Кошиса. – Я бы обязательно увидела. Уж эта стэвардэсса вертелась вокруг нас и так и этак. Не могли не заметить.

– Так. И что это может значить? – спросила Брунхильда.

- У меня даже предположений нет, моя королева, – ответил Зверюга.
- Их даже у меня нет, – сказал Адя, не нашедши более что сказать.
- И что будем делать? – спросила Подлодка.
- Пойдем, пройдемся по городу, понаблюдаем, – сказала королева.

Они вышли наружу и отправились вдоль по улице. Дома и все окружающие предметы имели обычный вид. С тем лишь отличием, что листья деревьев висели не шелохнувшись. Не было ни дуновения ветра, ни какого-либо другого движения, только мертвая тишина вокруг. У встречавшихся по дороге «прохожих» манекенов присутствовали те же атрибуты: светящаяся косица и синий луч, уходящий в землю.

Однако спустя некоторое время на их пути появился еще один более чем странный объект. Это был прямоугольник, или точнее сказать конструктор, обведенный черной полосой шириной с полметра. Стороны прямоугольника простирались насколько хватало взора: по земле, по небу и во всю ширь. Полоса, собственно, была не черной полосой, а просто пустотой, которая прорезала все, что попадалось на ее пути. На земле – бездонная яма, на небе – зияющая чернота, по бокам – аналогично. Казалось, кусок пространства, включая все, что туда попадало, был тотально вырезан и выброшен в никуда.

Наши друзья пытались вглядываться в пустоту в земле, стараясь из предосторожности не пересекать границу ни рукой, ни головой, но ничего не смогли там разглядеть. Адя даже попробовал бросить туда камушек, но тот просто канул без звука. Обсуждать было нечего, поскольку, когда разум сталкивается с вещами, стоящими вне всяких понятий, ему действительно нечего сказать, и вся наша команда пребывала в тревожном молчании. Зверюга первым отважился, осторожно, сначала протянуть ветку сквозь пустоту. С веткой ничего не случилось. Тогда он решился перепрыгнуть пропасть, благо что она была неширока, и оказался на той стороне. Остальные, хоть и с боязнью, но последовали за ним.

Обернувшись назад, все вздохнули с облегчением. Оглядев конструктор еще раз внимательней, они обнаружили одну любопытную деталь. Пустота, разрезавшая ближайшее здание, не съедала всю его часть целиком, а сохраняла фрагменты по обе стороны так, что их можно было точно совместить. Оказывается, пространство внутри конструктора не выбрасывалось, а разрывалось. Но данный феномен тоже ничего не объяснял, и сам объект от этого, менее странным не становился.

Что ж, друзья двинулись дальше. И тут до их слуха донесся какой-то шум и крики. Они немедленно направились в ту сторону. Пройдя квартал, они оказались на небольшой площади. С краю располагался книжный магазин,

а на самой площади метались люди. Живые.

Одни забегали в магазин и вскорости выскакивали оттуда с книгой в руках. Другие носились по площади, пытаясь увернуться от одного весьма одиозного на вид преследователя. Это был взъерошенный и чем-то взбешенный молодой человек с кипой книг в руках. Он гонялся за беглецами и страшно кричал:

– Я вас всех на-пи-шу-у-у! Не смейте читать мои книги! Я вам не разрешаю! Я скуплю весь тираж!

Догнав одну из своих жертв, он с трудом, но вырывал у нее книгу. Однако жертва не унималась и с визгом снова бежала в магазин. На появление нашей компании никто внимания не обратил, и беготня с криками и визгами продолжалась неустанно. Между тем, среди этой кутерьмы тут и там стояли неподвижные манекены. И было совершенно непонятно, почему одни люди живые, а другие нет.

– Мау! Я его узнала! – воскликнула Кошиса. – Это мой персонаж!

– Твой персонаж? – удивились остальные.

– Ну да, из моей книги. Это писатель, он ненормальный, а это его читатели.

– Уже кое-что проясняется, – сказал Адя. – Так вот почему они живые! Точнее, пока можно только констатировать, что твои персонажи живы, поскольку они твои, и поскольку ты тоже жива.

– Выходит так. Все остальные здешние персонажи – не мои, и потому они манекены. Хотя, все равно непонятно, почему.

– Кошиса, давай тогда попробуй разобраться со своим писателем, – предложила Брунхильда. – Что он такое тут вытворяет?

Вся команда подбежала к безумцу и окружила его.

– Молодой человек, можно вас, на минуточку, только спросить? – обратилась к нему Кошиса.

– Вы читатели?

– Нет-нет, ни в коем случае.

– Тогда слушаю, говорите, только быстрее.

– Скажите пожалуйста, а о чем вы пишете?

– О том, как устроена реальность.

– И как же она устроена?

– А я что, знаю?

– Как же вы пишете книгу о том, чего сами не знаете?

– Она сама пишется, я только по клавиатуре стучу. Еще вопросы есть? Мне некогда! Мне очень и очень некогда! – писатель уже явно терял терпение.

– Но позвольте-позвольте еще минуточку! – продолжала Кошиса. – А почему вы запрещаете своим читателям читать ваши книги?

– А чтоб они, заразы, не узнали, как устроена реальность. Потому что, если узнают, им уже все будет неинтересно. Больше не захотят читать.

– Но вы же им и так читать не даете!

– Потому и не даю, чтоб не переставали хотеть.

– Да, очень своеобразный, я бы сказал, парадоксальный у вас подход к писательскому делу, – включился в беседу Адя. – А можно нам взглянуть на вашу книгу? Мы ведь не читатели.

– Можно. Только я вам не дам. А ну стой! – сумасшедший писатель вдруг сорвался с места и погнался за девицей, только что выбежавшей из магазина.

Догнав, он вцепился в ее книгу и стал вырывать. Та упорно сопротивлялась и визжала. Но тут к ним подскочил Зверюга.

– Погодите, милейший, нельзя так обращаться с девушкой, – Зверюга сам выхватил книгу и быстро ее пролистал. Там были одни пустые страницы.

– Но здесь же ничего нет! – удивился Зверюга. – Здесь вообще пусто!

– Так ведь они, твари, даже с чистого листа умудряются что-то узнавать! – выкрикнул писатель. – Вот я и стараюсь давать информации по минимуму!

– Но меньше уже и некуда!

– Вот и славно. А теперь не мешайте. – писатель собрался было пуститься в очередную погоню, однако наша команда его плотно окружила.

– Ваше величество, – шепнула Корова Брунхильде, – а вы обратили внимание, что у живых не видно косицы с лучом?

– Да, – ответила королева, – но у наших прежних живых знакомых тоже не было заметно. По этому поводу, хочу у него спросить кое-что.

– Уважаемый, – обратилась она к писателю, – а вам не кажется странным, что здесь одновременно одни люди живые и двигаются, а другие стоят неподвижно, как манекены?

– Какие-такие манекены? – буркнул тот.

– Ну вот же, смотрите, – Брунхильда указала на ближайший манекен. – Вы можете это объяснить?

– Объяснить, что?

– Почему он стоит и не двигается?

– Кто он? Где стоит?

– Да вот же, – королева подвела его вплотную к манекену. – А вот там еще один, и еще.

– Чего вы меня морочите? Не вижу я никакие манекены! – писатель был в искреннем недоумении.

– Та-а-а-к, – теперь уже королева пришла в недоумение. – Кошиса, – обратилась она к ней, – вопрос задавать будешь?

– Можно. Только не укокошить бы.

– Посмотрим. Все равно от него проку никакого.

– Кошеладно. Скажите, вы себя знаете? – спросила Кошиса уже малость обомлевшего писателя.

– А как же! Никто не знает меня лучше меня самого! – самонадеянно заявил тот.

– То есть, вы это вы?

– Вопрос не понял.

– Вы можете сказать, что «я это я»?

– Вопрос не понял, – писатель уже был явно озадачен.

– Смотрите, у нас такая игра. Вот мы сейчас все по очереди скажем «я это я», а затем вы, вот и все.

– Вопрос не понял, – заладил свое писатель, но команда уже начала произносить «заклинание» по кругу. Как только круг замкнулся, Кошиса обратилась к писателю:

– А теперь ваша очередь. Вы это вы?

– Вопрос не по... – писатель, не успев договорить, задержался и замер, тут же покрывшись воском. То же самое произошло с его читателями, до сих пор еще бегавшими в округе, но внезапно замершими, как в стоп-кадре. И теперь уже у всех проявились косицы с лучами.

– Ну вот, и этих уколошили, – сокрушилась Кошиса.

– Ничего страшного, – сказала королева. – Я почему-то уверена, что все это временно. Отомрут еще. Тем более, от этих живых мы бы тоже ничего не добились.

– А какое хоть название у книги? – осведомился Адя. – Ну-ка, посмотрим. «Серфинг Трансреальности». И что бы это значило?

– Теперь уже не узнаем, – сказала Корова. – Страницы ведь пустые.

– Нет, ну я не могу! Все это просто окошительно! – воскликнула Кошиса. – Выше моего понимания!

– И моего воображения, – добавил Зверюга.

– И моего погружения, – добавила Подлодка, и тут же задала свой любимый вопрос. – Что будем делать?

– Пойдем дальше, – сказала королева.

И они двинулись вперед по той же улице, поскольку куда-либо сворачивать не было смысла. Но и дальнейшие события развивались не

лучшим образом. Вскоре они опять натолкнулись на черный конструкт. Ну, теперь уже смелее перескочили через пустоту и продолжили движение. По дороге им время от времени попадались застывшие манекены, причем с некоторыми из них, ко всеобщему удивлению, они уже ранее встречались. Однако следующий сюрприз оказался еще удивительней. Друзья пришли к тому же самому Кафе, несмотря на то, что двигались только прямо, никуда не сворачивая.

Что ж, ничего не оставалось, как зайти туда снова. То, что они там увидели, опять повергло их в состояние легкого шока. Обстановка оставалась неизменной, и манекены все те же, вот только позы их были явно другие. Незначительно, но все же заметно поменялись. Не задавая более друг другу лишних вопросов, друзья поторопились на выход и в очередной раз пошли по той же улице, в том же направлении что и раньше.

Ускорив шаг от нетерпения и любопытства, они уже в третий раз миновали конструкт, и снова оказались на площади у книжного магазина. Только теперь, вместо прежней беготни, площадь была заполнена уже знакомыми манекенами во главе с сумасшедшим писателем. Позы у всех опять же были явно иными.

– Я что-то не клеиваюсь, – сказал Адя. – Может они медленно двигаются, а мы не замечаем? Давайте понаблюдаем.

Вся команда присела на скамейку и принялась внимательно приглядываться к манекенам. Но те не обнаруживали ни малейших движений. Друзья, уже довольно приунывшие и уставшие, долго сидели молча. Наконец, Адя подал голос.

– Меня терзает одна жутковатая догадка. Она слишком невероятна, однако другого объяснения у меня нет.

– Не пугай! – воскликнула Подлодка. – И так жуть сплошная!

– Давай, выкладывай! – сказала Корова. – Что еще может быть невероятней того, что мы здесь видели?

– Знаете, где мы находимся?

– Ну где же? Где?

– В кинокартине.

– В какой еще кинокартине? Как это? Почему? – наперебой загалдели все, кроме королевы, которая, по своему обыкновению, сохраняла хладнокровное спокойствие.

– Точнее, на киноленте, которая остановилась, – продолжил Адя. – Вы когда-нибудь видели киноленту? Она состоит из отдельных кадров. Кадры разделены пустыми полосками. В каждом последующем кадре происходят хоть и незначительные, но изменения. Так вот, наша кинолента

остановилась, и все ее персонажи замерли. А мы тут гуляем живьем. Теперь понятно?

Остальные члены команды так и обомлели с раскрытыми ртами. Одна лишь королева сказала:

– Ты прав. Непостижимо, но так и есть.

– А как же писатель с его питомцами? – спросила Корова. – Почему они двигались в кадре?

– Это уже сложнее объяснить, – сказал Адя. – Вероятно, одно кино может существовать внутри другого. Но это не столь важно. Догадываетесь теперь, какой вопрос действительно важен?

– Какой же? Какой?

– Как снова запустить эту ленту.

МЕТАМОРФОЗЫ

Судя по тому, что с нашими героями происходят вещи невероятные или даже невозможные, может казаться, что вся эта история вымышлена. Однако это совсем не так. Во-первых, разум не способен такое придумать. А во-вторых, где вы видели, чтобы герои какого-нибудь фантастического произведения удивлялись тому, что с ними происходит, и сами называли происходящее невероятным?

На самом деле здесь повествуется о реальности в незнакомом обличье. Или точнее, о непознанной стороне реальности. Невероятное – вовсе не значит невозможное. И даже невозможное – едва ли невозможно категорически и бесспорно.

Человек слишком мало осведомлен об окружающем его мире, чтобы авторитетно заявлять, что в принципе возможно, а что нет. Если отвлечься от привычных стереотипов, мы живем в весьма странном мире, чрезвычайно неохотно поддающемся познанию. Например, что мы знаем о Вселенной? Совсем немного.

Наблюдаемая Вселенная простирается на 12 миллиардов световых лет. Это космологический горизонт. За ним ничего не видно. А что дальше? Предположительно, оставшаяся часть Вселенной, которая недоступна наблюдению.

Вселенная, насколько во всяком случае известно, родилась 14 миллиардов лет назад. Это абсолютное прошлое относительно текущей точки наблюдения. Если конечно теорию Большого взрыва, «с чего все началось», считать правильной.

За пределами космологического горизонта простирается огромное число невидимых галактик еще на невесть сколько миллиардов световых лет. Но что, все-таки, дальше? Бесконечная пустота? Что-то не верится, особенно с учетом того, что наблюдателю открывается лишь мизерная часть реальности. В оставшейся части по-прежнему – бесконечная неизвестность.

Число всех песчинок на Земле меньше, чем число звезд во Вселенной. А атомов в одной песчинке больше, чем всех звезд. Внутри песчинки – целая вселенная атомов. А сколько вселенных внутри атома – и не счесть, потому что внутрь можно двигаться так же бесконечно долго, как и наружу.

После всего этого, что может знать разум о Вселенной, или скажем так, о действительности? Тем более что действительность – это всего лишь

один из аспектов реальности. Реальность в общем целом включает в себя все что было, что есть, и что могло бы быть. Первое и третье, условно говоря, относится к метареальности. Второе к действительности. Но в чем принципиальное различие между тем и другим?

Наши герои до сих пор так и не смогли определить, чем отличается мир сновидений от явленного мира. Пока что «невозможное» творится с ними в метареальности. Но кто осмелится однозначно утверждать, что в действительности подобное не может иметь места? «Возможно или невозможно» – это лишь с точки зрения разума. А вот «реально или нереально» – это уже совсем другое дело, к разуму отношения не имеющее.

* * *

Жрица Итфат и дива Матильда, после того как мы их оставили уснувшими в мегалите, очнулись в каком-то другом пространстве и в мягко говоря невозможном для себя состоянии.

– Тили, это что, твое сновидение?! – воскликнула Итфат.

– Что-что? Не поняла... – спросонья ответила Матильда.

– Мы в твоём сновидении, спрашиваю? О чем ты думала, когда засыпала?

– Не помню. А где мы?

– Лично я в тарелке. А ты где? Что ты видишь?

– Ой, кажется, я тоже в тарелке. Фати! Что происходит?

– А то, что ты законченная лакомка, вот что!

– Почему?

– Потому что мне такое в голову не могло прийти. Ты хоть соображаешь, кто мы?

– А кто мы? – продолжала лепетать Матильда, еще не совсем проснувшись.

– Я халва!

– Ты с ума сошла!

– А ты? На себя посмотри!

– У-ля-ля, Фати! Я коржик!

В видимой области пространства и в самом деле стоял стол, освещенный откуда-то сверху. На столе стояли две тарелки, в одной из которых лежала халва, опоясанная бриллиантовым ободком, а в другой коржик, повязанный розовым бантиком. Больше ничего вокруг не было видно.

– А-ха-ха-ха! – рассмеялась Матильда каким-то глупым смешком.

– Тебе еще и весело?! – закричала на нее Итфат. – Поздравляю! Коржик с бантиком!

– А ты тоже, что-то такое несуразненькое, с воротничком! А-ха-ха-ха!

– Зато я вкусная!

– А я вкуснее!

– Нет я вкуснее!

– Нет я!

Подруги, непонятно по какой причине, взялись спорить меж собой, едва не доходя до ссоры, будто были не в себе. Впрочем, конечно же они были не в себе, в таком-то виде.

– Ну ладно, Фати, давай успокоимся. Расскажи, как ты себя ощущаешь?

– Я халва, люблю крошиться, рассыпаться и пачкаться.

– А я коржик, я такой кругленький, из песочного теста, сверху посыпан сахаром и орешками.

– А я халва!

– А я коржик!

– А я халва!

– А я коржик!

– Ну хватит уже! – остановилась Итфат, – Тили, с нами что-то не так. Я будто теряю осознанность.

– И у меня какое-то замутнение сознания, – ответила Матильда. – Как мы оказались в таком обличье?

– Говорю же, мы попали в твое сновидение, лакомка!

– А почему в мое, а не в твое?

– Наверно, я тогда еще не успела войти в сон, а ты вошла первой.

– И как нам теперь выбираться? Снова засыпать, что ли?

– Должен быть другой способ. Нам надо научиться как-то перемещаться в этом пространстве. Засыпание плохо контролируется.

– Мы уже пробовали перемещаться с помощью движочка-рычажочка, представляя в мыслях «пункт назначения», – сказала Матильда. – Помнишь, нас тогда расплющило.

– То было в мегалите, – ответила Итфат. – Мегалит слишком сильно реагирует.

– А сейчас мы где?

– Понятия не имею. Дальше своей и твоей тарелки ничего не вижу. Но точно не в мегалите.

– Мы еще возле зеркала перемещаться пытались, так оно нам всего

лишь кино показало, как на экране.

– То зеркало. Может, оно по-другому и не работает.

– И остановленное сновидение запускать пробовали, и в тот раз не получилось, пока не заснули. Может, все-таки, лучше опять заснуть?

– Нет времени, Тили! – вдруг закричала Итфат. – Меня кто-то начинает есть!

В этот момент ложка в чьей-то руке зачерпнула кусочек халвы и унеслась куда-то вверх.

– Фати, да ты что! – всполошилась Матильда.

– Меня-меня! – снова закричала Итфат. – Едят-едят!

– Фати! Скорей активируй свой движочек и уноси нас отсюда!

– Сейчас попробую. Только бы нам вместе унести.

– Так ты и представляй нас вместе! Чтобы мы вместе улетели! Пока тебя совсем не съели-и-и!

– Сейчас-сейчас!

Ложка опять опустилась сверху, чтобы зачерпнуть халвы.

– Фати скорей!

В тот же миг окружающее их пространство закружилось, свернулось в точку, а затем в обратном водовороте развернулось буквально в водную толщу. Дива и жрица оказались в морской глубине. По всей видимости, где-то неподалеку от рифа или атолла, о чем свидетельствовали кораллы, светлая прозрачная вода и разноцветные рыбки повсюду.

– Фати, ты в порядке? – первым делом поинтересовалась Матильда.

– Кажется, да, – ответила Итфат.

– Ты куда нас забросила? Почему в море?

– Прости, случайно получилось. Мысль о море почему-то промелькнула первой.

– Ну ты даешь! Нет чтоб на берег хотя бы! И что мы тут будем делать?

– Во всяком случае это лучше, чем быть лакомством, которое в любую минуту могут съесть.

– А разве здесь нас не могут съесть? Ой, а как мы тут разговариваем, а как мы тут дышим? – посыпала вопросами Матильда.

– А как ты разговаривала и дышала, когда была коржиком, Тили? Мы же в пространстве сновидений, забыла, что ли?

– О, когда я была коржиком, это было нечто! Но сейчас себя чувствую вообще превосходно!

Дива осмотрела себя, поводила плавниками, повиляла хвостом, поразевала пасть, поцокала крепкими зубами, и похоже, осталась довольна. Жрица, напротив, все никак не могла свыкнуться с новым обликом, и

только таращилась на подругу, разинув пасть.

– Тили, ради всех богов, кто мы?!

– Мы рыбищи, Фати! Большие рыбищи! Рыбищи-барракудищи! Я видала таких в океанариуме.

– Так это мое сновидение, или твое?

– Не знаю. Может, наше общее, каким-то образом.

– Мы еще не научились управлять перемещением. Это плохо.

– Да ладно, Фати! Давай поплаваем! Когда еще выдастся такая возможность? Посмотри на себя. Хорошо выглядишь! У тебя даже твой воротничок сохранился.

– А у тебя бантик.

У жрицы и в самом деле, сразу за передними плавниками находился ее бриллиантовый ободок. А у дивы на хвосте ее розовый бантик.

– А нас кто-нибудь ест? – спросила Итфат

– Нет, нас никто. Это мы всех едим. Всех, кто меньше нас.

– Хей! Давай тогда покормимся! Я, после того как меня чуть не съели, готова сама кого угодно съесть.

– Давай!

Рыба-жрица принялась осматриваться по сторонам, а рыба-дива, воспользовавшись моментом, подплыла сзади и куснула подругу за хвост.

– Ах ты дрянь! Ты меня укусила! – вскрикнула Итфат и погналась за негодницей.

– Не могла удержаться, Фати-и-и! – Матильда уже вовсю улепетывала, виляя бантиком.

Так они резвились, гоняясь друг за дружкой и за мелкими рыбками.

– Ты кого там без меня глотаешь? – спрашивала Итфат.

– А я что, советоваться с тобой должна, кого мне глотать? – отвечала Матильда. – Ам!

– Потому что делиться надо!

– Да как с тобой делиться, с такой прожорливой рыбищей?

– Смотри, там среди камней осьминожка! Наверно вкусная!

– Не трогай осьминожку, она хорошая! Плыдем лучше вон туда, видишь, стая глупых селедок! Давай на них нападём?

– Давай!

Наплававшись вволю и наевшись, рыбищи-барракудищи устроились на песчаном дне отдыхать.

– Ну что дальше, Фати?

– Все-таки, нужно выбираться отсюда. Нам здесь не место.

– А славно поплавали и поохотились! Вернемся сюда еще как-нибудь?

– Тили, нам бы в материальный мир вернуться, вот о чем следует думать.

– Но как это сделать?

– Надо пытаться. Надо учиться перемещаться. Теперь твоя очередь. Попробуй перенести нас куда-нибудь в привычную среду.

– В привычную для кого? Мы ведь с тобой в совершенно разных мирах жили.

– Ну хотя бы в твою среду. Главное, внимательно следи за тем, чтобы мы в своих манекенах оказались, а то опять превратимся во что-то несусветное.

– Так. Я поняла, – сказала Матильда. – Нам надо в свои манекены перебраться. В свои манекены надо. В свои манекены...

Тут водное пространство закружилось в гигантском водовороте, свернулось в точку, а затем развернулось.

Торговый центр был слабо освещен приглушенным светом. По всей видимости, было ночное время и вокруг ни души. За стеклянной витриной стояли два манекена из белого пластика. Одетые в женские наряды по последней моде, они, кроме всего прочего, имели два характерных атрибута: у одного манекена на шее выделялся бриллиантовый воротничок, а у другого на пояснице большой розовый бант.

ДЕФИЛЕ МАНЕКЕНОВ

В торговом центре стояла мертвая тишина. Круговая галерея была погружена в полумрак, и только неподвижные манекены в стеклянных витринах были немного подсвечены. Один из манекенов, одетый в томное вечернее платье с бриллиантовым воротничком и шляпой на голове, пошевелился, повернул голову в сторону своего соседа и заговорил. Бесстрастное лицо из белого пластика при этом оставалось застывшим.

– Матильда! Ты куда нас забросила?

Второй манекен, в брючном костюме с притороченным не к месту бантом за спиной, задвигал руками и ногами, обернулся и ответил с такой же бесстрастной миной на лице:

– Фати! Я ошиблась маленько. Старалась, чтоб мы в своих манекенах оказались, а вышло вот как.

– Мы кто? Мы где?

– Мы манекены. Буквально. В магазине одежды, похоже.

Дива и жрица сошли с пьедестала и прогулялись вдоль стеллажей и вешалок. Двигающиеся и разговаривающие манекены, притом что их пластиковые лица сохраняли неподвижность, смотрелись странно, если не сказать жутковато.

– Ух ты, неплохие вещицы, надо бы примерить! – воскликнула Матильда, перебирая висевшие костюмчики.

– Тили! Нашла время! – осадила ее Итфат. – Нам надо в свой нормальный облик преобразиться, в свою одежду.

– А я в нормальном облике. В очень даже нормальном! Покупатели ходят, смотрят на меня и завидуют.

Матильда как ни в чем не бывало продолжала осматривать костюмы и платья. Итфат, будто заразившись, начала делать то же самое.

– Тебе завидуют, а мной восхищаются! – сказала она, поправив свою шикарную шляпу. – Видишь, какая я!

– А почему ты одета лучше меня? – ни с того ни с сего агрессивно ответила Матильда. – Ненавижу тебя!

– Ах вот как! – Итфат взяла и толкнула подругу так, что та завалилась, опрокинув вешалки.

Поднявшись, дива набросилась на жрицу и начала рвать на ней платье. Та с наименьшей злостью принялась трепать соперницу.

– Только попробуй тронуть мой бант, шлюшка! – орала вне себя

Матильда.

– Мой бриллиантовый воротничок просто блистательный! – еще громче кричала Итфат. – Тебе до меня далеко, уродина!

– Да я тебе руку отломаю!

– А я тебе голову окручу!

Жрица и в самом деле свернула диве голову, та отвалилась и покатила по полу. А дива с силой рванула руку жрицы и отбросила в сторону. Не обращая внимания на потери, они продолжали терзать друг дружку с тем же неистовством. Однако их ярость утихла так же внезапно, как и появилась.

– Ладно, мне не нужна победа, – неожиданно спокойным голосом заговорила Итфат.

– Важнее сохранить отношения, если они ценны, – ответила Матильда, несмотря на отсутствие головы.

– Да, никакая победа не важнее хороших отношений.

– Я есть у тебя, а ты есть у меня.

– Извини, вот, я поставила тебе голову на место. Ты как новенькая.

– А я тебе руку обратно присобачила. Даже лучше стало.

Они поправили друг на дружке одежду примирительным, хоть и бесполезным жестом, поскольку все их одеяние было разорвано в клочья.

– Ненависть – очень хорошее чувство. Равнодушие и безразличие – вот плохие чувства, – продолжала Итфат.

– Да, ненависть это круто, – согласилась Матильда.

– Я тебя ненавижу, значит, я к тебе равнодушна, значит, ты мне безразлична.

– Один наш писатель сказал: «Тот не научится любить, кто не умеет ненавидеть».

– Да, я тебя люблю ненавидя.

– А я тебя ненавижу любя.

– Что?! – опять начала заводиться Итфат. – Ты меня ненавидишь?!

– Нет, я тебя не ненавижу, – повысила голос Матильда. – Я тебя просто убью, при первой же встрече!

– Ну вот эта встреча и состоялась! Тебе опять оторвать голову, чучело?

– Нет, теперь я тебе башку отвалю, сучка!

– Ах ты тварь!

Они снова вцепились друг в дружку, повалились и принялись кататься по полу, не скупясь на оскорбления. Но так же внезапно остановились.

– Фати, что мы делаем? – очнулась Матильда.

– От любви до ненависти один шаг, Тили, – сказала Итфат.

- И от ненависти до любви. Но зачем нам ненависть?
- Не знаю, мы будто не в себе.
- Да, с нами что-то не так.

Они встали, растрепанные и удивленные, словно отряхнувшись от наваждения.

– Пусть ты будешь такой, какая ты есть, а я останусь такой, какая я, – сказала Итфат.

- Просто, не будем друг к дружке приставать, – сказала Матильда.
- Точнее, не будем друг от дружки постоянно чего-то требовать.
- И ждать.
- Я позволяю тебе быть тобой.
- И я тебе тоже.
- Ты свободна, и я свободна.
- Мы свободные, и мы вместе.
- Я есть у тебя, а ты есть у меня.
- Мне нужна ты, а тебе нужна я.

Итфат промолчала.

- Или не нужна? – насторожилась Матильда.
- А почему ты не такая, как я хочу?! – неожиданно возмутилась Итфат.
- А почему ты не делаешь то, что я тебе говорю?!
- Да не нужна ты мне такая!
- И ты пошла вон, не хочу тебя больше видеть!

Они опять уже были готовы вцепиться друг в дружку, но Итфат вдруг опомнилась и встряхнула головой.

- Илит! Проснись!
- Как ты меня назвала?
- Вспомни свое второе имя!
- Я Илит. А ты Тафти. Ты Тафти! А я Илит! Что с нами?

– Мы засыпаем. Погружаемся в сновидение манекенов и забываем себя. Скажи себе: я это я!

– Я это я! – Матильда встрепенулась и тоже проснулась, – Фати! Какое вязкое сновидение!

– Да, оно прямо засасывает, – сказала Итфат. – Сознание затуманивается и уводится. Нельзя терять осознанность!

– Не могу поверить, что с нами такое было! Мы вели себя как монстры! Какая жуть!

– Так случается, когда погружаешься в сновидение. Особенно чужое. Себя забываешь напрочь. Но такого сумасшествия и беспамятства со мной еще не случилось.

– Точно. Я была вообще не я! И сновидение не мое. Будто я вселилась в чужого. Или чужой в меня вселился? Никогда еще не приходилось бывать в чужом сновидении.

– Нет, приходилось-приходилось! – возразила Итфат. – Ты что забыла, как превратилась в коржик, а потом в рыбу?

– Ой да! – спохватилась Матильда. – Когда я была коржиком, а ты халвой, мы были такие пустые и глупые! Но манекены вообще безмозглые! И злые какие!

– Они скорей бездушные.

– Но почему злые? Никогда не думала, что они могут быть такими. И мы сами стали как они!

– Да уж, когда мы были рыбами, мы были более адекватными, похожими на себя.

– Манекены самые тупые, оказывается. Как хорошо, что вырвались из них!

– Еще не вырвались, Тили. Мы вышли из ихнего кино, из ролей. Но мы по-прежнему не в своих телах.

– Ой да! – снова спохватилась Матильда. – Нам надо поскорей в свои тела, в свои манекены вселиться! А то у меня что-то, сознание так и норовит опять в сон провалиться!

– Не проваливайся! Вспоминай: что значит владеть собой?

– Владеть собой означает владеть своим вниманием.

– А еще?

– Когда ты что-то делаешь, надо задаваться вопросом: ты это делаешь сама, или что-то ведет тебя?

– Верно. Когда внимание ведется сценарием, ты погружаешься в сновидение, в кино. Мы в кино погрузились, а себя потеряли. Теперь, чтобы проснуться в кинокартине, нужно обернуться своим вниманием на себя.

– Все, Фати, я окончательно проснулась! – сказала Матильда. – Сейчас твоя очередь нас переносить.

– Думаю, для нас самое главное – переместиться, наконец, в свои тела, в свои манекены.

– Тогда давай пока останемся здесь, где мы есть, а переместимся только в свои тела.

– Да, я сосредоточусь только на этом, – сказала Итфат и начала выполнять свое магическое действие. Слегка наклонилась, опустив голову, а затем одним движением вскинула руки до уровня плеч, согнув их в локтях, и распрямилась с возгласом:

– У-У-У-У-ЛЯ!

В тот же момент оба манекена пластично трансформировались в двух экстравагантных особ.

Одна была одета в длинное платье до пят из темно-синего бархата, с шейным воротничком, усыпанным бриллиантами. Лицо покрыто устрашающей ритуальной раскраской багрового цвета с белыми пятнышками под зелеными глазами. Черные волосы пострижены в каре. Брутальная, но в то же время изящная и красивая жрица.

Другая была одета в темно-зеленый комбинезон и розовые туфли на высокой платформе. На лице синий грим, включенные волосы выкрашены в светло-голубой цвет, а на поясице огромный розовый бант. Аутентичная дива, или даже скорее, большая живая ляля. Тоже красива, но необыкновенной, не кукольной красотой.

Красная брюнетка и голубая блондинка, посмотревшись в зеркало, несказанно обрадовались своему оригинальному обличью, по которому уже успели соскучиться. Жрица засмеялась и закружилась, а дива принялась прыгать и хлопать в ладоши.

– Фати! Мы это снова мы! – кричала Матильда. – Хела!

– Эй-эй! И мои туфельки при мне! – кричала Итфат. – И я вся при себе!

Так они еще некоторое время веселились, но потом вдруг осеклись, будто вспомнив о чем-то. Они ведь еще толком не знали, где находятся. Глянув друг на дружку, дива и жрица молча взобрались на постамент витрины и принялись осматриваться по сторонам через стекло, не решаясь пока выйти наружу.

Внезапно, везде и повсюду, громко заиграла объемная музыка, и в тот же миг манекены во всех витринах ожили, сошли со своих мест и высыпали пестрой толпой в галерею. Двигаясь в танце, они развернулись в поистине фантасмагорическом марше по всей окружности галереи. Пространство торгового центра, утопленное в полумрак, теперь было заполнено музыкой и движением.

I got the eye of the tiger, a fighter,

Dancing through the fire,

Cause, I am a champion and you're gonna hear me roar!

Louder, louder than a lion,

Cause, I am a champion and you're gonna hear me roar!

O-o oh, oh, oh, o-o! O-o oh, oh, oh, o-o! O-o oh, oh, oh, o-o!

You're gonna hear me roar.^[10]

Манекены собрались всевозможных мастей: белые, черные, бежевые. С париками и без. С лицами бесстрастными и неподвижными. Некоторые,

те что демонстрировали бикини, были без голов и с обрубками рук и ног. А те, что демонстрировали штаны, были лишены верхней части туловища. Впрочем, отсутствие каких-либо частей тела не мешало фигурам имитировать танец, хоть и выглядело это жутковато.

В общем целом дефиле манекенов производило зловещее впечатление, в особенности из-за того, что их танцевальные движения были не плавные, а механически-порывистые. Дива и жрица замерли и наблюдали за всем этим действием не шелохнувшись, чтобы не выдать своего присутствия.

Когда песня закончилась, и музыка стихла, манекены остановились и начали разбредаться кто куда. Бóльшая часть направилась в магазины. Одни заняли место за стойками в качестве продавцов, а другие, на манер покупателей, выбирали и примеряли одежду. Вторая часть обосновалась в кафе. Одни сидели за столиками и имитировали, будто что-то пьют и едят, а другие их обслуживали. Еще какая-то часть манекенов разместилась в игровой зоне и принялась за игры, кто в бильярд, кто в кегли и прочее. Остальные просто гуляли по галерее.

– Фати, они копируют людей! – прошептала Матильда. – Делают все в точности как мы, когда находимся в торговом центре. Представляешь?

– Тише, не двигайся, – ответила ей Итфат, – понаблюдаем еще немного.

Кроме того, манекены еще каким-то образом общались меж собой. Они поворачивали головы друг к другу, издавая громкий, но невнятный шепот, тогда как их лица и губы оставались застывшими в неподвижной маске. В результате отовсюду, со всех сторон доносилась и слышалась какофония непонятных и несвязных слов, временами то затихая, то нарастая вновь.

– Фати, давай уже предпримем хоть что-нибудь, – не утерпела Матильда. – Не все же нам тут стоять как статуям.

– Ладно, – сказала Итфат, – попробуем выйти.

Они спустились с постамента и направились к выходу из магазина, не очень решительно, поскольку не знали, какая последует реакция. И действительно, только лишь они вышли в галерею, как все манекены на мгновение замолчали и замерли. А затем все как один резко повернулись туда, где появились подруги, и двинулись на них с явно враждебными намерениями.

Дива и жрица бросились бежать. Манекены, теперь уже в полном молчании, шагали неторопливо, но уверенно, вытянув руки в сторону беглецов. Шагали и те, кто был без туловища, и даже без ног.

– Фати, чего они от нас хотят?! – спрашивала Матильда.

- Не знаю! – отвечала Итфат на бегу.
- А что будет, если они нас поймают?
- Лучше не проверять!
- Надо найти выход! Бежим по кругу!

Погоня продолжалась повсюду, потому что манекены были везде. Везде, куда бы ни кинулись подруги, на них наступали ожившие и в то же время безжизненные статуи. Уворачиваясь от преследователей, дива и жрица пытались бежать вдоль галереи, однако выхода так нигде и не было видно. Казалось, этому кошмару не будет конца.

Но вот настал критический момент. Манекены, будто сговорившись, выстроились в ряды по две стороны галереи, отрезав пути к отступлению. Расставив руки, они стали сжимать кольцо. Теперь подругам деваться было некуда.

Жрица, заметив небольшую нишу в стене, метнулась туда, увлекая за собой диву.

- Тили, замри! – шепнула Итфат, и сама замерла в неподвижности.

Матильда, не задавая вопросов, сделала то же самое.

Манекены тут же пришли в замешательство. Они стали крутить головами и бормотать что-то невнятное друг другу. Похоже, цель погони для них была потеряна. Манекены, как слепые, принялись беспорядочно сновать по всем направлениям с вытянутыми руками. Они проходили мимо застывших подруг, не замечая их, и в конце концов разбрелись кто куда, не прекратив, однако, поиски.

- Тили, они нас не видят, пока мы не двигаемся! – прошептала Итфат.
- Да! – ответила тихонько Матильда. – Как ты до этого додумалась?
- Чисто интуитивно, спонтанно.
- Что будем делать? Переместимся?
- Нет, я хочу попробовать кое-что другое.

Жрица закрыла глаза, на чем-то сосредоточившись, а затем резко их открыла и...

Все вокруг остановилось. Фигуры манекенов, проходивших мимо, замерли в стоп-кадре. И все пространство буквально зависло, о чем можно было судить по мелким блестящим хлопьям, неведь откуда взявшимся и висевшим в воздухе, словно застывший в падении снег.

Матильда отмерла первой и в изумлении спросила:

- Фати, что ты сделала?
- Остановила кино, – ответила Итфат, тоже пошевелившись.
- Как тебе это удалось?
- Да просто, задействовала свой движочек-рычажок и представила,

что все вокруг застыло.

– Значит, кино манекенов остановилось, а мы в нем нет? И мы можем тут свободно гулять? Обалденно!

Подруги вышли из ниши и сделали несколько шагов по галерее. Манекены оставались неподвижными.

– С нами уже происходило нечто подобное, – сказала Итфат. – Помнишь? Когда сновидение остановилось, и гламроки так же замерли.

– Тогда было нечто другое, – сказала Матильда. – Они все-таки двигались, только в очень замедленном темпе. Тогда какие-то фокусы со временем были.

– Может и сейчас то же самое? Но тогда не было этих хлопьев... Хей! Смотри, что это?

Жрица указала на манекен, стоявший поблизости. У него из затылка выходило какое-то сплетение, похожее на косицу. Сплетение светилось белым сиянием и, заканчиваясь где-то между лопаток, перетекало в тонкий синий луч света, уходящий вертикально в пол. Аналогичная картина наблюдалась и у других манекенов, даже у тех что были с неполным телом, и у которых косица выходила из спины или поясницы.

– Фати! – всполошилась Матильда. – У тебя то же самое!

– Что? У меня? – удивилась Итфат, и тут же, как громом сраженная воскликнула. – О боги! И у тебя тоже!

Теперь они видели, что светящиеся косицы были у них обеих, с теми же синими лучами, уходящими в пол. Тут жрица, отчего-то придя в крайне возбужденное состояние, закричала:

– Тили, я вспомнила, Тили!

– Что?

– Скажи, где сейчас твое внимание?

– Что? – в недоумении заладила Матильда.

– Внимание себе верни! Скажи себе: я это я!

– Я это я, – сказала Матильда.

– Я это я! – повторила Итфат.

В тот же момент, синие лучи у обеих подруг исчезли, остались лишь светящиеся косицы.

– Я поняла, я вспомнила! – снова закричала Итфат.

– Что?! Что ты вспомнила?! – воскликнула Матильда.

– Я знаю, что это за движочки-рычажочки у нас за спиной!

КАРАМИЛЛА-МАРАВИЛЛА

В прошлый раз мы оставили нашу «экспедицию крышки» на площади, где они сидели в растерянности оттого, что кинолента остановилась, и все персонажи, во главе с сумасшедшим писателем, замерли.

– Что будем делать? – как обычно спросила Желтая Подлодка, и тут же сама ответила. – А что если нам вернуться по ленте обратно, до того кадра, как все остановилось, а потом еще немного назад?

– Да, это может быть интересно, – сказал Адя Зеленый. – Но что еще интересней, откуда у легкомысленной блондинки такие глубокие мысли?

– А ты у нас такой весь умник-разумник, что дальше некуда! – ответила ему Подлодка.

– Это кошевительно интересно, – сказала Кошиса. – Что там, на предыдущих кадрах? Ведь мы там должны встретить самих себя?

– Может так, а может и нет, – предположила Оранжевая Корова. – Если Адя прав, и мы гуляем живьем в застывшей кинокартине, тогда мы вышли из кино, и нас не должно быть на кадрах.

– Если мы там встретим самих себя, это будет нелогично, – подал голос Зверюга.

– Но, если мы не найдем себя на кадрах, предшествующих тому, в котором кино остановилось, это будет тоже нелогично, ведь мы там присутствовали, – заметила Корова.

– Так или иначе, если произойдет что-то нелогичное, тогда, возможно, кинолента и запустится, – сказал Адя. – Мы прошли три кадра, значит, надо вернуться обратно, и на четвертом посмотреть, что будет.

– Идем, – просто скомандовала королева Брунхильда.

Им пришлось проделать обратный путь, несмотря на то, что все уже порядком устали. Друзья трижды пересекли промежутки между кадрами и оказались в том кадре, где кино остановилось. Они снова заглянули в кафе, там все оставалось по-прежнему: неподвижные манекены в тех же позах. Наконец, они пересекли четвертый промежуток. Здесь тоже ничего не поменялось – полная статичность, как на фотоснимке. Наших героев не покидало ощущение, что они и в самом деле гуляют внутри фотоснимка, только объемного. Очень странное ощущение, от которого им всем было не по себе.

Но вот внезапно пространство шелохнулось, и подул легкий ветер. Деревья зашелестели листьями, появились другие звуки, прохожие

манекены ожили, зашевелились, машины на улицах тронулись с места, все это сначала в замедленном темпе, а затем с ускорением, пришло в свое естественное движение.

– Ух ты! – только и проронила Подлодка.

Остальные с аналогичными возгласами дружно выдохнули, как на сердце отлегло.

– Больше не будем никого «укокошивать», без крайней необходимости, – сказала Брунхильда.

– Да уж кошечно! – согласилась Кошиса.

Друзья вышли на площадь. Там уже никого не было, за исключением редких прохожих, а книжный магазин был закрыт. Пройдя еще квартал, они остановились у дверей знакомого кафе.

– Заглянем? – предложил Адя.

Внутри оказалось, что все посетители уже ушли, а уборщица мыла пол, двигая стульями. К ним вышла та самая официантка и объявила:

– Мы уже закрываемся! Хотите снова сделать заказ? Приходите завтра.

– Да? – ответил за всех Адя. – Ладно, спасибо, до свидания.

Они повернулись и вышли на улицу.

– Надо же, разговаривает, как ни в чем не бывало! – удивилась Подлодка.

– Да, будто ничего не случилось, или будто не помнит, – сказала Корова.

– И кино как-то быстро прокрутилось вперед, – сказала Кошиса.

– Хорошо еще, что не назад, – отметил Зверюга.

Тем временем уже смеркалось.

– Нам надо куда-то устроиться, – сказала королева.

– Я бы вас пригласила к себе, – заволновалась Кошиса, – но не знаю, будет ли вам удобно, у меня довольно тесно, я живу не особо кокошно.

– Не беспокойся, Кошиса, мы найдем какой-нибудь отель, – успокоила ее Корова.

– И я тогда с вами, – сказала Кошиса. – А вот, там, по-моему, это гостевой дом.

Невдалеке призывно сиял и светился особняк, помпезно украшенный шариками, ленточками и лампочками. Над парадным подъездом большими неоновыми буквами было выведено: «Вилла Маравилла».^[11]

Они позвонили в колокольчик, и дверь сама распахнулась. Компания, войдя внутрь, оказалась в просторном зале, посреди которого стоял большой массивный стол с такими же грандиозными стульями, с потолка свисала не менее грандиозная люстра, в дальней стене уютно горел камин,

а на второй этаж вела представительная деревянная лестница, переходящая в балюстраду.

Оттуда, со второго этажа, неторопливо и важно, к ним спустилась дама средних лет, одетая в пышное платье с бусинками и рюшечками, и с еще более грандиозной, нежели все остальное, прической, которая представляла собой начес высотой около полуметра.

– Какой коссаж! – не удержалась Кошиса.

– Тсс! – зашипела на нее Корова. – Видишь, как тут все важно-валяжно.

– Не коссаж, а церемониальный антураж! – провозгласила дама. – Я Карамилла, хозяйка виллы Маравиллы!

Брунхильда вышла вперед.

– Здравствуйте, нельзя ли остановиться у вас на ночлег?

– Вы торжественные? – задала вопрос дама.

– Что? – обронила королева, не поняв.

– До чрезвычайности! – быстро среагировал Адя, видимо, что-то смекнув. – Вот смотрите, это наша Киса-Кошиса.

Он посторонился, продвинув вперед Кошису. Кошиса подняла лапки, распушила хвост и скусила мордочку.

Хозяйка обошла Кошису, пристрастно ее осматривая, и похоже, осталась удовлетворенной.

– Да, вы торжественные. Ну что ж, тогда я, милейшая Карамилла, ошеломляюще вас приветствую в нашей вилле Маравилле! – она говорила высоким горловым голосом, стараясь подчеркнуть весь пафос происходящего. – Прошу за мной, за мной!

Милейшая Карамилла профланировала к столу и парадным манером обошла его вокруг, в то время как вся компания послушно следовала за ней.

– Амбициозный вальс! – произнесла милейшая Карамилла. – Прошу садиться за стол, за стол!

Друзья принялись рассаживаться, а хозяйка наблюдала, согнув руки в локтях. Брунхильда села во главе стола возле камина. Остальные расположились по бокам. Для Зверюги, однако, было задачей, где сесть: рядом с королевой, или с Кошисой? Он выбрал нейтралитет и уселся между Коровой и Подлодкой.

– Авантажный паритет! – с удовлетворением изрекла милейшая Карамилла. – Орнаментально! Прошу вас подождать, не ведая печали! Вам будет предложен легкий, эфирно-ненавязчивый ужин!

– Благодарим вас невообразимо, просто неимоверно, милейшая Карамилла, за столь радикально-гостеприимный прием! – изрек Адя.

Хозяйка кивнула, насколько это позволяла прическа, и удалилась эпатажной походкой, двигая плечами с поднятыми в локтях руками, и сопровождая себя очередной непонятной фразой:

– Официальная мода!

– Ну, Адя, – сказала Корова, – наконец, ты нашел достойную твоего красноречия собеседницу.

– Говорите тише, нас могут слышать, – предупредила всех Брунхильда.

– Ой, какая странная особа! – тихонько воскликнула Подлодка.

– А по мне, так лучше велеречивая вежливость, чем грубая прямота, как у той официантки, – отповедал Адя.

– Да кошеладно, пока все неплохо, – сказала Кошиса.

– А ты, Зверюга, мог бы сесть рядом со мной по правую руку, – с упрёком в голосе заметила королева. Хотя раньше такое пожелание было бы совершенно ей несвойственно.

– Или рядом со мной, мой господин, – вставила Кошиса.

– Прошу прощения, моя королева, и ты Кошиса, – пришлось оправдаться Зверюге. – Я еще не вполне освоился со своим новым обликом, чувствую себя как не в своей тарелке.

– Позвольте выразить мою благодарность за честь, Ваше величество, – пришлось оправдаться так же и Аде.

(Адя сидел справа от Брунхильды, а Корова слева.)

– Неважно, – сказала королева.

Между тем милейшая Карамилла ждать себя не заставила. Она принесла с собой огромные плоские тарелки и церемонно разместила их перед каждым гостем, благо что размеры стола это позволяли. Затем, в противоположность масштабным тарелкам, по всему столу разложила легкие закуски и печенье в малюсеньких, но правда многочисленных блюдечках. Столовые приборы были столь же многочисленны и всевозможны. В завершение был подан здоровенный чайник, в контрасте с маленькими чашечками.

– Эпохальный концерт! – торжественно провозгласила милейшая Карамилла, закончив сервировку. – В нашей вилле Маравилле все изумительно и восхитительно!

– Точно так, милейшая Карамилла, – аналогично торжественно произнес Адя. – Ваш стол просто ослепительный, головокружительный, умопомрачительный!

– Орнаментальный, – снисходительно добавила милейшая Карамилла и собралась покинуть гостей, обронив очередную фразу:

– Мимолетные влияния!

– Простите, а на что влияния? – не утерпев, поинтересовалась Подлодка, прежде чем хозяйка успела уйти.

Та повернулась и с удивлением ответствовала:

– На беспечность, конечно же!

– А чьи это влияния? – продолжала расспрашивать Подлодка в надежде хоть что-то понять.

– Астральные! – манерно-обиженно воскликнула милейшая Карамилла, недоумевая, что гости не знают таких элементарных вещей. – Но, если вам больше по вкусу патетично-философские беседы, нежели мои угощения, тогда могу дать задачу.

– Какую задачу, простите? – спросила ошарашенная Подлодка.

– Итак, постановка задачи: вернуть объемы, воцарившиеся в мечте.

– Нет-нет, спасибо огромное, милейшая Карамилла, – вмешалась Корова. – Мы лучше отведаем ваших угощений!

– Да будет так! – провозгласила милейшая Карамилла и удалилась, слава богу, без дальнейшего усложнения ситуации.

Компания принялась за ужин неторопливо и с удовольствием. Вся обстановка располагала к комфортному времяпровождению, несмотря на экстравагантное поведение хозяйки. К тому же, милейшая Карамилла оказалась столь любезной, что не навязывала гостям свое общество и где-то занималась своими делами. А у наших друзей, наконец, появилась возможность все спокойно обсудить.

– Ну, что будем делать? – спросила Подлодка.

– В смысле? – отозвался Зверюга.

– Смысл проблемы понятен, – взялся ответить Адя. – Теперь, наряду с крышкой, у нас имеется другая загадка: кинокартина.

– И почему эта кинокартина может останавливаться, – добавила Корова.

– А еще эти странные светящиеся сплетения у манекенов, похожие на косицы, а еще синие лучи, уходящие в землю, что это вообще такое? – вставила Кошиса. – Я никогда ничего подобного не видала.

– Главное, нам надо выяснить, куда мы вообще попали, – сказала Брунхильда.

– Вопрос еще в том, реален ли мир, куда мы попали, или это нечто вроде иллюзии, – продолжил Адя.

– А разве мы попали в другой мир? – спросила Подлодка. – Может, мы в своем же мире и остались, просто с ним что-то неладное творится? Крышка ведь началась еще с нашего мира.

– Но у нас реальность никогда не останавливалась, – заметила

Корова. – И нигде не встречалось таких странных объектов, через которые нельзя пройти. Помните, невидимую стену, за которой плещется море?

– Кошиса тоже говорила, что со здешней реальностью что-то не так, – сказал Зверюга.

– Кошиса, а ты видела объект? – спросила королева.

– Не понимаю, о чем вы, Ваше величество, – ответила Кошиса.

– Значит, ты не была там. А ты вообще давно здесь?

– Нет, недавно, но не помню, как тут оказалась.

– А что еще можешь рассказать об этом месте?

– Да в общем ничего, кроме того, что уже сказала: этот мир, будто ненастоящий какой-то, и люди ненастоящие. Кукольный спектакль, одним словом. Не поддается никакой кошелогии.

– А ты еще упоминала, что персонажи могут появляться и исчезать, в зависимости от того, что написано в книге.

– Да, здесь что ни напишешь, все сбывается в точности. У меня только с крышкой ничего не получилось, на нее почему-то никак повлиять невозможно.

– С другой стороны, тут все представляется вполне реальным, за исключением странного поведения здешних обитателей, – сказал Адя. – Например, еда вполне реальная.

– Во сне, когда тебе снится, что ты ешь, еда тоже кажется очень даже реальной, – заметила Корова.

– Вы что, хотите сказать, что нам все это снится? – спросила Подлодка. – Но ведь не может один и тот же сон видеться сразу всем одновременно?

– А может, этот сон снится только кому-то одному из нас? – предположил Зверюга.

– Еще лучше! – воскликнула Подлодка. – Ты хочешь сказать, что ты, например, видишь сон, а я ненастоящая, и тебе лишь снюсь в данный момент?

– Во сне все персонажи ненастоящие, в том числе и тот, кто видит сон, – опять заметила Корова.

– Нет, это все бред какой-то, – сказала королева. – В любом случае надо выяснить, куда мы попали. Совершенно очевидно, что мы не в своем мире.

– Я тоже не в своем! – подтвердила Кошиса. – Говорю же, этот мир ненастоящий. И да, это совершенно кошевидно. Хотя и весьма неугощительно.

– И еще одна нужная вещь нужна! – объявила Подлодка. – Себя

вспомнить!

Тут все задумались и на какое-то время смолкли.

– Да, я себя словно чистым листом ощущаю, как говорила наша уважаемая королева, – нарушил молчание Адя.

– А я себя, словно заново родившейся, как говорил Зверюга, – сказала Корова. – Тем более что я больше не оранжевая корова, а рыжеволосая девушка-толстушка, ни с того ни с сего.

– А я, с какого-то перепугу, больше не подводная лодка, а девушка-блондинка, – добавила Подлодка.

– А Лохматая Зверюга больше не зверюга лохматая, а загадочный юноша интересной внешности, – добавила королева.

– Я польщен, моя королева, – поклонился Зверюга.

– Ну, а о себе, о своем кошеобразии я вам уже рассказывала, – замкнула круг Кошиса.

– Насколько я понимаю, мы себя не помним с момента нашей встречи с объектом, – сказала Брунхильда. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Похоже на то, – согласился Адя. – Тем не менее, мы себя как-то знаем, хоть и смутно. Определенно знаем.

– Да, – сказала Корова. – Например, я знаю, что Адя у нас самый умный-разумный, а королева Брунхильда самая мудрая и рассудительная.

– Корова у нас самая вежливая, а Подлодка самая легкомысленная, – продолжил Адя.

– Не легкомысленная, а легко мыслящая! – возразила Подлодка. – У меня просто все мысли легкие, не то что у тебя, философ.

– Ладно, пусть так, – снова согласился Адя. – Я с блондинками даже и не берусь спорить.

– Зверюга у нас самый неотесанный, хоть сейчас вроде и напротив, не поймешь, – продолжила Корова. – А Кошиса... наверно, самая изысканная.

– Самая кошисканная! – обрадовалась Кошиса.

– И все-таки, мы себя знаем, и в то же время не знаем, – сказала королева.

– Короче, нам требуется определить, где мы находимся и как отсюда выбраться, – подытожил Адя. – Может тогда и себя вспомним.

– А не вернуться ли нам домой? – предложила Подлодка.

После этих слов все опять замолчали.

– А получится ли? – выразила всеобщее сомнение Корова.

– А вы знаете, куда идти? – спросила Кошиса. – Я, например, не знаю.

– Я что-то даже не помню, как вернуться хотя бы к объекту, – сказал Адя. – Кто-нибудь помнит?

Никто не ответил.

– Я тоже сейчас помочь не смогу, – сказала Корова. – Крыльев-то нет.

– А смысл какой? – спросила Брунхильда. – Мы зачем сюда шли? Чтобы возвратиться ни с чем? Давайте сначала здесь разбираться.

Все согласились, на том и порешили.

А тут и милейшая Карамилла как раз соблаговолила явиться.

– Наличествуют ли пожелания, стремления, или волеизъявления быть может? – выразилась она.

– Волеизъявления едва ли уместны в гостях, милейшая Карамилла, – как обычно взял на себя роль переговорщика Адя. – Во-первых, у нас наличествует всеобъемлющая благодарность, а во-вторых нижайшая просьба: мы устали и хотели бы отдохнуть, если позволите.

– А наличные у вас наличествуют? – осведомилась милейшая Карамилла.

– Сколько требуется? – спросила Брунхильда.

Милейшая Карамилла забралась рукой в изящный карманчик на обширной юбке, извлекла оттуда клочок бумаги, повернулась спиной и жеманным жестом протянула записочку королеве. Королева, взглянув на записку, сказала:

– Хорошо, – отсчитала нужную сумму и вручила хозяйке.

– Тогда, в нашей вилле Маравилле, вы будете триумфально возложены в объятные постели для необъятного отдохновения! Прошу следовать за мной, за мной! – произнесла милейшая Карамилла и повела всю компанию по лестнице на второй этаж.

Постели и в самом деле оказались триумфальными. На массивных железных кроватях с пышными матрасами и одеялами были выстроены пирамиды из многочисленных подушек разной величины. Поскольку гостевых комнат было всего пять, и поскольку Корова с Подлодкой сказали, что «Мы и вдвоем можем, для нас даже лучше», их двоих разместили вместе, а остальных в отдельные комнаты. Так что, все остались довольны. День закончился хорошо.

СОН ЗВЕРЮГИ И ПРОБУЖДЕНИЕ

Зверюга долго ворочался и не мог заснуть. Зверюгу переполняли впечатления от событий прошедшего дня вместе с его неожиданным превращением. Устав вертеться, он вышел в коридор. Там было две туалетных комнаты, мужская и женская. Из женской как раз выходила Корова.

– Что, не спится? – спросила она.

– Да, мысли мешают заснуть, а сны не дают спокойно спать, – ответил Зверюга.

– Вот как? И какие же сны?

– Мне часто снится один и тот же сон, – почему-то решил ей довериться Зверюга. – Чужие женщины приходят ко мне, то одна, то сразу несколько, и смотрят, недружелюбно и презрительно.

– А почему чужие, в каком смысле?

– Они стараются подчеркнуть, что они не мои.

– А они нужны тебе?

– Нет конечно!

– И что же, они приходят и просто смотрят?

– Не только, потом еще и выговаривают.

– Как? Расскажи.

Зверюга принялся рассказывать.

Чужая женщина пришла к Зверюге и говорит:

– Я не твоя.

– Да?

– Да.

– Уходи.

И она ушла.

И чего приходила, и зачем сказала?

В другой раз другая пришла, и стала подбоченясь, и смотрит.

– Чего смотришь? – спрашивает ее Зверюга.

– Ты мне не интересен.

– Зачем ты мне это говоришь?

– А вот.

– Уходи.

– А я еще приду, и буду смотреть.

И ушла.

А потом еще вместе чужие женщины пришли, и стали, руки на груди скрестили, и смотрят, и молчат.

– Чего пришли? Чего молчите? Чего смотрите?

– Мы тебя не любим.

– Это все?

– Все.

– Уходите.

– А мы опять вернемся, и опять скажем.

И ушли.

Корова была удивлена такими рассказами, но проявила искреннее участие.

– А в чем причина таких снов? Почему все это? – спросила она.

– Потому что я наказан, – ответил Зверюга.

– За что?

– Да просто за то, что я плохой.

– Вот глупости! Вовсе ты не плохой, наоборот, ты хороший!

– Нет, я плохой, я никому не нравлюсь, и меня никто никогда не полюбит. Я так наказан.

– Да у тебя совершенно нелепый, выдуманный комплекс! Говорю тебе, ты всем нравишься и нравился, даже в прежнем обличье. А с новой внешностью, так и подавно. Ты знаешь, что две особы на тебя конкретно глаз положили?

– Какие особы?

– Ну да, будто не знаешь! Королева и Кошиса.

– Все равно не верится.

– Ну вот упрямый какой! Никто тебя не наказывал, ты сам себя наказал, это только твой выбор, и ты живешь с ним!

– Чего ты меня ругаешь, и так тошно.

– Да тебя не ругать, тебя бить надо за такие мысли! Вот мы с Подлодкой соберемся и побьем тебя, обязательно! А сейчас иди спать и прогони навсегда этих женщин!

– Как их прогонишь? Они все равно приходят.

– А ты, когда они в следующий раз явятся, просто ответь им: «Ну и что?»

– Ладно, попробую.

Зверюга с Коровой разошлись по своим комнатам. А когда Зверюга заснул, чужие женщины снова пришли к нему и сказали:

– Ты нам не интересен. Мы тебя не любим. И мы не твои.

А он сказал им:

- Ну и что?
 - А мы тебе не достанемся.
 - Ну и что?
 - Как ну и что? А ты что, и страдать не будешь?
 - Не буду.
 - А мы тогда уйдем.
 - Ну и уходите.
 - Навсегда ведь уйдем. Уходим уже.
 - Идите, уходите.
- И они ушли, и стало Зверюге легче.

* * *

Наутро все члены «экспедиции крышки» проснулись, привели себя в порядок и собрались за столом в гостиной.

- Ну как, приходили твои женщины? – спросила шепотом Корова.
- Да, как обычно, – ответил Зверюга.
- И что? Ты им сказал?
- Сказал. Они удивились и ушли.
- Вот видишь! Больше не вернутся.
- Надеюсь.

Вскоро и милейшая Карамилла явилась в гостиную, как обычно чинно и церемонно, с очередной пафосной фразой:

– Рострально и конфиденциально приветствую гостей в нашей вилле Маравилле!

– И мы высочайше и глубочайше приветствуем вас, милейшая Карамилла! – отвечивал ей Адя.

– Доброе утро! – сказали остальные.

– Утро не бывает добрым или злым, оно просто бывает, и бывает всегда, – изрекла милейшая Карамилла. – Спалось ли вам, дражайшие и разлюбезные?

– Да, хорошо, спасибо! – ответили ей.

– Спится не хорошо и не спасибо, а просто, спится или нет, – милейшая Карамилла была немилосердно категоричной. – А сейчас, в нашей вилле Маравилле, вам будет предложен одухотворенный желанными веяниями завтрак! – она повернулась, подняла руки в локтях и удалилась своей эпатажной походкой.

– В нашей фигле-Маравигле!

– В нашей фиглине-Маравиглине! – передразнили ее тихонько Корова с Подлодкой, как только та скрылась за дверью.

– Да, наша фигля-Маравигля!

– Наша фиглина-Маравиглина!

– Насмешничать изволите? – упрекнул их Адя. – Негоже, однако.

– Глубокоуважаемый Адя, мы не насмехаемся над нашей виллой Маравиллой, а шутить изволим, – выразилась Корова, копируя манеру Ади.

– А, ну извольте, извольте.

– Здесь хорошо! – сказала Подлодка.

– Да! – сказала Корова.

– Здесь кокошно! – присоединилась к ним Кошиса.

– Нам о деле поговорить надо, – обратилась ко всем Брунхильда.

– Каковы наши планы, Ваше величество? – учтиво осведомился Адя.

– Я думаю, следует для начала расспросить хозяйку, что ей известно.

– А имеет ли смысл? Она, похоже, не в себе, как и все в этом городе.

– Кстати, а как называется город? – спросила Подлодка, – Кошиса, ты ведь живешь здесь?

– Помпониус, – ответила Кошиса.

– О-хо-хо, название тоже, помпезное, соответственно сути, – сказал Адя.

– Суть чего? – спросила Корова.

– Того, что здесь все из себя что-то мнят, но по сути остаются невменяемыми.

– Всекошечно! – согласилась Кошиса. – Как мы убедились, у них нет собственного Я, вот они и не в себе. А вы сами, из какого города?

За вопросом последовала неловкая пауза.

– Кошиса, ты опять начинаешь! – сказала Корова. – Мы ведь говорили, у нас что-то с памятью случилось с тех пор, как мы здесь оказались.

– А я вспомнил! – отозвался Зверюга.

– Что? Что ты вспомнил? – всполошились остальные.

– Мы не из города, а из страны, страны Зеландии.

– Ой да! Ой точно! – воскликнула Подлодка.

– И как я сама не могла вспомнить?! – удивилась Корова. – Мы действительно, из королевства Зеландия^[12], где правит наша королева.

– Да, теперь и я вспоминаю, – подтвердила Брунхильда.

– Никогда не слышала о таком королевстве, – сказала Кошиса.

– Ну как же так?! Ведь мы оттуда! Мы же не выдуманные персонажи! – опять удивилась Корова. – Это очень странно! Хотя, чему тут удивляться. Все, что с нами случилось, все более чем удивительно и

странно.

– Глядя на здешних персонажей, у меня опять возникает подозрение, будто мы оказались в сновидении, – сказал Зверюга. – Отчего и сами частично впали в беспамятство. И потому себя знаем, и в то же время не знаем.

– Но мы же не спим! – возразила Подлодка. – Я точно знаю, что не спим!

– А я уже ничего не знаю, – подытожила королева. – В любом случае, нам стоит расспросить хозяйку.

Тем временем и милейшая Карамилла подоспела с подносом еды.

– Сейчас, сейчас я буду вас завтракать! – объявила она.

– Нас? – удивились гости.

– Да, поскольку вы являетесь объектами моего завтрака.

– Но милейшая Карамилла! – возразил было Адя. – Мы являемся, скорей, вполне осознанными субъектами!

– А по отношению к моему, то есть мной приготовленному завтраку, вы объекты, – продолжала настаивать хозяйка, раскладывая на столе тарелки.

– Не смеем с вами спорить, милейшая Карамилла, – согласился Адя. – А вот как раз по поводу объектов, хотели у вас спросить, известно ли вам что-либо о крышке, которая закрыла небо?

Карамилла тотчас насторожилась.

– А что именно и почему вас интересует?

– Видите ли, крышка нам очень досаждала, и мы имеем своей целью разобраться, откуда она взялась, а так же найти способ ее устранить.

– В самом деле, мои хорошие? – Карамилла сразу перестала придуриваться и оживилась, словно проснувшись. – Ах, как долго я ждала кого-то навроде вас!

– Почему же, милейшая Карамилла?

– Для вас просто Карамилла, – поправила хозяйка и принялась еще усерднее обслуживать гостей. – Да вы кушайте, кушайте, мои хорошие! Сейчас чайник принесу, и все вам расскажу!

НЕНАУЧНАЯ ПРИРОДА

Карамилла принесла чай и уселась вместе с гостями за стол.

– Итак, мои хорошие, вы хотите знать, откуда взялась крышка?

– Да, да! Хотим! – отвечали все.

– Тогда кушайте и слушайте.

Вся пафосная спесь слетела с Карамиллы, не оставив и следа. Теперь хозяйка представлялась простой в обращении, но в то же время осознанной особой с живым умом.

– Крышка появилась в результате активной деятельности, развернутой нашими учеными против солнца. По их «строго научным», как они утверждают, расчетам, солнце стало оказывать пагубное влияние на погоду, экологию и здоровье.

– С чего это вдруг? С каких это пор солнце стало наносить вред? – посыпались возбужденные вопросы от наших друзей. – Почему это они так решили?

– Ну вот, решили и все. В последнее время здоровье людей значительно ухудшилось, экология сильно засорилась, а погода шалит. Ученые посчитали, что это все из-за солнца, что дескать, от него повышенная радиация исходит.

– Ну и ну! А экологию тоже солнце засоряет?

– Они рассудили так, – продолжила Карамилла. – Если солнце испускает вредное излучение, значит, нужно в ответ послать ему свое вредное излучение. По их понятиям, действие рождает противодействие, а противодействие должно подавлять действие.

– И что же они сделали?

– Ученые, в своей Академии, сварганили аппарат, под названием «электрический телеграф», который начал посылать мощное электромагнитное излучение в небо, к солнцу.

– По-моему, создать излучение, способное как-то повлиять на солнце, невозможно, – заметил умный Адя. – Энергии не хватит.

– На солнце оно и не повлияло, но создало побочный эффект. В атмосфере возникло образование, подобное крышке.

Наши друзья разразились возмущенными возгласами.

– Кто им дал такое право?!

– У нас принято считать, что авторитет науки незыблем и непререкаем, – сказала Карамилла.

– Ну, электрический понятно, но почему «телеграф»? – спросил Адя.
– Они полагают, что на солнце можно еще влиять, посылая ему команды.
– Каким это образом?
– Да просто, азбукой Морзе.
Глаза у Ади округлились.
– Они что, идиоты?
– Не мне судить, – ответила Карамилла и принялась рассказывать, как это было.

* * *

Собрались однажды ученые за круглым столом на свое ученое совещание. Один взял слово и вышел на трибуну с коротким, но емким выступлением:

– Вот, у нас что-то не то стало, – произнес он.
Сидевшие за столом коллеги отреагировали одобрительными аплодисментами. Когда аплодисменты стихли, докладчик поклонился, сошел с трибуны и занял свое место. Слово взял председатель:
– Так. Научная парадигма доклада ясна. Но по науке, следует уточнить предмет обследования. Каковыми являются ваши строго научные подтверждения?
– Не фонтан.
– Не фасон.
– Не батон, – высказались присутствующие.
– Прошу выражаться научно, – поправил их председатель. – У нас имеет место быть параграф ученого совещания.
– В некотором роде хуже стало, – последовали высказывания.
– Да, экстраполительно худше, чем раньше.
– Раньше, в целом ряде отношений, было лудше.
– Даже определенным образом лудшее было.
– А теперь, в недостаточной степени широко.
– И глубоко.
– Подытоживаем научный вывод: в общем целом, стало ненаучно. Верно так?
– Да! Так верно! Как-то ненаучно стало!
– Далее. Рассматривая вывод под призмой угла данной точки зрения, взглянем в глубь причин текущего положения, – продолжал председатель.

– Причины невероятны, но очевидны, – авторитетно заявил один из ученых. – Всею виной солнце.

– Да, можно признаться совершенно безоглядно, это оно, – не менее авторитетно подтвердил другой.

– А каковы есть, и соблюдаются ли тому научные обоснования?

– Это строго научная гипотеза.

– Нет, это научный парадокс.

– Нет, это научный постулат. Мы обоснованно постулируем, что всею виной солнце.

– Так. Последнее предложение нам представляется гораздо намного более научным. Однако в соответствии с ученым порядком, требуется представить хоть какие ни на есть маломальские объяснения. Ну, хотя бы в воображении представить.

– Солнце, оно сверху всего, а значит, оно во всем и повинно, – предположил один.

– Да! Да! Это поистине научная истина! – подхватили остальные.

– Блестящий научный вывод! – резюмировал председатель. – Как говорится, все гениальное просто. Кто за то, чтобы присвоить данному выводу статус научного открытия?

Возникло замешательство.

– Вне всяких сомнений, совершено величайшее открытие, – осмелился высказаться один из ученых. – Но совершено оно кем? Нами всеми! Или всеми нами. Не индивидуальный член, а коллективный, можно сказать, орган, родил сие открытие.

– Ну что ж, это вполне разумное умозаключение. Поскольку все здесь присутствующие находились в научном поиске, то и все, соответственно, получают очередные ученые степени. Верно так?

– Да! Так оно верно! – охотно согласились остальные.

– А теперь, нам надлежит научно воздействовать на солнце, – продолжил председатель. – Так повелевает наш долг. Какие будут ученые предложения?

– Надо произвести эксперимент науки.

– Надо это сделать так, чтобы подтвердить науку.

– А как нам это сделать? Как?

– Научно.

– А как именно это сделать, чтобы было научно?

– Неважно. Все что мы ни делаем, все научно. Наука – это мы.

– Уважаемые коллеги, наша поистине ученая дискуссия проходит в весьма полезном, а так же чрезвычайно конструктивном аллогенезе.

Однако в результате напряженного научного поиска у нас должно родиться, так сказать, конгруэнтное детище, которое возымеет амбивалентное действие, с тем чтобы осуществить нейтрализационное влияние на солнцеидальные продукты распада нашего, так сказать, светила.

– Уважаемый председатель, уважаемые коллеги, – обратился к собранию один из ученых. – Гений моего ума мне подсказывает, что таковым детищем может и должен послужить электрический телеграф, коий был нами научно изобретен, и коий является универсальным и мощным средством воздействия на ставшую ненаучной природу.

– Да, истинно так и оно! – загалдели ученые коллеги. – Так оно и верно, и даже правильно!

На том порешили и начали готовиться к ответственному «эксперименту науки». Впрочем, подготовка заняла немного времени, потому как, чего там раздумывать, – действовать надо, причем решительно и с налета, сплеча, пока природа не перехватила инициативу и не взяла верх над наукой, что было бы совершенно недопустимо.

Научное действо, как и положено, разворачивалось в научной лаборатории. Это был просторный зал со всевозможной сопутствующей аппаратурой повсюду и неким внушительным агрегатом в центре, представлявшим собой замысловатое сплетение труб, кабелей и прочих невероятных конструкций.

За пультом агрегата в кресле сидел оператор, облаченный в блестящий комбинезон, в шлеме с торчащей антеннкой и в окружении многочисленных кнопок и лампочек. Действом руководил председательствующий, находившийся на возвышении в закрытом стеклянном бункере. Там же толпились и остальные члены ученой коллегии, наблюдая за происходящим с ученым, как оно полагается, выражением лица.

– Готовсь! – прокричал председатель в микрофон. – Начинаем эксперимент науки!

– Электрический телеграф готов! – ответил оператор.

– Внимание! Телеграф... Передача... Поманда!

– Запускаю режим поманды!

– Держать режим! Давай полную запруду!

– Есть! Даю полную запруду!

– Телеграфируй! Солнце, Солнце! Я Земля! Невмогочину нам! Лимитируем зной! Лимитируем зной!

– Телеграфирую поманду!

– Направление: центральная ось солнца!

– Направляю направление на ось! Поманда пошла!

В следующий момент раздался оглушительный треск, все кругом задрожало, а затем внезапно стихло и замерло. Ученая коллегия тоже замерла в испуге и замешательстве с неподобающе раскрытыми ртами.

– Показать показания монитора! – скомандовал председатель.

На большом экране тут же высветилось небо, или точнее то, во что оно превратилось. Над землей теперь нависала тяжелая темная поверхность, закрывшая солнце.

Никто не решался проронить ни слова, не зная, как относиться к происшедшему. Но наконец, один ученый муж все-таки решился.

– Вот, не только убавили солнце, а и вообще... И вот оно так.

– Да, и так оно верно! – подхватили остальные.

– И правильно!

– Наука подтверждена!

– Но главное, человечество спасено! – подвел итог председатель. – Поздравляю всех с подавляющей победой науки над природой!

– Эксперимент-наука-рекорд! – заскандировали все хором. – Эксперимент-наука-рекорд!

* * *

– Такие у нас дела, мои хорошие, – сказала Карамилла, закончив рассказ.

– Карамилла, а вам откуда известны такие подробности? – спросила королева.

– Потому что я сама оттуда, из Академии. Я была единственной, кто выступил против всего этого безобразия, и меня изгнали.

– Ах вот как!

– И что же, они так и продолжают третировать атмосферу своим «телеграфом»?

– Да, преспокойно.

– А как же общественность, власть, здравомыслие?

– Властям выгодно списать все, что они наколдобили, на влияние каких-то внешних факторов, хоть даже солнца, к примеру. Общественность теми же властями введена в заблуждение. А здравомыслие свойственно лишь отдельным проснувшимся индивидам.

– Так вы считаете, здешнее общество спит? – продолжали ее расспрашивать друзья.

– Беспробудно и беспросветно, мои хорошие, – отвечала Карамилла.
– У нас тоже создалось впечатление, будто мы оказались в сновидении.
– Да? И у вас тоже?! – оживилась Карамилла. – Знаете, дело даже не в том, что человечество, фигурально выражаясь, спит. Оно всегда спало и никогда не проснется. Вопрос в другом: существует ли разница между сном и явью.

– Карамилла! Что вы такое говорите?! – всполошилась Подлодка. – Я даже не понимаю, о чем вы говорите! А когда я что-то не понимаю, я вся чешуся!

– Тише ты, сиди спокойно, – одернула ее Корова. – Впервые, что ли, не понимаешь?

– Да, любезная Карамилла, с нами тут в последнее время столько всего приключилось, что мы перестали что-либо понимать, – сказал Адя.

– В самом деле, а что вы имеете в виду, говоря о разнице между сном и явью? – спросил Зверюга.

– А то, что принципиальной разницы практически нет. Будучи в Академии, я долгое время занималась данной проблемой, но вразумительного ответа так и не нашла. Это в высшей степени странная проблема, но никто почему-то не придает ей значения.

– Я придаю значение! – воскликнула Подлодка. – Но не понимаю... А когда об этом задумываюсь, у меня начинает болеть голова! В который раз спрашиваю: мы сейчас спим, или нет? Ведь не спим же?

– Не спим, – успокоил ее Адя.

– Но почему тогда такие невероятные вещи творятся?! Будто во сне!

– У меня, как и у вас, похожее ощущение, словно я проснулась в сновидении, в окружении странных персонажей, и с реальностью происходит нечто странное, – призналась Карамилла.

– Ага! Вы тоже называете их персонажами! – обрадовалась Кошиса. – А что в их поведении вам представляется странным?

– Это трудно объяснить, – задумалась Карамилла. – Мне часто кажется, что люди действуют как заведенные, не отдавая себе отчета. И еще мне кажется, они смутно подозревают, будто являются чьими-то персонажами, но не хотят в этом признаться.

– Bravo! – воскликнула Кошиса. – В самую точку попали! А когда им задаешь прямой вопрос, они всячески увиливают от прямого ответа.

– О каком вопросе вы говорите?

– Кошиса! – королева сделала предупредительный жест, и Кошиса тут же прикрыла лапками рот.

– Нет, правда, скажите, что за вопрос?

– Мне почему-то кажется, Карамилле можно его задать, – сказал Зверюга. Королева посмотрела на Карамиллу и кивнула головой Кошисе.

– Вы себя знаете? – спросила Кошиса.

– Ну конечно, я это я, – спокойно ответила Карамилла.

– Ура-ура-ура! – заголосила Подлодка.

Все друзья разразились восторженными возгласами.

– А что вас так обрадовало? – спросила Карамилла.

– Мы впервые за последнее время встретили осознанную, вменяемую, то есть, личность. Вас, то есть, – ответил за всех Адя.

– Вот как? И у меня такое чувство, что я, наконец, встретила вменяемых... ой, чуть не сказала, персонажей. Хотя, я и сама не вполне уверена, что не являюсь персонажем. А вы?

Все переглянулись, но промолчали.

– После всего, что с нами случилось, мы тоже ни в чем не уверены, – нарушила молчание Корова.

– Что же с вами случилось, мои хорошие?

И друзья принялись ей рассказывать обо всех своих приключениях в этой странной реальности. О зеркальном объекте, о чудесных превращениях и чудаковатых персонажах, об остановленной киноленте и застывших манекенах со светящимися косицами. Карамилла слушала с нескрываемым любопытством.

ВЛОЖЕННЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

Карамилла еще минуту сидела в задумчивости, положив локти на стол и подперев подбородок руками, после того как наши друзья закончили свой рассказ.

– Все это настолько невероятно, насколько и правдоподобно, мои хорошие, – наконец, отозвалась она. – Только никому больше не рассказывайте. Кроме меня вам никто не поверит.

– О, мы и не надеемся, любезная Карамилла, – сказал Адя. – А почему вы нам верите, и почему считаете нашу историю правдоподобной?

– То, что в одной реальности представляется немыслимым, в другой может быть вполне возможным.

– Что вы имеете в виду, в какой другой реальности? – спросила пытливая Подлodka.

– В сновидении, например.

– Ну, в сновидении понятно, оно ведь не настоящее!

– А вы уверены, что реальность, в которой сейчас находитесь, настоящая?

– Но как же! Вот стол, он твердый. А вот мы все, живые и бодрствующие, можем друг друга потрогать.

– В сновидении тоже все кажется реально материальным, и тоже все можно потрогать. Так чем отличается настоящая реальность от ненастоящей?

– Но как же! – не унималась Подлodka. – В настоящей реальности мы живем, а сновидение нам лишь снится!

– Аналогично вы можете заснуть в сновидении, и вам может присниться сон во сне, – ответила Карамилла. – Тогда первый сон будет настоящим, а второй, вложенный сон, ненастоящим, так?

– Ну, я не знаю...

– А вот я совсем не уверена, что эта реальность настоящая, – сказала Кошиса. – Здешние люди мне представляются будто кукольными. Кошечно, кроме вас, Карамилла. Я ведь даже с персонажами своих книг здесь встречалась. Кошевительно, но факт!

– Надо полагать, если здешняя реальность может останавливаться, как кинолента, то едва ли ее можно считать настоящей, – заметила Брунхильда.

– А я вообще не знаю, какую из реальностей можно считать настоящей, – сказала Карамилла.

– Ой, опять, что вы имеете в виду, Карамилла? – забеспокоилась Подлодка.

– Я просто не знаю, какова она, настоящая реальность. И не могу знать. А вы знаете?

– Карамилла, ваши вопросы буквально ставят в тупик! – сказала Корова.

– А меня пугают! – добавила Подлодка.

– Когда человек засыпает, он перемещается в другую реальность. Когда просыпается, возвращается обратно в эту реальность. А как он попал в эту реальность? Когда родился. А откуда сюда пришел? Наверно, из той реальности, куда он уходит, когда умирает. Тогда откуда, в свою очередь, он пришел в ту реальность? Вот и подумайте, какая из всех этих реальностей настоящая: сновидение или явь, потусторонний мир или стоящий за потусторонним? И так далее, может, до бесконечности?

После этих слов все притихли и задумались.

– Очевидно, все реальности следует считать настоящими, – первым нарушил молчание Адя. – Либо все ненастоящими. Это как посмотреть.

– А можно считать и так, что реальностей не множество, а есть лишь одна, состоящая из отдельных слоев, как луковица. И мы, засыпая и пробуждаясь, умирая и рождаясь, перемещаемся по этим слоям, как в череде вложенных сновидений, – сказала Карамилла.

– И что же является первоисточником всех этих вложений, и где он находится? – спросил Зверюга. – Я помню череду своих воплощений, но никогда не замечал, как это происходило.

– И я тоже, – сказала Кошиса. – Мои превращения, это как переход из сновидения в явь или наоборот. Такая вот, кошмация.

– И у меня то же самое, – сказала Корова. – Спонтанная трансформация.

– И у меня! – присоединилась Подлодка.

– Первоисточник в руках Создателя, – сказала Карамилла. – Как и все тайны реальности, в его руках. Реальность – в высшей степени странная штука. Все привыкли смотреть на ее сцену, а взглянуть за кулисы мало кому приходит в голову.

– Для нас главный вопрос, в какой реальности мы находимся: в своей, или какой-то другой, не нашей? – сказал Адя.

– Но ведь крышка, она появилась еще в нашей реальности, – заметила Корова.

– А может, крышка каким-то образом проникла из этой реальности в нашу? – предположил Зверюга.

– И еще один вопросительный вопрос важен! – добавила Подлодка. – Как нам вернуться домой?

– Карамилла, вы видели тот зеркальный объект, о котором мы рассказывали? – спросил Адя. – Что вам об этом известно?

– Да, я видела, – ответила Карамилла. – Судя по всему, это граница между двумя мирами, либо между двумя аспектами реальности. Больше мне нечего сказать. Наша наука тоже никак не объясняет данный феномен.

– Уж эта ваша наука! – воскликнула Кошиса. – Сплошная кошенация!

– Кошиса хотела сказать, профанация, – пояснила Корова.

– Да, и кошебразие сплошное!

– Карамилла, а в какой стороне этот объект находится? – спросила Подлодка. – Мы что-то уже подзабыли, как и откуда сюда пришли. Но если вернуться к объекту, может и вспомним.

– На юге. Наша улица как раз ведет на юг, если, выходя из виллы, свернуть налево, – ответила Карамилла.

– Но сначала нам в любом случае нужно разобраться с крышкой, – постановила королева. – Вот скажите, Карамилла, неужели здесь никого не беспокоит то обстоятельство, что крышка закрыла небо? Ведь это катастрофа!

– Говорю же, все смирились с крышкой, как с испорченной экологией, и не хотят ничего менять, – ответила Карамилла. – У нас даже самолеты летать перестали, но все упорно притворяются, что крышка это нормально, будто так и должно быть.

– А что, здесь и аэропорт есть, и можно куда-нибудь улететь?

– Было можно. Теперь уже нельзя. На поездах теперь ездят.

– А ваши псевдоученые, они в принципе не понимают, что натворили?

– Они сейчас занимаются научным обоснованием того, что крышка совершенно безвредна, да еще полезна и крайне необходима.

– И что, ничего нельзя сделать? – продолжила расспрашивать Брунхильда.

– Есть у меня одна идея, – сказала Карамилла. – Могу отправить вас в Академию в качестве представителей наблюдательного совета. Вы им скажете, что закрываете проект крышки и требуете прекратить посылать излучение в атмосферу.

– Но Карамилла, – удивился Адя, – у нас у всех такой экстравагантный вид, что будет трудно признать нашу принадлежность к какому-то официальному органу.

– А я вам состряпаю такую бумажку, которая любых чиновников заставит слушаться. Прошу следовать за мной, за мной, мои хорошие!

Хозяйка провела гостей в свой кабинет, где их взорам предстал причудливый аппарат, являвший собой затейливое хитросплетение труб и грубых металлоконструкций в сочетании с тонкой электроникой. Карамилла включила аппарат, тот зажуужал и замигал лампочками.

– Это моя стряпальная машина, мной изобретенная! – сказала она. – Состряпает любую справку или документ. Бюрократия нашей системы столь велика, сколь глубока дремучесть нашего спящего общества. Так что, машинка значительно облегчает жизнь.

– Ну вы даете! – изумился Адя вместе с остальными друзьями.

Карамилла понажимала ряд кнопок, подвигала рычажками, и на табло загорелась надпись: «наблюдательный совет». Машина запыхтела, чем-то там внутри себя заскрипела и после недолгой работы выдала готовый документ. На фирменном бланке с печатью было выведено:

«Настоящее удостоверение действительно удостоверяет, что предъявители сего удостоверения являются членами высочайшего наблюдательного совета и наделены официальными полномочиями, уполномочивающими их наделять полномочиями других соответствующих должностных лиц, а также складывать соответствующие полномочия с оных».

– Любезная Карамилла, – поинтересовался Адя. – Позвольте уточнить, а какими именно полномочиями наделяет нас этот документ, и каким-таким должностным лицам он может быть предъявлен?

– Там же указано: соответствующими полномочиями, по отношению к соответствующим должностным лицам, – сказала Карамилла.

– И этого достаточно?

– Вполне. Главное, чтобы документ был составлен языком, близким к чиновному разумению.

– А если они откажутся повиноваться, что тогда? – спросила королева. Карамилла на минуту задумалась.

– Вы сможете остановить кино, как это делали раньше?

– Всекошечно! – ответила Кошиса.

– Тогда слушайте. У электрического телеграфа имеется функция самоуничтожения. На пульте управления справа вы увидите красный рычаг под стеклом с надписью «ПЭН». Когда остановите реальность, разбейте стекло и поверните рычаг до упора. Запустится программа уничтожения, и вся эта научная штуковина сгорит.

– Любезная Карамилла, а что такое «ПЭН»? – спросил Адя.

– Расшифровывается как «конец эксперимента науки».

– А почему начинается с «П»?

- Они говорят не «конец», а «понец», чтобы более научно звучало.
- Кошеч! – воскликнула Кошиса. – Мы им полный кошеч устроим!
- Только будьте осторожны, – сказала Карамилла. – Если придется прибегнуть к последнему средству, бегите. Потому что, когда кино снова закрутится, они поднимут тревогу и устроят на вас облаву.
- Не беспокойтесь, Карамилла, – сказала королева. – Все сделаем как надо. Спасибо вам за все.
- Это вам спасибо, мои хорошие! На вас вся надежда!
- Карамилла объяснила им как добраться до Академии и проводила до крыльца.
- Когда все закончится, мы вернемся и все вам расскажем, – заверила ее Подлюдка.
- Буду вас ждать с нетерпением, мои хорошие!

НАЮКОЁЛОГИ

Итак, наша «экспедиция», целью которой являлась ликвидация крышки, отправилась в свой решающий поход. Во главе процессии шагал Адя Зеленый, зеленый в буквальном смысле, в своем бесформенном балахоне и неизменных солнцезащитных очках, но уже без дубины, поскольку оставил ее за ненадобностью.

Второй шла королева Брунхильда, царственного вида особа в средневековом платье из грубого полотна, с русыми волосами, заплетенными в косицу, с венчавшим голову золотым обручем и боевым мечом, спрятанным под юбкой.

За ними – Оранжевая Корова, в своем новом обличье миловидной толстушки с рыжими волосами, одетой в оранжевое платье до колен и черные аляповатые туфли.

Следом шла Желтая Подлодка, тоже в новом обличье легкомысленной с виду блондинки в желтом брючном костюме и оранжевых сапожках.

Затем Кошиса, то ли женщина, то ли кошка, но определенно эффектная брюнетка с копной взлохмаченных волос, в черной меховой курточке и штанишках, в белых сапожках и перчатках, с роскошным пушистым хвостом и ушками на макушке.

Замыкал процессию Лохматая Зверюга, ныне юноша приятной внешности с большими грустными глазами и каштановыми волосами до плеч, элегантно одетый в костюм из черного бархата с большими золотыми пуговицами и белоснежной рубашкой с пышным жабо, но странно обутый в лохматые шерстяные мокасины.

Вскоре вся эта колоритная команда оказалась на площади перед высоченно-помпезным зданием, на котором заносчиво-огромными буквами красовалась надпись: «АКАДЭМИЯ НАЮКИ». Причем, буква «ю» выглядела явно свежее остальных, будто ее недавно сменили.

Зайдя внутрь, друзья оказались в просторном зале с помпезно же высоким потолком. Несмотря на простор, в помещении было душно и пахло старыми книгами. К одной из стен были прислонены буквы, похожие на внешнюю надпись и сложенные в слово «УПРАВЛЭНИЕ». На полу скрипел ветхий паркет. Наверх вела широкая парадная лестница, устланная стоптанной ковровой дорожкой. У лестницы стоял стол с потертой и потрескавшейся поверхностью. За столом, лицом к входной двери, сидел усохший старичок в очках с толстыми линзами и в поношенном костюме с

нарукавниками, соединив руки в пальцах.

– Так, вы куда? Вам сюда нельзя! – сразу закричал он, даже не спрашивая посетителей о цели визита.

Кошиса вышла вперед, положила лапки на стол, наклонилась и промурлыкала:

– Мурррр-можно-о-о!

Старичок опешил, но быстро оправился и опять заладил свое:

– Вы кто такие? Вам сюда нельзя! Здесь наюка!

– Кошиса! – зашипела на нее Корова.

Адя оттащил Кошису назад, пока она так и гипнотизировала старичка взглядом пантеры, а затем обратился к нему сам.

– Уважаемый, мы явились в Академию науки с официальной миссией и хотели бы...

– У нас не наука, а наюка! – перебил его старичок, подняв указательный палец кверху. – Так звучит гораздо намного более внушительно, не правда ли?

– Да, разумеется, – ответил Адя, от удивления сняв очки. – Мы хотели бы встретиться с учеными по поводу...

– А называемся мы теперь по-другому – не ученые, а гораздо намного более представительно: наюкоёлоги! И у нас теперь не Академия, а Управление. Видите, готовимся сменить вывеску.

– По какой причине, позвольте узнать? – поинтересовался Адя.

– Потому что мы решили, что наюку следует не изучать, а управлять ею.

– А что, уже все изучили?

– Вот именно! Уже все знаем про наюку.

– А как собираетесь управлять?

– Как нам вздумается. Но конечно, чтобы все было строго наючно.

– Да, так оно верно, и даже правильно, – сказал Адя. – Но мы все-таки хотели бы встретиться с учеными... простите, наюкоёлогами.

– К ним нельзя, они заняты.

– Чем?

– Они думают.

– О чем?

– О наюке! – ответил старичок, подняв кверху указательный палец.

– А чего о ней думать, если вам уже и так все известно?

– Нам известно не только все, но даже и больше того!

– Больше всего?

– Да. Но осталась еще класси-си-фи-кация и принци-пили-али-зация

всего что ни на есть.

– Что-то типа инвентаризации?

– Именно. Требуется проделать очень большую работу. Классифицировать, что относится к науке, а что нет.

– И по каким же критериям это делается?

– Очень просто. Если что-то не поддается научному объяснению, значит, это не научно. Если мы что-то не понимаем, мы это отвергаем.

– Но ведь необъяснимые вещи не перестают существовать лишь оттого, что их пока не объяснили, – возразил было Адя.

– Так, прошу очистить помещение! У нас наука! А у вас что?

– А мы тоже пришли с наукой! – включилась в разговор Корова. – У нас есть строго научная гипотеза, и мы хотим ее предложить лично вам.

– Какая гипотеза? Почему лично мне?

– Потому что по вам сразу видно, что вы корифей науки.

– И что там у вас за гипотеза? – немного смягчился старичок.

– Ну, например, вы знаете откуда у древних цивилизаций появилась наука? Ведь они же были древними, неразвитыми?

– Тогда не было и не могло быть никакой науки, – снисходительно усмехнулся старичок. – Наука только у нас!

– А как же сохранившиеся мегалиты, письмена, рисунки, артефакты?

– Повторяю, все это с точки зрения науки необъяснимо, а значит, ненаучно.

– Совершенно с вами согласна! Но вы можете все это обратить в науку, если строго научно обоснуете нашу гипотезу.

Друзья в недоумении переглянулись, не понимая, к чему клонит Корова. Она же, тем временем, как-то вся преобразилась, встрепенулась, и вдруг обрела свое прежнее обличье оранжевой коровы с крылышками. Замахав крыльями и поднявшись в воздух, она пропела:

– Давным-давно, когда еще не было никакой науки, коровы вышли из моря и научили людей письменности, астрономии и всяким другим наукам! Потом коровы ушли обратно в море, а люди принялись изучать и развивать науку, доведя ее до пределов, которым нет совершенства, а также до совершенства, которому нет пределов, в результате чего и появилась современная наука, совершенно беспредельная и совершенная до беспредела!

Наукоёлог таращился на дивное зрелище ошеломленный и замороженный. Но когда Корова приземлилась и перевоплотилась обратно в девушку-толстушку, он очнулся от наваждения и изрек:

– То, что я сейчас видел и слышал, невозможно, потому что это не

наюка.

– Но вы же видели это, своими глазами, – заметил Адя.

– Видеть мало, требуется наючное обоснование, – ответил тот.

– Вот вы и обоснуете, строго наючно, – сказала Корова. – И тогда гипотеза превратится в открытие наюки.

– Да, пожалуй, если это сделаю я, то это будет наюка, – согласился, подумав, старичок.

– Конечно! Только вы и никто другой!

– Тогда я немедленно бегу писать диссертацию, – засуетился тот и порвался было уходить, но спохватившись, вернулся.

– А вам все равно здесь нельзя, здесь наюка!

– Простите, а с кем имеем честь? – осведомился Адя.

– Я дежурный по наюке!

– Мы тоже имеем непосредственное отношение к наюке, поскольку представляем комиссию от наблюдательного совета и пришли по делу.

– У нас своих комиссий и комитетов предостаточно. И если потребуется, создадим еще одну, а чужие нам без надобности.

– Да, но мы особо уполномоченные особы, наделенные особыми полномочиями складывать полномочия с соответствующих и прочих должностных лиц, а посему мы освобождаем вас от полномочий дежурного по наюке, и вы можете спокойно идти и погружаться в бездну наючного знания. Вот, взгляните.

Адя протянул старичку бумажку. Тот, внимательно ее изучив, нехотя согласился.

– Что ж, в бездну я не погружался давно.

– Вот и погружайтесь, а нас отведите к самому главному наюкоёлогу.

– Главный наюкоёлог сейчас занят, он проводит ответственный эксперимент наюки.

– Вот и отлично, мы будем присутствовать.

– Ну, коли так... под вашу ответственность, – старичок, наконец, прекратил артачиться и повел всю компанию наверх по лестнице.

Пришли они в уже знакомую по рассказу Карамиллы лабораторию, где базировался электрический телеграф. За его пультом сидел оператор и время от времени нажимал какие-то кнопки, из чего можно было заключить, что электрическая штукавина активно работала. Кроме того, шла подготовка к чему-то чрезвычайно важному, поскольку повсюду деловито сновали люди в белых халатах и блестящих комбинезонах. Друзья поднялись в стеклянный бункер, где находился председательствующий, руководивший всем действием, и еще несколько наюкоёлогов.

– Так, вы кто такие? Вам сюда нельзя! Здесь наука! – закричал председатель.

– Мы комиссия от наблюдательного совета, – сказал Адя, предъявив бумажку. – Уполномочены наблюдать и присутствовать, а также присутствовать и наблюдать.

– Так, наблюдайте, только не мешайте. У нас сейчас очень ответственный момент.

Председатель, видимо, был настолько увлечен своим занятием, что ему было недосуг вступать в препирательства.

– Так. Внимание! Все по местам! – прокричал он в микрофон. – Начинаем мопыт изобретения!

Люди в халатах и комбинезонах засуетились пуще прежнего.

– Приготовились! – продолжал командовать председатель. – Обзор... Управление... Понтроль!

Люди забежали еще быстрее, но вскоре, наконец, уgomонились и расселись по своим местам за пультами и мониторами.

– Все приборы поставлены на понтроль! – отрапортовал один из операторов.

– Внести специальный мобразец для мопыта! – раздалась очередная команда.

Открылась дверь, и в лабораторию вошел человек в белом костюме радиационной защиты. На нем так же были надеты внушительные сапоги, перчатки и шлем с небольшой стеклянной прорезью для глаз. На вытянутой руке он нес крысу, держа ее за кончик хвоста.

– Внести экранирующий контейнер! – скомандовал председатель.

Открылась вторая дверь, и вошел второй человек в таком же костюме, держа кастрюлю на вытянутых руках.

– Внести антипредохранительную крышку!

Открылась третья дверь, из нее появился третий участник эксперимента, у которого в руках была крышка от кастрюли.

– Внимание! Моделируем крышку!

Все три космонавта повернулись друг к другу и четко слаженными действиями посадили крысу в кастрюлю, накрыв ее крышкой.

– Натура природы готовсь! – прозвучала следующая команда.

Наши друзья только сейчас обратили внимание, что в середине зала на постаменте стояла микроволновка. Трое космонавтов подошли к постаменту, один открыл дверцу микроволновки, другой поставил кастрюлю с крысой внутрь, третий закрыл дверцу.

– Обозлить натуру природы!

Один космонавт включил микроволновку в розетку, второй установил время, а третий вытянул палец с готовностью нажать кнопку «Пуск».

– Так, начинаю просчет! – торжественно провозгласил председатель.

Все присутствующие в зале напряглись, уставившись в свои мониторы, видимо, показывающие ход эксперимента.

– Ваша кокотница сейчас взорвется, – нарушила всю торжественность момента Кошиса.

– Т-с-с! – зашипели на нее наюкоёлоги.

– По моей поманде! – прокричал председатель и принялся отсчитывать. – Девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль... Полет!

Один из космонавтов запустил микроволновку, все трое стали вокруг нее и замерли в ожидании. Микроволновка загудела, заискрила, задымила, а затем взорвалась и развалилась на части. Все присутствующие в зале инстинктивно пригнулись, но никто не пострадал. Кастрюля с крысой тоже, на удивление, осталась стоять нетронутой на прежнем месте.

– Подтвердить наюку! – скомандовал председатель после недолгой паузы.

Космонавты подошли к постаменту, один снял крышку с кастрюли, а другой извлек оттуда крысу. Крыса оказалась живой и невредимой.

– Наюка победила природу! Поздравляю всех с успешным мопытом! – провозгласил председатель. Последовали бурные аплодисменты.

– Мопыт изобретения показал, что наша крышка не только безвредная, но и антипредохранительная! И теперь это строго наючно доказано!

– И мы тоже, от имени наблюдательного совета, поздравляем вас с успешным мопытом, – взял слово Адя. – А теперь позвольте, от имени и по поручению названного совета, объявить успешный понец эксперимента наюки.

– То есть как это, понец? – пришел в недоумение председатель.

– То есть, так и есть, мы объявляем успешный понец и на том закрываем эксперимент наюки. Можете выключать электрический телеграф.

– Но нам высший наблюдательный совет приказал...

– То был высший, а мы высочайший.

– Но у нас наюка!

– А у нас полномочия, – Адя потряс бумажкой у носа наюкоёлога.

Наюкоёлог некоторое время колебался, но потом решительно произнес:

– Нет, мы не можем прекратить эксперимент. У нас наюка!

– А почему бы вам не научиться жить в гармонии с природой, вместо того чтобы пытаться на нее воздействовать? – включилась в разговор королева.

– Как это? Не понимаю.

– Вот есть ваш мир, вы в нем живете. Зачем вам что-то с ним делать? Зачем его теребить, ворошить, изменять, перестраивать?

– Как зачем? Чтобы окончательно победить природу!

– Но почему обязательно надо ее победить? Почему нельзя просто гармонично существовать в этом мире?

– Потому что мы умнее природы, мы придумаем лучше!

– И вы все знаете о природе и устройстве этого мира? – не унималась Брунхильда, хотя Адя уже махнул рукой и готовился к плану Б.

– Конечно, уже все знаем про наюку!

– А как ваша наюка объясняет зеркальный объект за городом?

– Какой объект?

– Невидимая стена, через которую нельзя пройти.

– А, ну это не наюка! – усмехнулся наюкоёлог.

– Но это часть мира, о котором вы якобы все знаете. Так как вы это объясните?

– Очень просто. Нет никакого объекта.

– Как это нет, если он есть?

– Мы не можем это объяснить, значит, этого не может быть. А если этого не может быть, тогда какой вывод?

– Какой?

– Этого не существует!

– Ваше величество, – шепнула Корова Брунхильде. – С ними бесполезно разговаривать, пора останавливать киноленту.

Но тут в диалог вдруг вмешалась Подлодка.

– Смотрите на меня внимательно! – сказала она и у всех на глазах трансформировала свой облик, став как прежде желтой подводной лодкой в оранжевых сапожках. – Такого тоже не может быть?

Наюкоёлог сначала опешил, но быстро оправился и опять вошел в свою роль.

– Конечно не может!

– Но я же перед вами! Я не мультяшный персонаж, я существую! – сказала Подлодка и ткнула наюкоёлога якорем.

Однако тот ничуть не смутившись заладил свое:

– Такого не может быть, потому что по наюке такого быть не может!

– Мау! Вы не только про свою кошелогию, вы про себя ничего не

знаете! – включилась Кошиса.

– Так, я отказываюсь продолжать этот ненаючный спор.

– Вы начали изобретать всякие штуковины, а себя забыли, – продолжала Кошиса.

– Нам обязательно нужны штуковины, мы без них не можем, – неожиданно послушно стал отвечать наюкоёлог.

– Да, вы без них не можете, – Кошиса вперила взглядом в наюкоёлога и будто гипнотизировала его. – Вам нужны штуковины.

– Да, они нам нужны.

– Отвечайте на вопрос: вы себя знаете?

– Я себя знаю?

– Можете сказать: «Я это я»?

– Могу я сказать... что?

– Сейчас мы по очереди скажем «я это я», а затем вы.

Друзья окружили наюкоёлога и принялись повторять свое заклинание. Никаких вопросов больше не потребовалось. Лишь только круг замкнулся, наюкоёлог покрылся восковым налетом и замер. И все вокруг замерло.

Зверюга, не медля ни секунды, кинулся напрямик к адской машинке наюкоёлогов, быстро отыскал на пульте надпись «ПЭН», разбил стекло и повернул красный рычаг до упора.

– Теперь бежим! – крикнула королева, и друзья стремглав бросились в направлении к выходу из Академии.

ИЗНАНКА РЕАЛЬНОСТИ

Подлодка семенила в своих оранжевых сапожках, еле поспевая за остальными. Она все еще пребывала в своем мультяшном обличье.

– Подождите меня, я так быстро не могу!

Друзья бежали по длинным коридорам Академии, с трудом вспоминая обратный путь. Кино остановилось уже привычным для них образом, однако в этот раз было что-то не так, как раньше. В воздухе висели мелкие блестящие хлопья, похожие на застывший в падении снег. Казалось, зависла не только реальность, но и само пространство. И окружающие предметы смотрелись как-то неестественно, будто не из этого мира.

Но когда вся компания выбежала на улицу, их взорам предстала поистине грандиозная фантасмагория. Вся земная поверхность стала прозрачной, обнажив под собой черную пропасть, на дне которой виднелись мириады параллельных светящихся дорожек, уходящих в бесконечность. Дорожки напоминали киноленты, поскольку были поделены на отдельные кадры. Кинолента, находившаяся отвесно под ногами, светила ярче остальных.

Друзья вскрикнули от неожиданности и упали на четвереньки, потеряв равновесие. А Подлодка с испугу вновь обернулась в девушку-блондинку. Совершенно обалдевшая от трансформаций, произошедших в реальности, а также в ее собственном обличье, она вдруг закричала, используя лексику Кошисы.

– Кошец! Вот это есть полный кошец! Полный-преполный!

– Полный или неполный не знаю, но кошический точно! – отозвалась Кошиса.

– Космический! – добавила Корова.

– Космологический! – добавил Адя.

Королева и Зверюга оставались невозмутимыми и лишь молча оглядывались по сторонам. Они первыми поднялись на ноги.

– Смотрите, мы что, окошели?! – воскликнула Кошиса. – У нас у всех кошицы! И у меня? И у меня тоже?

Все посмотрели друг на друга. У них из затылков выходили светящиеся сплетения, похожие на косицы, подобно тому как это было у застывших манекенов, только без синих лучей.

– Не совсем чтобы окошели, Кошиса, – сказал Адя, – но да, странное образование присутствует, и у тебя в том числе.

– Я ничего не ощущаю! – сказала Подлодка, ощупывая свой затылок.

– Я тоже, – сказала Корова.

– А теперь взгляните на кошицы у манекенов! – опять воскликнула Кошиса.

Друзья только сейчас обратили внимание на стоящего рядом прохожего, замершего в полушаге. Его косица переходила в синий луч, который падал отвесно далеко вниз, прямо на светящуюся дорожку. Такая же картина наблюдалась у еще одного, и еще одного манекена – у всех, кто находился на площади. Застывшие фигуры были словно привязаны лучами к остановившейся внизу киноленте.

– Это что?! – закричала Подлодка. – Нам показали, как устроена реальность?

– И у меня такое чувство, что перед нами предстала реальность в своем истинном обличье, – сказал Адя.

– Кошиса, вот тебе и наглядная иллюстрация твоего предположения, что здешние люди как марионетки в кукольном театре, – сказала Корова.

– Скорей как персонажи, живущие в кинокартине, – уточнила королева.

– А мы нет! – отметила Кошиса. – У нас кошицы свободные, свои!

– Так мы же это кино остановили, и гуляем здесь живьем, – объяснил Адя.

– Да! Мы живые в застывшей кинокартине! – воскликнула Подлодка. – Колоссально!

– Значит, мы тут гуляем, а они живут, – констатировал Зверюга. – Они тут живут, а мы гуляем. Интересный факт.

– А еще интересно, это весь мир остановился, или только то кино, в котором мы находимся? – спросила Корова.

– Едва ли мы способны остановить весь мир, – ответила королева.

– Кино, как мы убедились, может быть локальным и вложенным, – сказал Адя. – Помните, сначала мы остановили реальность в кафе, а потом увидели, как другая часть реальности, вместе с сумасшедшим писателем и его питомцами, продолжает плясать.

– Сейчас, похоже, вообще все здешние киноленты остановлены, судя по тому, что хлопья висят в пространстве. Раньше их не было, – заметила Кошиса.

– Не только потому что хлопья, – сказал Адя. – Вот те светящиеся дорожки, скорее всего и являются кинолентами, а окружающая реальность – их проекция. И они все не двигаются, стоят.

– Но что это вообще за косицы такие? – озадачилась Подлодка. – И

почему раньше их не было, а сейчас они появились?

– Моя королева, – обратился к Брунхильде Зверюга, – у тебя одной волосы сплетены в косицу, но она не совпадает со светящейся. Светящаяся идет под наклоном к спине и заканчивается на расстоянии в пол-локтя от лопаток.

– Что бы там ни было, мы сейчас не можем объяснить происходящее с нами и с реальностью, – ответила Брунхильда. – Нам надо бежать, пока кинолента не запустилась.

– А может, и не надо? – предположил Адя. – Что увидят науюкоёлоги, когда очнутся? Что мы внезапно исчезли. Вот мы были, а потом раз, и нет.

– Да, а с их точки зрения это ненаучно! – заметила Корова.

– А если ненаучно, значит, этого не может быть! – заключила Подлодка. – А значит, нас и не было!

– Не так все просто, – сказала королева. – Главное, что они увидят крах своей научной штуковины. А кто мог запустить ликвидацию? Только мы, потому что мы исчезли. Нам лучше не искать себе неприятностей и поскорей убираться подальше от «места преступления».

– Вы правы, Ваше величество, – сказала Кошиса. – Надо кошачить отсюда.

– Только куда? – спросила Подлодка. – Может, в нашу виллу Маравиллу?

– Туда пока нельзя, – ответила королева. – Если нас всех поймают, навлечем подозрение на Карамиллу. Надо затаиться где-нибудь в городе и понаблюдать.

– Это точно, мы ведь даже не знаем, что будет дальше, – сказал Адя.

– Вон башня городской ратуши, хороший наблюдательный пункт. Давайте туда заберемся? – предложил Зверюга.

– А как мы туда проникнем? – спросила Подлодка.

– Да просто! – ответила Корова. – Пока кинолента стоит, и все люди как манекены, мы можем свободно перемещаться где хотим.

– Идем, – сказала королева.

Они быстро перебежали через площадь и поднялись на башню ратуши по внутренней лестнице. Наверху была смотровая площадка с часами и колоколом. Оттуда открывалась панорама на весь город. Точнее, это была панорама не одного города, а множества его копий, повторяющихся и уходящих вдаль по всем четырем сторонам света.

Весь окружающий ландшафт был разлинован как шахматная доска. Если взглянуть в одну сторону, то было видно, что на клетке помещалось два-три ближайших квартала, на следующей клетке они повторялись, а в

промежутке зиял пустотой уже знакомый нашим друзьям черный конструкт, уходящий вниз и совпадающий с промежутком на светящейся далеко внизу дорожке.

На дальних клетках уже было плохо различимо, что там находилось, то ли копии тех же кварталов, то ли следующих, но в целом создавалась оптическая иллюзия, будто все повторяется, причем все эти повторения были словно вложены друг в друга. Общая картина выглядела как череда уходящих в бесконечность зеркальных отражений с уменьшающимся масштабом, так что вдали виднелись уже копии целого города. И вся эта картина смотрелась как сложносоставная голограмма, которая одновременно являлась проекцией находящихся внизу кинолент. Небо, однако, закрывала сплошная темная поверхность крышки.

Друзья отчаянно пытались разглядеть, где и какое отражение куда вложено, но иллюзия постоянно ускользала, показывая то одну свою грань, то другую. Оставив попытки постичь непостижимое, они почти впали в прострацию, не зная, что и сказать. Тем более что окружающая реальность представлялась несуществующей, ненастоящей, будто сами они были вырезаны из другой реальности и вставлены в эту, как живые в застывший фотоснимок.

В этой паузе, казалось, прошла целая вечность, но внезапно все пришло в движение. Подул легкий ветер, появился фоновый шум, киноленты внизу задвигались, сначала центральная, а за ней и остальные с нарастающей скоростью. Блестящие хлопья растворились в воздухе, а земная поверхность затянулась и вновь стала непрозрачной. Шахматная доска подернулась, ее клетки слились, и вся вложенная голограмма плавно перетекла в одну-единую и привычную картину реальности. Манекены на площади зашевелились и пошли своей дорогой как ни в чем не бывало. Кино запустилось.

В следующий момент со стороны Академии раздался треск, сопровождающийся короткой вспышкой света, а затем и непривычно яркий солнечный свет заполонил все пространство. Крышка растворилась в небе, словно ее и не было.

КОСИЦА НАМЕРЕНИЯ

В торговом центре, где мы в последний раз оставили жрицу Итфат и диву Матильду, царило абсолютное безмолвие и в буквальном смысле оцепенелость, поскольку даже само пространство застыло в неподвижно висящих в воздухе блестящих хлопьях, не говоря уж о манекенах, застигнутых врасплох мгновенным стоп-кадром в различных неестественных позах.

Подобная картина могла бы действительно служить иллюстрацией абсолютного безмолвия и безвременья, если бы не две живые фигурки, одна из которых кружилась и хохотала, как делала всякий раз, когда была крайне взволнована, а другая ходила взад-вперед, всплескивая руками и восклицая:

– Фати! Ну успокойся наконец! Скажи, что ты вспомнила?

Итфат внезапно остановилась и замерла, уставившись на Матильду с архисерьезным лицом.

– Фати, ты опять меня пугаешь!

Но жрица через мгновение отмерла и улыбнулась:

– Тили, теперь я знаю, что мы называли движочками-рычажочками у нас за спиной и какое у них назначение!

– Ну давай уже рассказывай! – воскликнула Матильда в нетерпении.

– Это архаичный рудимент, энергетическое сплетение, похожее на косицу. В обычном состоянии косица незаметна, а когда кино остановлено, она становится видимой. Видишь? – Итфат повернулась к Матильде в пол-оборота. – И у тебя то же самое!

– То-то я чувствовала, что у меня за спиной присутствует нечто такое... будто томительное ощущение, что ли... – Матильда поводила руками за головой, но безрезультатно. – А на ощупь там будто ничего и нет? – удивилась она.

– Косица неосвязаема, – ответила Итфат. – Ее можно только почувствовать, как фантомную часть тела, которая вроде есть, а вроде и нет. Так люди, у которых ампутировали руку, чувствуют, будто она там все еще есть. У тебя вот хоть какое-то ощущение за спиной было, а я вообще ничего не чувствовала – забыла напрочь это ощущение. А теперь вспомнила, представляешь! И чувствую свою косицу!

– Но я ничего такого особого не ощущаю, – сказала Матильда. – Какое-то ощущение, точнее, ощущение присутствия чего-то, появляется,

только когда обращаешь туда внимание.

– Вот именно что так и есть! – воскликнула Итфат. – И именно так должно быть! Косица активируется, когда обращаешь туда свое внимание. Она даже слегка приподнимается под наклоном к спине. Видишь? – жрица опять показала диве свою косицу. – Сейчас я на ней сосредоточилась, и она поднялась. А теперь я сбросила с нее внимание, и она опустилась.

– Верно, – сказала Матильда. – А посмотри, у меня то же самое получается?

– И у тебя тоже! Здорово получается! Теперь понимаешь, почему твой бантик ни при чем?

– Зато мой бантик научил меня чувствовать косицу! – объявила Матильда. – И я с ним ни за что не расстанусь!

– Правильно, не расставайся, – согласилась Итфат. – Я без него тебя даже не представляю. Тиличка, ляля! Тиличка-Тиличка, ля-я-я-ля!

– Ну хватит, Фати! Скажи лучше, зачем она активируется, и зачем вообще нужна?

– Зачем? И ты еще спрашиваешь? Чтобы повелевать реальностью, вот зачем! Мы ведь уже пользовались своими косицами, хоть и неосознанно.

– Да, и киноленты останавливали, и перемещались, и корм себе добывали. И это все наши косицы? А меня косица даже от смерти спасла, когда я впервые встретила с гламроками!

– Вот! А что ты сделала, когда тебя вели на встречу с их главным, гламорком? Вспомни!

– Я решила, что со мной все будет хорошо, и точка.

– На самом деле, ты поймала ощущение косицы и объявила свое намерение. Ты задала реальность! Свою другую реальность, чтобы не остаться в той, в которой ты должна была умереть.

– А разве можно задавать реальность? – удивилась Матильда.

– Тили, сколько раз мы с тобой об этом беседовали! – воскликнула Итфат. – Помнишь, мы говорили о том, что можно менять ход событий?

– Да, ты еще тогда упоминала, что на персонажей непосредственно влиять нельзя, а возможно лишь менять сценарий, по которому они действуют.

– Если быть точнее, непосредственно на сам сценарий тоже влиять нельзя.

– А что же тогда меняется?

– Кинолента, на которой сценарий уже другой!

– Фати, объясни подробнее, с самого начала, что нужно делать, чтобы задать другую реальность?

– Все очень просто. Ты сосредотачиваешься на косице и, не отпуская с нее внимания, представляешь в мыслях, словах или образах ту картину, которую хочешь получить в реальности. Другими словами, задаешь свое намерение, и тем самым задаешь реальность. А затем можешь сбросить ощущение с косицы, то есть, деактивировать ее. Мы все это проделывали не раз, с той лишь разницей, что не знали о существовании косицы.

– И что при этом происходит? Переход на другую киноленту?

– Умничка, девочка Матильдочка! Ты не можешь изменить сценарий на текущей киноленте, но это и не требуется. Как ты знаешь, реальность состоит из множества вариативных кинолент, на каждой из которых свой сценарий развития событий. Подсвечивая косицей нужный тебе кадр, которого нет на текущей киноленте, но который обязательно существует на какой-нибудь другой, ты перескакиваешь на ту самую киноленту. И тогда возможная, но пока не твоя вариация, превращается в твою настоящую. Или как это обычно говорится, воображаемое воплощается в действительность.

– Значит, для того чтобы изменить реальность, требуется воображение плюс косица? – спросила Матильда.

– Не совсем так, – ответила Итфат. – Не просто воображение, а твердое намерение – *установка*, что так оно будет. Ты активируешь косицу и, не отпуская с нее внимания, одновременно декларируешь свое намерение, что получишь то-то и то-то. Хочешь в мыслях, хочешь в словах, хочешь в образах, но твердо, уверенно, и вместе с косицей. Вот в чем секрет. Поэтому я и говорю, что ты не столько меняешь реальность, сколько задаешь ее, какой она будет.

– А точно ли будет? – продолжала допытываться Матильда.

– Когда ты просто витаешь в своих мечтах, как в облаках, едва ли твои мечты сбудутся. А с косицей и намерением – почти наверняка. Конечно, получается не всегда так прямо с ходу. А иногда и вообще не получается. Все зависит от сложности задачи, а так же от натренированности твоей косицы. Если задача трудновыполнима, это означает, что кинолента, где цель достигнута, находится довольно далеко от текущей – до нее еще долететь надо. Поэтому труднодостижимая цель, как правило, реализуется поэтапно, по мере того как ты перемещаешься с одной киноленты на другую, все ближе и ближе к целевой.

– А косицу что, еще и натренировать можно?

– А как же! Ты думаешь, почему я назвала ее рудиментом? Потому что люди ею не пользуются, и она атрофировалась. У всех по-разному, конечно. Например, у нас с тобой косицы более-менее еще действуют. А многим

придется немало потрудиться, чтоб хотя бы ее почувствовать. Поэтому, надо почаще задавать реальность. Не надеяться, мол, сбудется иль не сбудется, не ждать чего-то от реальности, а задавать ее, намеренно и систематически.

– Фати! Да ведь это принципиально иной способ мышления и существования вообще! Ты хоть понимаешь, насколько все это иное? Это буквально инопланетное мировоззрение! Совсем не наше! Ведь люди привыкли жить, ожидая и надеясь! Им и в голову не приходит, что можно не ждать, не тревожиться, не надеяться на какую-то манну небесную, а задавать реальность! Самим определять, какой ей быть! Ты представляешь, насколько это грандиозно! И это еще круче, чем управление вниманием! Ты помнишь, как я была ошарашена, когда ты мне рассказывала о том, как управлять вниманием?

– Ну-ну, Тили! А ты сама-то все хорошо запомнила? – спросила Итфат.

– Еще бы! Это же возвращает тебя тебе! Если вкратце, надо задать себе установку: я буду просыпаться всякий раз, когда что-то происходит, или когда меня что-то гнетет, или когда что-то не так со мной и окружающей реальностью.

– И что дальше?

– А дальше,ходишь в состояние осознания, включаешь своего Очевидца и начинаешь действовать осознанно. Не как персонаж, и даже не как зритель, а как осознанный наблюдатель. И тогда не ситуация владеет тобой, а ты владеешь ситуацией.

– А зачем нужен Очевидец, помнишь?

– Для того чтобы следить за тем, где находится твое внимание, кому оно принадлежит: тебе, или кинокартине, в которую ты погрузилась. Когда владеешь своим вниманием, владеешь собой.

– Правильно, – сказала Итфат. – Нужно наработать обратную привычку: не засыпать, не впадать в транс, а наоборот, чуть что, просыпаться. И еще, не забывай, когда ты что-то делаешь, задавайся вопросом: ты это делаешь сама, или кто-то или что-то ведет тебя.

– Да, и об этом помню. А еще, Фати! Правильно ли я догадываюсь, что теперь требуется нарабатывать еще одну обратную привычку?

– И какую же, Тили-Тили?

– Не ждать чего-то от реальности, а задавать реальность!

– Ты действительно умничка, Тили-Тили!

– Нет, ну я опять обалдела от всего, что ты мне рассказала! – не переставала восторгаться Матильда. – Это поистине инопланетное знание!

– Да нет, Тили, мы с тобой, скорей всего, с одной планеты, – сказала

Итфат. – В моем мире есть солнце и луна, и в твоём. Просто, наши миры сильно разнесены по времени.

– И все-таки, это грандиозно! Для тебя это обыденно, поскольку ты родилась и жила с этим знанием, хоть и позабыла многое, надеюсь временно, вспоминаешь ведь. А для меня, ну просто потрясающе! Может, ты еще что-нибудь обалденное вспомнишь? Фати!

– Может-может!

– Кстати, а почему ты назвала рудимент архаичным? – спросила Матильда.

– Потому что в глубокой древности, когда Создатель только что создал людей по своему образу и подобию, эти люди умели повелевать реальностью. Они в совершенстве владели косицей. Но со временем постепенно эту способность утратили. И как ты думаешь, почему?

– Почему же?

– Они погрязли в своем кино. Стали просто жить в своей реальности, как рыбки в аквариуме. Люди перестали управлять вниманием – вот что главное. А если не управляешь вниманием, то и про косицу забываешь. Потому что владеть косицей можно лишь при условии, что вниманием своим владеешь.

– Вообще само понятие «владеть» означает не «обладать» вовсе, а уметь управлять, – продолжила Итфат. – Когда люди перестали управлять реальностью, они сменили намерение на мечты и вожделения. А косица, как ты теперь знаешь, работает не на мечтах и желаниях, а на намерении.

– Напомни мне, что такое намерение? – попросила Матильда.

– Намерение, это твердая установка на то, что это у тебя будет, и точка, как ты сама выражаешься. Не возжелание чего-либо, что сбудется или нет, а твердая и спокойная установка – решимость. Понимаешь разницу?

– Да, поняла, твердая и спокойная решимость. Непоколебимая, можно сказать, решимость.

– Верно. Поэтому наш движочек-рычажок – это не косица желания, а косица намерения. И только при этом условии она работает.

– А вот еще, Фати, – продолжила Матильда, – ты говоришь, люди когда-то владели, а потом утратили... Но ведь ты же этим знанием владеешь, в вашем мире ведь оно есть? Каких людей ты имеешь в виду?

– До нашей цивилизации существовали другие, более развитые. Мне неизвестно, сколько их было, но все они, дойдя до определенной точки, деградировали. После деградации начиналось развитие, а следом опять упадок. Не знаю, отчего и зачем такая цикличность, но так оно есть. Вероятно, реальность не позволяет повелевать собой безраздельно. И как

только наступает какой-то предел, она погружает людей в сон.

– Ой, что касается нашей цивилизации, так мне кажется, она никогда не просыпалась, и похоже, не собирается.

– Мы тоже еще далеко не развиты. Только начинаем осваивать это знание.

– А откуда оно вообще взялось?

– Все приходит от Верховного Создателя. Но кому и когда оно приходит, зависит от степени готовности того, кому оно предназначено.

– Ох, Фати, все это безумно интересно, но давай вернемся к нашим манекенам. Почему у них тоже косицы? Они ведь неживые. И что это за синие лучи у них? И у нас-то самих эти лучи были, пока мы не опомнились.

– Зачем и почему у них косицы я точно не знаю, но присутствие косицы вовсе не означает, что ее обладатель сможет ею воспользоваться. Вероятно, у косиц еще другие функции имеются. Например, функция управления.

– Это типа как стержень, за который можно держать тряпичную куклу и водить ею?

– Вероятно, да.

– Выходит, если косица в твоих, так сказать, руках, то ты принадлежишь себе и владеешь собой. А если она оказывается в чужих руках, тогда ты уже себе не принадлежишь, и тобою можно управлять?

– Абсолютно верно, Матильдочка! Потому и вся речь о том, чтобы владеть и управлять своим вниманием. Владеешь вниманием – владеешь косицей, а соответственно и собой тоже. А вот синие лучи – это еще интересней!

– И что же это такое, Фати?

– А догадайся! О чем мы только что говорили?

– Об управлении вниманием. И что?

– А помнишь еще, в чем суть разницы между наблюдателем и персонажем?

– Когда я сплю и не понимаю, что сплю, я персонаж, и меня ведет сновидение.

– Да, или другими словами, кино ведет тебя. Кино владеет тобой! А точнее, что тебя ведет?

– Сценарий?

– Вот эти синие лучи и есть привязка персонажа к сценарию на киноленте.

– Хела! Я поняла! Они как нити марионеток!

– А понимаешь теперь, почему они у нас тоже присутствовали, а потом исчезли, когда мы опомнились? – спросила Итфат.

– Они исчезли, когда мы вернули себе свое внимание! – обрадовалась Матильда.

– Вот! Ты становишься собой лишь в тот момент, когда возвращаешь себе свое внимание. Когда вытаскиваешь его из внешнего кино, или из внутренних размышлений. Только тогда ты можешь сказать, что «ты это ты». Все остальное время ты бессознательный персонаж, и кино владеет тобой. Оно тебя держит за косицу, через этот самый синий луч.

– Значит, когда я освобождаюсь от луча, я открепляюсь от сценария и могу свободно разгуливать в кино?

– И не только! В этот момент ты можешь задавать себе другое кино и перескакивать на другую киноленту.

– Ух, Фати! Классно!

– Главное, что и в сновидении, и наяву, все одинаково. Вот так вот так!

– Знаешь, меня просто жуть берет, когда я вспоминаю, что мы еще недавно были готовы чуть не убить друг дружку! Моя Фатичка, Фати! Я без тебя и так сразу умру!

– Тили-Тили, я тоже уже не могу без тебя!

Они обнялись.

– То, что с нами случилось, – сказала Итфат, – свидетельствует о том, что внимание – очень серьезная штука. Нельзя его беспечно отпускать на самотек. Постоянно и долго удерживать его в центре не удастся, но нужно о нем вспоминать почаще и возвращать себе всякий раз, при малейшем дуновении пространства.

– Да, теперь я понимаю. А что нам делать с зависшим пространством? – спросила Матильда. – Видишь, аж хлопья застыли в воздухе.

– Я думаю, нам тут делать нечего, – ответила Итфат. – Надо на другую киноленту перебираться.

– И чего это манекены так обозлились на людей? Интересно, что бы они с нами сделали, если б поймали?

– Да кто их знает.

– А чем отличаются пластиковые манекены от манекенов сновидений?

– И те, и другие, просто тела, формы воплощения. Без души и сознания.

– Но они ведь чего-то хотели от нас? Значит, у них все-таки есть какое-то сознание?

– Это не сознание, это сценарий их вел по какому-то сюжету. Как и

нас, впрочем.

– И откуда только берутся такие кошмарные сюжеты?

– Частично, из наших подсознательных страхов.

– А помнишь, у гламроков не было видно ни косиц, ни синих лучей, когда они замерли, – сказала Матильда. – А потом нам удалось даже пробудить в них сознание, когда мы заставили их вспомнить свои имена.

– Тогда кино было не остановлено, а замедлено, потому наверно и не было видно. А сознание – слишком сложный вопрос, чтобы его сейчас обсуждать. Нам пора отсюда убираться, пока кинолента не запустилась.

– Фати, давай теперь попытаемся в твой мир переместиться. Сможешь нас туда отправить?

– Ладно, давай попробуем.

ГОРОД ХРАМОВ И СТАТУЙ

Жрица Итфат привычным движением слегка наклонилась, опустив голову, а затем вскинула руки до уровня плеч, согнув их в локтях, и распрямилась с возгласом:

– У-У-У-У-ЛЯ!

Пространство торговой галереи в тот же момент помутнело и закружилось с нарастающей скоростью в вихре вокруг фигурок дивы и жрицы. Затем скорость вращения замедлилась, вихрь развернулся в обратном направлении и раскрылся в статичное пространство, в котором буквально из воздуха постепенно начали материализовываться объекты из черного и белого камня.

Так же постепенно, но неотвратно нарисовалась полная картина местности. То был мертвый город, погруженный в полумрак и состоящий в основном из храмов и статуй. Земная поверхность представляла собой огромную шахматную доску, где на черных квадратах располагались белые статуи, а на белых – черные. Величина статуй достигала два-три человеческих роста. Поодаль и по сторонам были разбросаны триумфальные арки и небольшие храмы в серых тонах, а посреди широкой площади возвышался главный храм с колоннами из белого камня.

Во всей этой черно-белой картине цветом выделялись только дива и жрица. Их фигурки смотрелись как миниатюрные статуэтки в окружении гигантских монументов. Подруги принялись ходить туда и сюда, разглядывая изваяния.

– Фати, разве это твой город? – спросила Матильда. – Что-то похожее в нем есть, но куда подевались красивые аллеи, дома, деревья, цветы?

– Тили, это не материальная действительность, – ответила Итфат. – Мы все еще находимся в метареальности. Видишь, людей нигде нет. Попастъ в настоящую реальность почему-то не удалось.

– И что же мы теперь будем делать?

– Не знаю. Пока осмотримся.

– Фати, я сейчас расплачусь! Неужели мы никогда не вернемся в реальность?!

– Ну-ну, Тили-Тили! – жрица взяла диву за плечи и слегка встряхнула. – Ты хоть и ляля, но должна держать себя в руках. Вспомни о своем внимании. Представь, что мы всего лишь гуляем в кино, ладно?

– Ладно, – пролепетала Матильда, едва сдерживая слезы. – Я просто

уже устала от всех этих кошмаров.

– Давай для начала найдем мою статую, – предложила Итфат. – Интересно ведь.

– Давай.

Они взялись за руки и отправились на поиски Тафти.

– Скажи, а чьи все эти скульптуры? – спросила Матильда.

– Ну, это всякие видные деятели прошлого, а также забытые боги, – ответила Итфат.

– Почему забытые?

– Потому что люди склонны выдумывать себе всяких богов, чтобы найти в них точку опоры. И так выдумывают все новых и новых, а старые при этом уходят в забвение.

– Действительно, глупость какая.

– Люди не глупые, они просто не знают, как устроена реальность, и что они сами в этой реальности могут быть подобны богам. А вот, смотри, там что-то похожее на меня.

Они подошли к постаменту, на котором и в самом деле возвышалась точная копия Итфат из черного гранита, только в два раза выше ее самой, а внизу была высечена надпись: «ТАФТИ. ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА». Подруги обошли статую кругом, любуясь и одновременно пребывая в трепетном благоговении. Хотя Итфат, пожалуй, отнеслась к увиденному спокойней, чем следовало бы ожидать.

– Неплохая работа, – сказала она.

– Фати! Неужели тебе не жутко смотреть на свое изваяние? – удивилась Матильда.

– Ах-ха-ха! – развеселилась в своей манере жрица. – Ну это же не надгробие! А хоть бы и надгробие, что с того. Я ведь жива!

– Хорошо, что у вас еще не принято указывать даты рождения и смерти.

– Да, это приятно. Будто смерти и нет, а есть вечная память. Но ты знаешь, смерти действительно как таковой не существует...

Не успела Итфат закончить фразу, как откуда-то раздался гулкий звук гонга, и в тот же момент статуи зашевелились и сошли с постаментов. Их движения были замедленны и тяжеловесны, как у великанов, каковыми они и являлись, тем более что каменными. Одна лишь фигура Тафти осталась стоять на своем пьедестале, за который и спрятались дива со жрицей, решив понаблюдать.

Великаны тем временем, все черные и белые, принялись синхронно перемещаться меж собой, шагая прямо, и под прямыми углами налево и

направо, пока не выстроились в колонну шахматным порядком. Самый крупный из них вышел перед строем и низким басом провозгласил:

– Внемлю и поклоняюсь!

– Внемлем и поклоняемся! – громовым хором повторили все остальные.

После этого они дружно повернулись, собираясь следовать в сторону главного храма. Но не тут-то было.

– Хей! – окликнула их Итфат, к удивлению и ужасу Матильды.

– Фати! Ты с ума сошла! – прошептала та, все еще сидя за пьедесталом. Но жрица уже вышла вперед и стала, скрестив руки на груди. Матильда не могла оставить подругу одну, и ей тоже пришлось выйти.

– Тили, – шепнула ей Итфат, – что бы ни происходило, не пугайся, они ничего не могут нам сделать.

– Откуда ты знаешь?! – отчаянным шепотом воззвала к ней Матильда.

– Я так решила, и точка.

Каменные статуи сначала замерли, а затем все резко повернулись к незванным гостям. Главный великан вытянул перст и страшным голосом загремел:

– Падите ниц, смертные!

– Не престало живым перед мертвыми падать ниц, – как ни в чем не бывало ответила Итфат.

Великан, рассвирепев, протянул свою огромную ручищу и попытался схватить жрицу. Однако его рука прошла сквозь нее как сквозь пустоту. Не понимая в чем дело, каменный исполин не прекращал попыток схватить ту или другую жертву, и все гремел:

– Падите ниц!

– Да щас! – ответила ему Итфат, вслед за чем взобралась на постамент и стала, подбоченясь, подле своей статуи. Матильда между тем не двигалась с места, оцепенев от страха.

Теперь и великан, в свою очередь, оцепенел от удивления и ужаса.

– Верховная жрица Тафти! – пронеслось по рядам остальных статуй. – Живая среди бессмертных!

– Внемлю и поклоняюсь! – пробасил великан и опустился на колено, склонив голову.

– Внемлем и поклоняемся! – повторили остальные, преклонив колени.

Итфат спустилась с постамента и непринужденно оперлась о него локтем. Матильда, наконец, тоже пришла в себя и встала рядом с подругой.

– Вы не бессмертные, не мните из себя богов, – сказала им Итфат.

– Почему? – удивленно спросил великан, подняв голову.

– Вы увековеченные в камне, не более того. И склоняться предо мной вам тоже необязательно. Встаньте.

Статуи послушно поднялись.

– Тогда води нас, о великая жрица, – провозгласил великан, – в храм Всевысший!

– Зачем? – игриво спросила жрица.

– Чтобы поклоняться Создателю!

– Ладно, – ответствовала Итфат в той же манере, – пошли.

– Внемлем и поклоняемся! – торжественно произнесли статуи, и все как один последовали за обеими жрицами, которые зашагали в сторону главной площади, о чем-то меж собой перешептываясь.

Когда вся процессия подошла к храму, Итфат и Матильда поднялись по ступеням и стали возле колонн, а великаны выстроились полукругом внизу подле храма. Главный вышел в центр полукруга и с пафосом провозгласил:

– О верховная жрица Тафти, взываем к тебе, возочни великое священнодействие!

– Внемлем и поклоняемся! – запели хором статуи.

– Какое-такое священнодействие? – ироничным тоном спросила Итфат.

– Ритуал поклонения Создателю, торжественный и священный! – ответил великан.

– Сейчас избранница храма Илит вам очень торжественно весть сообщит, – загадочно объявила Итфат.

Статуи замерли в трепетном ожидании. А Матильда вышла вперед и, помявшись с ноги на ногу, выпалила:

– Вам нахрен не нужно никому поклоняться! Все.

И отошла в сторону.

Каменные истуканы аж вытянули губы от изумления. А Итфат подняла руки в локтях и развела их в стороны жестом, дескать, такие вот дела.

– Нам? – пронеслись удивленные возгласы среди статуй. – Нахрен не нужно? Не нужно нахрен? Что такое нахрен?

– Нахрен не нужно, это значит, на кой ляд вам это нужно? – сказала Матильда, повторив жест Итфат.

– На кой ляд? – вопросительно повторили статуи. – На кой ляд нам нахрен? Или нахрен на кой ляд? Что такое ляд?

– На кой ляд означает, что никому не нужен ваш обряд, – объяснила им Матильда.

– Мы поняли! – объявил великан. – Нам нахрен не нужно! Внемлем и поклоняемся! На кой ляд!

– На кой ляд нам и нахрен не нужно! – повторили с энтузиазмом статуи. – Внемлем и поклоняемся!

– Нет, вы не поняли! – вступилась Итфат. – С чего вы взяли, что Создателю следует поклоняться?

– Потому что Он велик и всемогущ! – ответил великан.

– А вы что, рабы? – спросила Итфат.

– Нет! – зароптали статуи. – Мы не рабы! Рабы не мы!

– Или может вы рыбы? – задала им серьезный вопрос Матильда.

– Нет, мы не рыбы! – со всей серьезностью ответили они.

– Создатель говорил вам, что вы должны ему поклоняться? – спросила их Итфат.

– Нет, не говорил, – ответили статуи.

– А вы Его хоть раз видели?

– Нет, не видели.

– Правильно. Он не хочет, ни видеть вас, ни говорить с вами.

– Почему? Почему? – искренне удивились статуи.

– Потому что вы исполнение Его заповедей лукаво подменили поклонением Ему, – ответила Итфат. – А сами самонадеянно возвели себя в ранг святых и бессмертных.

Статуи озадачились и на некоторое время замолкли.

– Но мы ставим себя ниже Его! – возразил великан. – Мы же поклоняемся Ему!

– А почему вы считаете, что Ему это нужно?

– Потому что Он велик!

– Лицедействуете! И перед собой лицедействуете, и перед Ним не стесняетесь!

– Но почему? Почему мы лицедействуем? – опять искренне удивились статуи.

– Потому что вы так же самонадеянно и лукаво за Него решили, что Ему нужно, а что нет. А потом настолько свыклись со своим обманом, что обман вам стал казаться правдой.

Среди статуй воцарилась гробовая тишина. Им нечего было возразить.

– Но что же нам делать, верховная жрица Тафти? – спросил великан.

– Внимать, но не поклоняться.

Славить, но не поклоняться.

Не поклоняться, а созидать вместе с Создателем, – ответила жрица.

– Но как мы можем созидать вместе с Ним? – с глубоким удивлением спросил великан. – Ведь мы ниже Его!

– Вы ниже? И это лукавство, – ответила Итфат. – Вы не равны Ему, но

и не ниже Его. Создатель создал вас по образу и подобию Своему. Зачем Он это сделал?

– Чтобы мы поклонялись Ему?

– Еще раз повторяю: «по образу и подобию Своему». Почему именно так сказано? Разве дети поклоняются своим родителям? Они внемлют им и чтят их. Или может Создатель сам себе решил поклоняться? Нет, Он не тратит время попусту – Он создает. В отличие от вас, Он не бездельник.

– А вы не только не созидаете, – продолжила Итфат, – а еще убиваете, устраиваете войны и разрушения. Вы думаете, что, поклоняясь Ему, вы тем самым зарабатываете себе индульгенцию, чтобы затем с чистой совестью идти убивать и разрушать. Но это лицемерие и ложь. Поэтому Он и не является к вам.

– Что же нам делать, о великая жрица? И как же нам делать? – спросили статуи.

– Великая ли я, и что и как вам делать, сейчас покажу вам. Смотрите на меня и на мое изваяние.

Итфат, на глазах у изумленных истуканов, выполнила свое магическое действие со своим возгласом «у-у-у-у-ЛЯ!», и в тот же момент ее статуя вместе с пьедесталом исчезла с площади.

– Теперь, великая ли я, спрашиваю вас?

– Нет, госпожа, – ответили те. – Но как ты это сделала, великая жрица?

– Так великая или нет?

– Мы не знаем, – замялись статуи.

– Велик не сам человек, а дела его. Понятно вам?

– Как это? Как это? – в недоумении загалдели статуи.

– Когда научитесь созидать, поймете.

– Научи нас, великая жрица!

– Опять заладили. К вашему счастью, в вашем мире нет необходимости прикладывать усилия и трудиться. Вам достаточно сформировать намерение и повелеть ему свершиться. Смотрите, как это делается.

Итфат привычным жестом наклонилась, а затем распрямилась, и вскинув руки, воскликнула:

– Повелеваю, свершись!

И в ту же секунду на том самом месте, где прежде стояло изваяние Тафти, забил великолепный фонтан с лазурной водой в круглом бассейне, украшенном изящной мозаикой из малахита. Каменные истуканы разразились восторженными возгласами.

– Как тебе это удалось, о великая жрица?!

– И вы на такое способны, – ответила им Итфат.

– Смотрите еще раз, – теперь уже к волшебному творению подключилась дива. Матильда поправила свой бантик, тоже вскинула руки и воскликнула:

– Повелеваю, свершись!

И в следующий момент, пребывавший до того во мраке город озарился солнечным светом, а на голубом небе всеми цветами засияла радуга.

– О великая жрица Тафти! – закричали в восторге статуи. – О великая избранница храма Илит! Свершите нам еще чудо!

– Здесь нет никаких чудес, – сказала Итфат. – И теперь вы сами. Идите и займитесь делом. Вспомните, кто из вас что-то когда-то умел.

– Прикажи нам, что мы должны сделать, о великая жрица! – спросил великан.

– Для начала уберите эти свои «великие» постаменты, а вместо них постройте себе красивые и удобные жилища. А затем украсьте и весь город.

– Внемлю и поклоняюсь! – ответил великан.

– Что?! Опять за свое?! – набросилась на него жрица. – Не гневайся, госпожа, – попросил тот. – Сейчас все исправим, и сами исправимся.

Великан повернулся в сторону постаментов, вскинул руки и прогремел:

– Повелеваю, свершись!

Однако. Ко всеобщему удивлению остальных статуй и к удовольствию дивы и жрицы, у него получилось. Постаменты исчезли, а на их месте выросли симпатичные дома, точь в точь как в настоящем мире Тафти, только размером под стать великанам.

– Честь и хвала! – закричала Итфат.

– Браво! – закричала Матильда.

– О-О-О! У-У-У! – пронеслось в толпе статуй.

– Кто следующий? – спросила Итфат. – Смелей!

Из толпы вышел смельчак, вскинул руки и воскликнул:

– Повелеваю, свершись!

Шахматная доска исчезла, а вместо нее повсюду побежали уютные дорожки и бульвары.

Потом вышел очередной доброволец.

– Повелеваю, свершись!

Дорожки, аллеи, скверы – все обросло кустарниками и деревьями.

Затем вышла статуя женского рода.

– Повелеваю, свершись!

В добавок к зелени все пространство в округе было со вкусом украшено цветами.

Так по очереди все выходили, провозглашали «Повелеваю, свершись!» и добавляли в общее убранство какие-то новые детали. В конечном итоге город превратился в то самое благодатное место, которым так восхищалась Матильда, когда они на экране следили за происходящим в мире Тафти.

– Ну а теперь, – спросила Итфат, – каков будет ваш лозунг?

– Внемлю, славлю, созидаю! – ответил главный великан.

– Внемлем, славим, созидаем! – подхватили все остальные.

После этих возгласов храм внезапно озарился ярким сиянием, исходящим из его внутреннего пространства. Сияние, переливаясь, держалось где-то с минуту, в то время как все молча, но с небывалым восторгом любовались божественным явлением.

– Вот и Создатель явился к вам с благословением! – воскликнула Итфат.

Великаны подхватили на руки обеих своих благодетельниц и с ликованием понесли по улицам города. Это был настоящий триумф Тафти-жрицы, а также и новоизбранницы храма Илит, в честь которой и был впоследствии именован этот храм. Хотя, все их самые выдающиеся деяния были еще только впереди...

А пока, первойшей для них задачей оставалась одна – выбраться из метареальности в реальность явленную. Но когда тому суждено осуществиться, было ведомо наверно только Преддверию.

ХОДЯЩИЕ ПОД КРЫШКОЙ

- Ура-ура-ура! – заголосила Подлодка.
- Друзья запрыгали, захлопали в ладоши и принялись обниматься.
- Механизм самоуничтожения наючной штуковины сработал!
- Теперь эксперименту наюки самый что ни на есть понец!
- Самый-пресамый!
- Кошеливый кошец!
- Счастливый!
- Наша миссия выполнена!

Люди внизу тоже кричали в восторге, то и дело поднимая руки кверху. Со всех улочек к городской ратуше начал стекаться народ, и вскоре уже вся площадь была заполнена ликующей толпой. Перед народом не замедлили появиться и члены администрации, сгрудившись на балконе насколько позволяло место. Один из них поднял руки, и публика постепенно угомонилась.

– Уважаемые сограждане! – провозгласил он. – Наше общество долгое время пребывало во мраке, и не было нам ни дна, ни крыши! Но власть не бездействовала! И вот, наконец, крышке пришел конец!

- Слава власти! – выкрикнул кто-то из толпы.
- Крышке крышка! – подхватили все остальные.

Между тем с противоположной стороны площади на балкон Академии высыпали наюкоёлоги. Главный из них, в свою очередь, тоже воззвал к жителям:

- Уважаемые сограждане!

Вся публика как один повернулась в сторону Академии.

– Как вы знаете, наюка – свет, а ненаюка – тьма! Блуждая во тьме, но не дремля, наши доблестные наюкоёлоги неустанно искали тоннель конца света! И вот, в результате напряженного наючного поиска, на небосклоне снова возшло светило наюки!

- Слава наюке! – раздался крик из толпы.
 - Крышке крышка! – подхватили остальные.
- Друзья с любопытством наблюдали сверху за происходящим.

- Что они такое кричат? – задалась вопросом Подлодка.

- Да они и сами не понимают, – ответил Адя.

– А вы обратили внимание, что наши кошицы исчезли? – заметила Кошиса.

– Скорей всего они видны, лишь когда кино остановлено, – предположила Корова. – А так, наверно, никуда не делись.

– А у людей наверно и синие лучи, как ниточки, остались, только невидимые? – спросила Подлодка.

– Судя по всему, да, – сказала королева.

– Вопрос, кто их за эти ниточки крепче держит: кинолента, или власть предержащие, – добавил Зверюга.

Тем временем слово опять взял глава администрации:

– Уважаемые сограждане! – на пределе голосовых связок прокричал он.

Публика тут же синхронно повернулась в сторону городской ратуши.

– Руководствуясь исключительно и только интересами общества, мы усилили свое руководство, внеся свежую струю в мутный поток! Днем и ночью, не смыкая глаз, мы думали о народе и его благосостоянии! Денно и ночью мы носились на скромных служебных машинах из одного конца города в другой и из другого в третий, не переставая вести срочные переговоры по телефону! И в результате нашего умелого руководства, мы справились, мы смогли!

– Слава власти! – крикнул кто-то в толпе.

– Крышке крышка! – подхватили остальные.

– Уважаемые сограждане! – снова перехватил инициативу главный наюкоёлог.

Уважаемая публика в очередной раз послушно поворотилась.

– С чувством глубокого удовлетворения мы отмечаем, что передовая наюка снискала тоталитарное доверие народных масс, углубляясь в своей авторитарности все дальше в глубь и растя в ширь! Невозможно недооценить, а также переоценить движущую силу наюки, которая сокрушила крышку и повергла ее обратно – туда, откуда она проистекла и произросла своими метастазами – в глубокую пучину маразма! И теперь, всплывя с победой из этой пучины, наюка окончательно показала всю свою состоятельность и компетентность!

– Эксперимент-наюка-абсцесс! – заскандировали наюкоёлоги на балконе.

– Слава наюке! – раздался крик из народа.

– Крышке крышка! – подхватил народ.

Наши друзья отошли от края смотровой площадки и собрались в круг.

– Ну что, все ясно, – сказал Адя.

– Как ходили под крышкой, так и ходят, – сказал Зверюга.

– А нам-то что, мы свое дело сделали, – сказала Кошиса.

– Нам пора уходить, – сказала Корова. – Пока они тут митингуют, сможем раствориться в толпе, не привлекая к себе внимания.

– А куда пойдём? – спросила Подлодка.

– Сначала к Карамилле, а потом домой, – ответила королева.

– Да, здорово! – воскликнула Подлодка. – Идем в нашу добрую виллу Маравиллу!

– К нашей любезной Карамилле, – добавил Адя.

ЖИВЫЕ СРЕДИ ЖИВУЩИХ

Пока с той и другой стороны площади звучали речи, а публика поворачивалась туда и обратно, наши друзья спустились вниз незамеченными и нырнули в одну из улочек. Впрочем, их никто и не собирался преследовать, по понятным уже причинам. Через несколько кварталов они подошли к вилле Маравилле и позвонили в колокольчик. Карамилла встретила их, не сдерживая восторга.

– Ах вы мои хорошие! Ах вы мои дорогие! У вас получилось! – она по очереди придушила всех в своих объятиях.

Ее прежняя помпезная прическа теперь сменилась на более удобную и изящную.

– Без ваших разведданных и без вашей помощи, любезная Карамилла, мы едва ли смогли бы что-то сделать, – отметил Адя.

– Мир не хотел спасаться, но мы его все равно спасли, – сказала Подлодка.

– И весь кошемир теперь доволен и празднует, – сказала Кошиса.

– Да, вы знаете, Карамилла, на площади творится что-то невообразимое, – сказала Корова.

– Знаю-знаю, мои хорошие! Все горожане туда отправились, но я ждала вас, и вот, дождалась! Сейчас, сейчас я буду вас кормить, а вы пока располагайтесь и отдыхайте!

Гости устроились за столом в гостиной, а хозяйка принялась хлопотать.

– Карамилла, мы вам очень благодарны за все, – сказала Брунхильда. – В особенности за помощь в ликвидации крышки.

– Это я без вас, что бы делала, не знаю! – не могла нарадоваться Карамилла. – Вы кушайте, кушайте, мои хорошие, потом расскажете!

Друзья с удовольствием наотведывались всевозможных яств, которые им Карамилла наготовила с любовью и старанием, а за десертом принялись наперебой рассказывать о своих приключениях и удивительных трансформациях с реальностью.

– Карамилла, а вы не заметили каких-либо изменений, когда кинолента остановилась? – спросила королева.

– Нет, для меня никакой остановки не было, – ответила Карамилла. – Все было как обычно.

– Это очевидно, что застывшие в кино не замечают его остановки, –

сказал Адя. – В паузе может пройти целая вечность. Но как только кинолента запустится, жизнь ее обитателей продолжится как ни в чем не бывало.

– Вообще все, о чем вы рассказали, просто поразительно! – воскликнула Карамилла. – Видимо, реальность устроена совсем не так, как мы ее представляли.

– Если бы не крышка, мы бы ничего этого не узнали! – сказала Подлодка.

– И не встретились бы все вместе! – добавила Корова.

– И не превратились бы, – подытожил Зверюга. – Я, во всяком случае, так и остался бы зверюгой, наверно.

– А я было грешным делом думал, что наши усилия напрасны, – сказал Адя. – Ну ликвидируем мы эту их чертову машинку, а они ее заново восстановят.

– Теперь уже не восстановят, – сказала Карамилла. – Власти и наюкоёлоги были вынуждены влиться в русло общественного мнения.

– А как быстро сообразили! – подметила Подлодка.

– Да, им пришлось, – сказала Корова. – Как они выразились, «внести свежую струю в мутный поток». Только в этой фразе прилагательные следовало поменять местами.

– Не исключено, что наюкоёлоги еще какую-нибудь адскую машинку изобретут, – предположила Кошиса. – Вот, случится у них абсцесс с последующим маразмом, и выползет очередное изобретение. А что бы они ни изобретали, всегда получается бомба в том или ином воплощении. Это не просто кошебродство, это террокошизм настоящий!

– И нам опять придется спасать мир! – воскликнула Подлодка.

– Может и не придется, – сказала Корова. – Люди ведь, все-таки поняли, что без крышки жить лучше, и искренне радовались чистому небу. Значит, не совсем они невменяемые.

– Только не до конца поняли. Не до конца уяснили сущность крышки, – заметил Зверюга.

– Ох, да, с нашим обществом у нас беда, – сокрушилась Карамилла.

– Да мы и сами раньше были как будто не вполне вменяемы, – сказала Подлодка. – Мы с Адей, например, каких-то мамотников ловили.

– Ну, стоит ли вспоминать об этом! – с неудовольствием отмахнулся Адя.

– Мы все раньше были спящими, – сказала королева. – И только приключения, через которые нам пришлось пройти, разбудили нас.

– Не говоря уж о наших чудесных превращениях! – воскликнула

Подлодка.

– Преображениях! – добавила Корова.

– А я и туда и сюда теперь могу превращаться! – объявила Подлодка.

– И я, – подтвердила Корова. – А ты, Зверюга, можешь?

– Не знаю, – ответил тот. – Не уверен, что хотелось бы, и нужно ли.

– Ну а Кошиса у нас и безо всяких превращений шикарно выглядит, – вставил комплимент Адя.

– Кошично! Кошично выгляжу! – обрадовалась Кошиса. – Ведь правда же, мой господин, – обратилась она к Зверюге. – Я выгляжу?

– Да, Кошиса, ты выглядишь, – как обычно скупно выразился Зверюга.

Брунхильда при этом с едва уловимой тенью ревности покосилась на обоих, стараясь сохранять внешнее спокойствие. Но все почувствовали, что она совсем не спокойна.

– Карамилла, а почему вы поначалу вели себя так... хм, странно? – разрядила обстановку Корова.

– А как еще можно себя вести в окружении персонажей сновидения? – ответила Карамилла. – Пока вы не заговорили о крышке, я принимала вас за спящих. Вы же наверно и сами почувствовали, каково это, общаться с живыми людьми, с виду бодрыми, но на самом деле спящими наяву.

– Да, это действительно как во сне, – согласилась Подлодка. – Если ты вдруг понимаешь, что это сон, и все персонажи в нем нереальные, тогда и разговариваешь с ними как с персонажами, и держишься как бы отстраненно, наблюдая за их реакцией.

– Я в детстве примерно так же разговаривала с куклами, – сказала королева.

– Лично я специализировался на плюшевых мишках, – вставил Адя. – Только они были не особо общительными.

– Ах-ха-ха! – развеселилась Корова. – Но зато они наверняка были твоими самыми преданными слушателями!

– В кино, наверно, то же самое что во сне, – предположила Подлодка. – Вот если бы очутиться в кинокартине и попробовать пообщаться с ее героями, каково это будет?

– Скорей всего, будешь играть с ними в их игру, по их сюжету, только осознавая, что они всего лишь ролевые персонажи, а ты тоже, исполняешь свою роль, но делаешь это понарошку, – ответила Корова.

– Так мы это уже фактически попробовали! – сказал Адя.

– Да, общаясь со здешними персонажами, мы именно так и делали, – констатировала королева.

– Мы это очень отчетливо ощутили, когда наблюдали за происходящим

сверху, – заметил Зверюга.

– А в чем разница между живыми и живущими в кинокартине? – задалась вопросом Подлодка.

– Они здесь живут, поскольку привязаны нитями к некому сценарию, как марионетки, – ответил Адя. – А мы можем гулять, поскольку отвязаны.

– А вот еще вопрос: мы гуляем в кинокартине только в то время, когда она останавливается? – продолжала Подлодка. – А в остальное время мы тоже привязаны?

– Нет, по-моему, не только, – ответила Кошиса. – Мы ведь можем сказать, что «я это я», а они не могут.

– Это опять к вопросу о том, где мы находимся, – заметила Корова.

– Мне кажется, все-таки, мы не в настоящей реальности, – сказала Подлодка.

– А я, по-вашему, настоящая или нет? – возмутилась Карамилла.

– Карамилла! Конечно вы настоящая! – ответили ей.

– Тогда возвращаюсь к своей старой дилемме: в чем разница между настоящей реальностью и ненастоящей? Можете определить?

– Настоящая не останавливается.

– А вы пробовали ее остановить?

– Карамилла, вы хотите сказать, что в реальной реальности присутствуют все те же киноленты, косицы и синие нити?

– Кто знает. Может быть, вам когда-нибудь удастся это выяснить.

Возникла короткая пауза. Все понимали, что миссия «экспедиции крышки» завершена, и настало время возвращаться на круги своя.

– Ну что, Карамилла, спасибо вам огромное за все! – сказала королева.

– За все-превсе! – добавила Подлодка.

– А нам пора домой, – сказал Адя. – Так я понимаю, Ваше величество?

– Да, – ответила Брунхильда.

– Карамилла, а вы не хотите с нами, хотя бы ненадолго, в гости? – спросила ее Корова.

– Я бы рада, мои хорошие, но на кого я оставляю свою виллу Маравиллу.

– Нашу виллу-Маравиллу! – воскликнула Подлодка. – Нам у вас так понравилось, что прямо печально уходить, и тем более расставаться с вами.

– Мой дом – ваш дом, мои хорошие!

– А вы знайте, что ворота моего замка всегда открыты для вас, – сказала королева.

Карамилла прослезилась и молча кивнула.

– А ты, Кошиса, ты с нами? – спросил ее Зверюга.

– Вы же обещали, что меня не бросите?! – встревожилась Кошиса.

– Мы и не собирались тебя бросать.

– Тогда совершенно кошевидно, я с вами, мне здесь не место.

Друзья начали собираться в путь. Карамилла провожала их со слезами на глазах.

– Свидимся ли мы еще, мои хорошие?

– Всенепременно, любезная Карамилла, – заверил ее Адя.

– Всекошечно! – добавила Кошиса.

– Мы обязательно, обязательно встретимся! – Корова тоже не удержала слез.

– Мы еще вернемся к вам, в нашу виллу-Маравиллу! – пообещал Зверюга.

– Железно! – пообещала Подлодка.

– До скорого свидания! – попрощалась королева.

– Я буду вас ждать!

ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Друзья шагали в направлении к объекту, которое им указала Карамилла. Им было радостно, оттого что их миссия удалась, и в то же время немного грустно, оттого что все их удивительные приключения закончились. На самом же деле, искатели приключений и не догадывались, что впереди их ждали новые сюрпризы. Реальность, в которой они оказались, была настолько непредсказуемой, что надеяться на какую-либо определенность с ее стороны было бы по меньшей мере наивно.

Ну а пока, наши путешественники, пребывая в счастливом неведении, уже строили планы, как они вернутся домой, как отпразднуют и как заживут себе в благоденствии и согласии. Ведь они так сдружились во время путешествия. Хотя, события последнего времени шли настолько плотным потоком, что друзьям было некогда даже разобраться со своими личными отношениями.

Когда они вышли из города, до зеркального объекта было уже рукой подать.

– Надеюсь, как только мы окажемся у этого непонятного места, нам станет понятно, куда идти дальше, – сказала Подлодка. – Ведь мы же знали, откуда туда пришли.

– Надежды девушек питают, – иронично заметил Адя.

– Нет, это девушки питают надежды юношей, – парировала Подлодка.

– Не знаю, чем вы там друг друга питаете, но мне не терпится взглянуть на этот ваш объект, – сказала Кошиса. – Он кошаческий?

– О да, Кошиса, он настолько кошаческий, что ты окошеешь, – ответил Адя.

– Он кошевательный, – сказала в свою очередь Корова.

– Если не кошемарный, – добавила Подлодка.

Наконец, они поравнялись с объектом. Как обычно, перед их взором раскинулось шикарное лазурное море, с травой, песком и пальмами на берегу.

– Мау! Какое роскошество! – в восторге воскликнула Кошиса. – С удовольствием промочу там свой хвост, а может даже и лапки, а может и все остальное!

– Не торопись, Кошиса, – предупредил ее Зверюга. – Тебе разве не кажется странным, что один ландшафт резко переходит в другой?

Кошиса озадачилась. В самом деле, та местность, по которой они шли,

внезапно сменилась совсем иной, будто два разных фотопейзажа сдвинули вместе.

– Да уж, тут действительно окошеешь, – сказала Кошиса, с удивлением ощупывая невидимую стену. – Это что, зеркало?

– И да, и нет, – ответил Адя. – Видишь, там отражаются не окружающие предметы, а только наши силуэты, и то смутные.

– И что, конца и края у этой стены нет? Вы проверяли? – продолжала расспрашивать Кошиса.

– Это может быть либо экран, что маловероятно, либо граница между двумя мирами или аспектами реальности, как предположила Карамилла, – сказала Брунхильда. – Но краев мы не нашли.

– В любом случае, это кошевательство! – возмутилась Кошиса. – А еще какая-то чудовищная кошенация! Мы это можем как-то исследовать?

– Уже пытались, по-всякому, – ответил Адя. – Объект, так сказать, исследованию не поддается, он просто существует.

– А наши наюкоёлоги, наоборот, заключили бы, что, если объект не поддается исследованию, значит, он и не существует, – подметила Корова. – Удобный подход, не правда ли?

– Так или иначе, если мы здесь ничего не можем поделаться, нам следует просто отправиться домой. По крайней мере пока и сейчас, – предложила королева.

– По-моему, мы пришли сюда оттуда, – указала Корова.

– А мне кажется, оттуда, – указала Подлодка в противоположную сторону.

– Давайте для начала пойдем туда, – указал свое направление Адя.

– Ладно, идем туда, куда нас ведет твоя умопомрачительная интуиция, – согласилась королева.

– Напротив, Ваше величество, моя интуиция умопросветлительная и разумопрояснительная, просто донельзя, – ответил Адя в своей прежней манере.

И они двинулись в ту сторону, куда указал Адя. Через некоторое время они удалились от объекта, и он скрылся из виду. Старались идти строго в одном направлении, однако вскоре начали появляться уже знакомые черты пейзажа, и в конечном итоге они оказались в том самом месте, откуда вышли.

– Так, – сказала королева.

– Так, – отозвалась эхом Подлодка.

– Мы что, бродили по кругу? – предположила Кошиса.

– Не может быть! – сказала Корова.

– Быть того не может! – повторил Адя.

– Я хорошо ориентируюсь на местности, мы не могли кружить, – сказал Зверюга.

– Тогда попробуем пойти в другом направлении, – предложила королева.

Теперь друзья отправились туда, куда первоначально показывала Корова. Опять строго придерживаясь прямой линии. Через какой-то промежуток пути вдаль начали вырисовываться очертания города. Подойдя поближе, они чуть ни в один голос воскликнули:

– Помпониус!

– Это же наш город!

– Вон видна башня ратуши!

– Что будем делать? – задала свой любимый вопрос Подлодка.

– Для начала вернемся обратно к объекту, – постановила королева.

Пройдя обратный путь, они оказались в исходной точке. За невидимой стеной, как и прежде, море методично гнало свои столь желанные волны, а пальмы равнодушно качали широкими листьями.

– Может мне, как бывало, подняться в небо и осмотреться? – предложила Корова.

– Давай, моя хорошая, попробуй, – сказала королева.

Корова сосредоточилась, встрепелась и обернулась в свой прежний облик оранжевой коровы с крылышками. Расправив крылья, Корова быстро ими запорхала и поднялась в небо, описывая круги по спирали. Покружив так немного там и сям, она благополучно приземлилась и сразу вернула свое человеческое обличье. Все вопросительно глядели на нее.

– Ваше величество, – обратилась она к королеве, – в округе кроме города нет ничего примечательного. Вот разве что там наблюдается что-то вроде полесья.

– Да! Мы как раз проходили поросль из редких деревьев, перед тем как попали сюда в первый раз! – обрадовался Адя.

– Тогда идем в ту сторону, – постановила королева.

– Я пойду впереди, – сказал Зверюга.

И все отправились за ним.

Спустя четверть часа они и впрямь зашли в полесье, небольшое правда, так что и выйти оттуда не заняло много времени. Далее началась холмистая местность, поросшая травой и кустарниками. Двигаясь все прямо и прямо, друзья начали замечать, что отличительные черты ландшафта, по которым можно было ориентироваться, стали повторяться в прежнем виде, так что складывалось впечатление, будто они возвращаются

обратно. И действительно, вскоре они опять оказались в исходной точке у объекта. А вдаль по-прежнему виднелись очертания все того же города. Повалившись на землю от усталости, друзья примолкли, не зная, что и предпринять.

Одна лишь Подлодка не могла успокоиться и металась из стороны в сторону, то и дело толкая руками невидимую стену.

– Ну что же это за наказание такое! – причитала она. – Ну должен же быть хоть какой-то выход! Ну может хоть кто-нибудь ответить?!

После этих ее слов внезапно из пустоты возник невнятный шепот, который принялся носиться из стороны в сторону, подобно ветру.

– Кто здесь? – воскликнула Подлодка.

– Преддверие... Преддверие... – отозвался шепот.

– Преддверие чего?

– Времени... Времени...

– Где ты?

– Я везде и повсюду... Везде и повсюду...

– Ой, скажи! Ты можешь сказать? – заголосила Подлодка. – Где мы находимся? Что это за невидимая стена? Как нам выбраться отсюда?

– Слишком много вопросов... вопросов...

– Скажи хотя бы, как нам попасть домой?

– Найдите синтетическую деву и красную королевицу... Они помогут...

– А как? А как нам их найти?

– Узнаете... Найдете...

– А скажи, а скажи еще...

Но шепот ветра так же внезапно стих и больше не отзывался.

Друзья некоторое время хранили молчание, в изумлении переглядываясь.

– Преддверие времени? – нарушил тишину Адя. – Что за мистика?

– Все это выходит далеко за рамки моего понимания, – сказала Корова.

– И моего кошеведения, – добавила Кошиса.

– А кто такие эти, синтетическая дева и красная королевица? – спросил Зверюга. – Кто-нибудь слышал о них?

Но остальные лишь покачали головами.

– Ничего, как-нибудь узнаем, как-нибудь найдем! – взбодрилась Подлодка. – Преддверие ведь пообещало!

– А ты ему веришь? – спросил Адя.

– А у нас есть выбор? – ответила Подлодка.

– У нас уже кое-что есть, – сказала Брунхильда. – Благодаря твоей

неуемности, Подлодка, мы хоть какие-то зацепки получили.

– Спасибо, Ваше величество. Вы наша королева, но теперь надо найти еще и королевицу. Красную.

– И деву. Синтетическую.

– И что бы это значило?

– О-хо-хо, – вздохнула Корова. – А мы уж думали, что все закончилось.

– Нет, похоже, все еще только начинается, – сказала королева.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ВЕСЬ»

197101, Санкт-Петербург, а/я 88.

E-mail: info@vesbook.ru

Посетите наш сайт: <http://www.vesbook.ru>

Вы можете заказать наши книги:

в России («Книга – почтой») по адресу: 197101,

Санкт-Петербург, а/я 88;

по телефону: **8-800-333-00-76 (ПО РОССИИ ЗВОНКИ**

БЕСПЛАТНЫЕ) ЦЕНЫ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

notes

Примечания

Песня «Лучший город земли», музыка А. Бабаджаняна, слова Л. Дербенева.

Песня группы Браво «Ленинградский рок-н-ролл».

3

Вольная транскрипция песни группы Abba «Mamma mia».

Песня-танец «Летка-енька». Автора не знаю.

Слова Бориса Ласкина.

Lady Gaga.

А. Ахматова.

Л. Ошанин.

Хорв. *što izvolite* – «чего изволите», в беглом произношении «зволитэ».

Katy Perry «Roar».

Исп. Maravilla – диво, нечто необыкновенное, поразительное.

У термина «Зеландия» имеется целый ряд географических значений, включая гипотетический континент.